

Микитюк Михаил

С О В Е Р Ш Е Н И Е

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

16+

Михаил Микитюк

Совершенство. Часть первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42791592

SelfPub; 2019

Аннотация

На мрачный городок пало невиданное проклятие. Хворь приковала многих жителей к постели, погружая их в непробудный кошмарный сон. Последней надеждой на спасение несчастных являлся молодой человек по имени Амбулас, который прибыл в город по просьбе местного губернатора. Таинственный обряд – единственное оружие против этого зла. Мрачная история превратится в большое захватывающее приключение. Обложка оформлена автором книги.

Содержание

Глава 1. Любой истории положено начало	4
Глава 2. Под кровавым небом, под раскаты грома	15
Глава 3. Минувшие дни. Затмение	33
Глава 4. Новое	51
Глава 5. Откровения. Часть 1	70
Глава 6. Откровения. Часть 2	91
Глава 7. Минувшие дни. Предназначение	106
Глава 8. Кошмар. Утраченное тепло матери.	149
Глава 9. Тьма и свет. Игры на выживание.	185

Глава 1. Любой истории положено начало

«Нельзя, чтоб страх повелевал уму;

Иначе мы отходим от свершений».

Данте Алигьери

Лучезарный – город на окраине Колкого леса. Город на берегу Глухого моря.

Своё название этот захудалый городок получил в честь довольно интересного расположения построений. В нем была всего лишь одна улица, что служила сердцем города, иначе – ядром: округлая площадь, выложенная из жёлтого кирпича, который с ходом времени затёрся и посерел. В центре площади стоял фонтан, изображающий босоногого мальчика, стоящего на коленях, который обнимал маленькое солнце. Больше на площади не было ничего.

Лучезарный был разделён на восемь лучей, исходящих из "ядра". Шесть из них являлись рядами, что исходили из боков всей системы. Каждый луч – это три-четыре, построенные в ряд, двухэтажных дома. Выполнены они были из древесины колкого дерева, собственно из которых и состоял лес. В каждом доме первый этаж служил холлом, кухней и двумя уборными. На верхнем этаже располагалось по семь ком-

нат. Цифра, значащая номер комнаты, соответствовала числу кроватей, что находились в ней. Над каждой кроватью висела дощечка, вырезанная в форме солнца. На каждом солнце были написаны слова: "И не будут хмурыми ваши сны".

Самым главным лучом служил Губернаторский дом, выполненный целиком из мрамора. Над крыльцом висел герб городка: солнце в руках босоногого мальчика. Здание из себя ничего особого не представляло: обыкновенное одноэтажное, прямоугольное построение, несколько колон для опоры крыльца, и широкая чёрная дверь, с ковриком для ног у входа. Лишь синяя остроконечная крыша выделялась из этого скучного образа, да и окна с синими рамами, открывающие обширный вид на площадь, и на въезд в город. Этот въезд и служил последним лучом Лучезарного. Вёл он к развилке дорог: правая – служила выездом из города, левая – делала полукруг, и выводила обратно на дорогу.

Лучезарный местные жители называли никак иначе как "Город небылиц". Во-первых, несмотря на своё светлое название, над этим городом, с самого момента воздвижение главной площади, нависло хмурое небо. Летом и осенью оно казалось серым, зимой и весной – мутно-синим. Дождь лил редко, но из-за глобального дефицита солнца в Лучезарном зародилась проблема, как сырость и плесень. В связи с этим, горожане всегда ходили с мокрыми носами. От лица Губернатора, каждому жителю, на каждый день недели предоставлялись совершенно безвозмездно семь платков, которые по-

сле использования сдавались в плетеную корзину, что стояла у подножия лестницы крыльца. К концу недели корзина набивалась, а на начало новой – в ней лежали комплекты чистых платков.

Во-вторых, никто и представления не имел на чём, и на какие средства город содержал жителей, ибо в Лучезарном царствовала безработица. Это оставалось загадкой. Кто-то говорил, что у Губернатора безграничные запасы золота. Кто-то заявлял, что тот же Губернатор нанимает охотников, и те ловят единорогов, сцеживают их молоко, и торгуют за пределом города. Но всё это являлось только слухами.

Каждое утро в Лучезарный въезжала карета с припасами на день. В основном жителям предлагалось хлеб двух сортов, вода, мешочек картофеля, небольшой выбор овощей, редко когда рыба. Поэтому, абсолютно каждый житель был вегетарианцем.

Особенно ценились книги. Именно они служили единственным развлечением для жителей. К тому же, книги являлись редкой темой, когда жители могли хоть что-нибудь обсудить друг с другом. Но с течением времени, каждый житель когда-либо лично ознакомились с тем или иным произведением, и поводы для разговора иссекались.

Лишь один день заставляет горожан Лучезарного вылезти из своих домов, и собраться на площади. Лишь в этот день над городом сияет солнце. Торжественный праздник «День Восхода». На площади играет музыка, развешивают флажки,

и чистые плакаты, на которых каждый желающий может нарисовать солнышко. После праздника эти плакаты сжигают.

В День Восхода в город ввозят эль или ром, для детей же – содовую. Вокруг фонтана расставляют полукругом столы, на которых располагаются всякого рода вкусности. Больше всего дети предпочитают мармелад, а так же шоколадные яйца.

На празднике есть одна интересная игра. Жители делятся на две команды. Первая – становится в круг, и, крепко взявшись за руку, плотно прижимаются друг к другу. Они символизируют солнечный свет. Их задача: держать оборону. Вторая команда старательно должна пробить защиту и прорваться в круг первой команды. Они символизирует тучи. Один раунд длится одну минуту. Побеждает та команда, которая выполнила поставленную задачу

Что собственно касается самих жителей Лучезарного, – это люди, которые одновременно радуются и печалятся некоторым фактам. Как было сказано выше, все жители были безработные. Это их забавляло. Проблема в той же самой причине: им попросту нечем заняться.

Многие читают книги, кто-то воспитывает детей, играют с ними. Некоторые, – зачастую старые люди, – вяжут, вышивают, пишут мемуары. Каждому жителю это приедается, но от безысходности продолжают заниматься тем или иным делом ежедневно. Абсолютно каждый разумный горожанин Лучезарного задумывался: «А почему бы не заняться чем-то полезным: земледелием, строительством?» Но так и никто не

осмелился воплотить в жизнь подобные мысли.

Было одно исключение! Бабушка Лоис. В свои семьдесят пять лет с хвостиком, первая осмелилась избавиться от однообразия. В один день, она выбралась из своей комнаты, – под номером два, – походила вокруг города, собрала несколько палочек, оградила ими небольшой участок земли, и рассеяла немного зернышек. Через неделю Бабушка Лоис умерла, а на месте ее маленького сада выросли сорняки.

Если рассмотреть жителей с точки зрения социологии, то их общество можно назвать диким. Диким не в плане поведения, а отчуждённым, – в этом смысле. Все горожане сидели, запершись в одиночку, или же семьями в своих комнатах. При встрече со знакомым лицом здороваются, но редко кто останавливается и делится новостями. Лишь дети могут в холле порезвиться час-два, да старики сыграть партию в шахматы.

Из-за подобного Лучезарный кажется пустынным и хмурым городом: на улице тишина, площадь пуста. Выше рассказывалось, что народ собирался только в случае прибытия повозки с продуктами, или же в День Восхода. В остальное время – глушь.

В следующих абзацах коснёмся такой личности, как Губернатор города. Прэсез Урбэм. В последующем, мы будем звать его либо Губернатором, либо господином Урбэмом.

Этот человек был сыном управляющего одного прибыльного трактира. С самого детства Урбэма учили мастерству

менеджмента. Уже в семнадцать лет он управлял пятью заведениями в трёх городах. В тридцать лет его поставили мэром в прибрежном мелком городишке, а к тридцати семи годам предложили воздвигнуть собственный город. В те года Урбэм верил, что это дело приведёт его к свету. Ему выделили землю, которая находилась далеко-далеко от цивилизации. В этом Губернатор видел свой плюс: город расстроится, станет огромным в обхвате территории, а так же станет центром высокотехнологичного мира. Даже название дал городу солнечное, что так же стало идеей для построения зданий. Всё это он делал в надежде на светлое будущее. Но солнце скрылось за тучами над Урбэмом, как в материальном плане, так и духовном. Сейчас же он просиживает штаны в мрачном городке, потолстел, а затем разжирел. Надежды не осуществились. Но Губернатор не считал себя неудачником. Он – хозяин собственного города. Численность населения если не растёт, то хотя бы держится на уровне. Да, горожане особо не радуются, но и не страдают. Есть дом, пища, небо над головой. Чего ещё нужно? Такова была политика Урбэма.

Но судьба такова, что и так с весьма несчастливым городком случилась напасть. Навалилось проклятье.

Началом этой истории послужил день, когда в город въехали сразу две кареты. Одна, как известно, с припасами, другая – с никому неизвестным и ранее невиданным пассажиром. Народ уже поочерёдно разбирает продукты, когда из второй повозки вышел молодой мужчина высокого роста. От-

дельно рассмотрим его наряд.

На него было надето длинное шерстяное пальто, почти до колен, с посеребрёнными пуговицами, подчеркивающее стройность незнакомца. Из пальто выглядывал серый вязанный шарф. Внимание стоит уделить рисунку на верхней одежде: едва видный открытый глаз на обеих сторонах. Зауженные тёмно-серые брюки, усердно начищенные чёрные туфли указывали на его строгость. В одной руке он держал небольшой чемодан, другой – поддерживал заплечный мешок с вещами. Сами же руки были облачены в тонкие кожаные перчатки.

На лицо незнакомцу можно было дать от силы лет двадцать – двадцать три. Длинное худое лицо с широкими скулами, заострённый прямой нос, большие синие глаза с устремленным на толпу колким взглядом. Оно оживлялось спокойной, чуть заметной улыбкой и выражало самоуверенность и ум. В меру пухлые губы, темно-каштановые волосы, собранные в короткий хвост.

Мужчина немного постоял, огляделся. Толпа вокруг стояла в недоумении: никто за столь долгое время не приезжал в Лучезарный отдельной каретой. Наступила минутная тишина.

Осмелился нарушить ее тот же незнакомец:

– Амбулас Интенегри! Ударение на второй слог! – говорил он громко, и каждое слово проговаривал с особой педантичностью. – Я прибыл по поручению вашего Губернатора. Где

я его могу найти?

В толпе что-то зашуршало, люди начали расходиться, и оттуда выбежал полный мужчина в сером смокинге и красной бабочкой на воротнике. Пока он проделывал путь до незнакомца, толстячок буквально запыхался.

– Я, господин Интенегри. Я – Губернатор, – воскликнул он. Из-за отдышки несколько слогов было проглочено.

– Ударение на второй слог, – поправил его приезжий. – Как я понимаю, прибыл я в тот самый Лучезарный. Я не ошибся?

– Всё верно, господин Ин...ИнтЕнегри. Дорога вас не утомила? Не желаете ли вы выпить малиновый чай? – Губернатор аккуратно положил руку на спину мужчины, и повёл его через толпу в сторону Губернаторского дома. Он попытался забрать чемодан у приезжего, в знак добродетелей, но тот багаж крепко держал в руках.

– Ближе к делу, Губернатор. Мне нельзя здесь надолго оставаться. И извольте наконец представиться.

– Урбэм, господин Ин...ИнтЕнегри. Ударение на первый слог, – Губернатор слегка улыбнулся, но в ответ получил холодный взгляд.

Они подошли к двери мраморного здания, после чего Урбэм, приоткрыв дверь, пропустил Амбуласа вперёд. А перед собственным входом внутрь крикнул своим хриплым голосом несколько слов толпе, которая до сих пор не желала расходиться:

– А ну разбежались по своим делам! Нечего здесь толпиться! Площадь протираете!

Жители пожали плечами, зашевелились, и вскоре скрылись по домам. Дел на улице у них больше не было.

Уже внутри Губернаторского дома, в главном кабинете, где вдоль всех стен были расставлены шкафы, полностью заполненными книгами, Урбэм усадил гостя на своё любимое кресло, выполненное из дубового дерева, с красной вельветовой обшивкой, и приступил к рассказу, с какой целью пригласил Амбуласа.

– Господин Интенегри, я приглашал четверых лучших врачей, которые, несмотря на столь серьезное расстояние, не поленились приехать в город. Сначала я думал, что на людей напала лихорадка. Но никто из лекарей не мог дать точного диагноза, и тем более причину заболевания. Один из них, когда убедился, что не может никак помочь больным, посоветовал обратиться к вам. И я немедленно написал письмо, – всё это время Губернатор стоял напротив Амбуласа, у камина, и не уводил взгляда с него. Слушатель же устремил свой взор на угасающее пламя. – Ах, чудеса! Вы прибыли так скоро! Но, тем не менее, мы уже увезли на кладбище троих.

– Какие симптомы? – медленно, еле открывая рот, произнес гость.

– Какие симптомы... У всех одно и то же: спят уже

несколько дней – не могут проснуться. Совершенно не двигаются, дышат чуть заметно. Врачи говорили, что когда открывали веки, зрачки больных были полностью расширены. Глаза казались чёрными! Представляете? Да что я вам всё это рассказываю? Вот вам все заметки врачей, – господин Урбэм подбежал к столу, который стоял посреди комнаты, и из тумбы достал аккуратно сложенный листок. Вскоре, он протянул его Амбуласу.

В заметках были следующие слова:

«Дыхание заглушенное. Частота сердцебиения отличное от нормы: ниже среднего. Зрачки полностью покрыли радужку. Температура тела держится в пределах тридцати четырех – тридцати пяти градусов. Состояние: схоже на кому, но не является таковым». Всё было закреплено подписью врача.

Амбулас тяжело вздохнул, и, свернув листок, положил во внутренний карман пальто. Затем, он положил на колени руки, и задумался. Всё это продлилось не больше трёх минут. Губернатор не посмел нарушить тишину.

– Сколько больных? – резво задал вопрос мужчина, и встал с кресла, уставившись на Урбэма.

– На данный момент четверо, господин Интенегри. Вы уже сделали предположение? Ведь так? Только не говорите мне, что не знаете диагноза. Прошу! Не говорите.

– Нам нельзя медлить, Губернатор. Ведите меня сейчас же в дом к первому больному. И захватите с собой журнал: бу-

дете записывать все мои действия, и слова с определённой точностью. На счету каждая минута. Нельзя медлить.

Глава 2. Под кровавым небом, под раскаты грома

Над городом нависла хмурая туча. Музыкаой дождя, падая на землю, зазвенели капли. Стучали крыши, барабанили стёкла окон, скрипела калитка под порывами ветра. Дождь то усиливался, то затихал, то прекращался совсем. По мокрым улицам торопливо шагали двое мужчин. Один, что покрупнее, то и дело через каждый шаг спотыкался, второй двигался в подметки тени, бесшумно.

Нужный им дом находился во второй ветви справа, самый первый. Дверь звякнула, и двое вошли внутрь. Комната, которая содержала в себе и прихожую, и кухню оказалась низкой и пустой, без перегородок. На ближней стене висела изорванная куртка, в углу валялась груда тряпок, два больших горшка стояли возле камина. Одинокая свеча горела на столе, то уныло вспыхивая, то угасая. Дом внутри казался печальнее, чем снаружи.

–Хозяева, – захрипел Урбэм.

Слышно было, как начал скрипеть пол на втором этаже, и через миг вниз спустилась пожилая женщина. Амбулас сразу же обратил внимание на ее большие блестящие глаза, с сильно набухшими синяками под ними. Женщина была чересчур худая, вены на руках ярко вздувались, волосы на го-

лове были не мыты уже который день. В ее взгляде можно было различить две эмоции: беспредельное горе и схлынувшая новая надежда.

–Амбулас Интенегри, – представился молодой человек.

–Иззи Темингол, – робко начала она. – Вы пришли помочь? Вы тот самый человек, что приехал сегодня утром? Не зря мне сегодня приснился этот сон. Я видела Вас в своем сне! Вы были озарены солнцем. Вы спасёте ее? Спасете мою доченьку? Она увядает, – говорила она, в волнении ломая руки. – Она заболела восемь дней назад. Слегла вечером от усталости, и больше не размыкает очи. Неделю и день! Вы представляете? Это очень долго!

–Не стой столбом, седая! Веди скорее, – начал подгонять Губернатор.

И они поднялись наверх. Дверь комнаты под номером один открылась, и перед взорами людей появилась кровать. На ней лежала молодая белокурая длинноволосая девушка лет шестнадцати-восемнадцати, кожа ее была совсем тусклой, губы посерели. Так сразу и нельзя было сказать, что она еще жива, но дыхание еще уловимо. Девушка лежала на спине, руки вдоль тела, из-под одеяла слегка выглядывала голая стопа, которую вскоре заправила обратно мать.

–Держите, Губернатор, – протянул Амбулас толстый журнал в кожаном переплёте, достав его из своего чемодана, – как и договаривались, вы будете записывать всё, что я говорю и делаю. Не упускайте мелочей.

Молодой человек схватил ближайший табурет, и сел на него у самой кровати. Губернатор встал рядом, мать застыла в проходе.

– Возраст? – обратился Амбулас к женщине.

– Семнадцать лет исполнилось недавно, – говорила она тихо, словно умирающая.

– Записывайте, чего ждете? Каждую мелочь! – крикнул он Урбэму, тот спохватился, раскрыл журнал, достал из пиджака ручку, и начал чиркать им.

Амбулас взял бледную руку девушки, и начал нащупывать пульс, вскоре он приложил губы к ее лбу, померив тем самым температуру. Следом, он приоткрыл девушке веки, взглянул на зрачки. Всё это не заняло и двух минут.

– 42 удара в минуту, температура ниже нормы на один – два градуса, зрачки расширены, дыхание приглушенное.

Молодой человек вновь раскрыл свой чемодан, и достал оттуда три свечи, небольшой тканевый сверток с предметом внутри, и серебряный амулет с гравированной подвеской в виде боевого топора, что являлось самым ярким оберегом.

– В доме есть комната со свободным пространством? – спросил вдруг он.

– Все комнаты заставлены кроватями... – ответила чуть слышно миссис Темингол.

– Мы можем их сдвинуть. А зачем вам? – поинтересовался Губернатор.

– Я сбегая за мужем, – спохватилась женщина, и уже через несколько секунд было слышно, как скрипнула входная дверь.

Амбулас резко встал, вышел в коридор, и начал последовательно дергать двери комнат. Губернатор последовал за ним, и даже счёл нужным что-то записать. Третья и пятая комната были закрыты, видно в них кто-то находился из жильцов. Остальные же комнаты пустовали. Молодой человек остановился на комнате под номером шесть.

– Нет времени ждать. Помогите мне сдвинуть кровать в сторону, нужно место!

– Что вы хотите сделать, господин Интенегри? Зачем? Вы точно сможете помочь?

Амбулас кинул змеиный взгляд в сторону Урбэма, и с недовольством крикнул:

– Вы собираетесь мне помогать?

В ответ, Губернатор положил на тумбу журнал, и принялся сдвигать кровати в левый угол, противоположный от входа. Матрасы скидывали на пол, но и без этого кровати из досок цельного дерева, пропитанного сыростью, казались не совсем легкие на подъем. Дело заняло около пяти минут, но

и за это время Губернатор успел пропотеть. Амбулас же за весь процесс не издал и звука. После этого, молодой человек начал стыковать друг к другу скинутые матрасы, образуя при этом обширную мягкую площадь. Закончив с этим, он побежал в комнату, в которой лежала пациентка.

Стянув с девушки одеяло, перед ним предстало обнажённое бездыханное тело. Амбулас робко отвернулся, выдохнул, снова посмотрел на нее. Всё туловище было в кровоизлияниях и кровоподтеках. Что-то будто убивало девушку изнутри. Он взял девушку на руки, и понес в приготовленную комнату.

– Батюшки! – вскрикнул Урбем, когда вошёл Амбулас .

Он помог ему аккуратно положить мученицу на матрасы, и снова схватился за журнал, сделал пометки.

Амбулас расставил три свечи: одну у изголовья, другие – у локтей с обеих сторон. Затем, он сбегал снова в комнату под номером один, и вернулся оттуда с небольшим бронзовым кубком.

– Заполните его водой, – приказал Амбулас Губернатору. Тот беспрекословно повиновался, выбежал в коридор, и спустился вниз по лестнице. Молодой человек тем временем поджог фитиль каждой свечи, и натянул на себя амулет. Затем, он присел на колени, аккуратно взял девушку за руку, и принялся шепотом читать молитву, на неизвестном языке:

– Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте. Эл номе ган

го ретте повус.

Вскоре, после произнесения этих слов, вернулся Урбэм с кубком, наполненным водой. Амбулас протянул руку, губернатор подал чашу, и вновь взял журнал в руки.

Амбулас, пододвинув свёрток, раскрыл его, и оттуда показался кинжал с длинным и узким клинком. Он снова взял руку девушку, и кольнул кончик пальца кинжалом, поднес кубок, и выдавил пять капель крови.

– Ло вонгу та повус. Ло вонгу та повус, – опять зашептал он, при этом покачивая аккуратнo кубок.

Урбэм на всё это смотрел, с широко раскрытыми глазами. Ничего подобного он раньше не видел. Слышать – слышал схожее, но не видел. Это одновременно его завораживало, и пугало.

Когда Амбулас прекратил шептать слова, поднес кубок к губам, и сделал несколько глотков. Через несколько мгновений он повалился на пол, опрокинув кубок со всем содержимым.

– Ужас какой! – закричал губернатор, и подбежал к молодому человеку. – Всё идет правильно? Так и должно быть? Господин Интенегри! Не отвечает. Что делать? Он дышит. Значит, всё идет как надо. Ведь так, господин Интенегри? Ведь так?

Но ответа и не следовало ожидать. Душа Амбуласа покинула тело, и перенеслась в другую сущность.

Ад – это печь неугасимого огня, место вечного наказания, где его жертвы мучаются телесно и духовно в соответствии с их греховной природой, совершенными ими грехами и количеством данного им духовного света, который они отвергли.

Ад – это место, где нет Божьего милосердия и доброты, где Божий гнев выливается в ужасный всепоглощающий огонь, а люди вечно живут в мучении со своими неудовлетворенными страстями и желаниями.

В Евангелии от Матфея Господь Иисус рассказывает притчу, касающуюся суда. В стихах Господь описывает судьбу грешников: «Так будет при кончине века: Изыдут Ангелы и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов».

«Огненная печь», – так можно было описать то, где очутилась душа Амбуласа. Он прекрасно знал, что перед ним не царство страданий и тьмы. Ад вечен. И он будет всегда. А то, где оказался он – это ни что иное, как захваченный злом разум девушки, которая нуждалась в помощи. Это душа, охваченная огнем, который следовало потушить. Это болезнь, которую обязан вылечить именно Амбулас.

Это место можно было описать так: бесконечное жерло вулкана, в лаве которого, образовались неподвижные островки различной величины, от мала до велика. Всё вокруг искрило жадным пламенем, а вдалеке виднелся густейший

непроглядный мрак. Место было пропитано дымом и зловонием. Стояла мучительная жара. Небо было покрыто огненными тучами. Всё оно гремело, звенело, стучало, издавало страшные вопли. Молнии с треском ударяли в скалы.

– Кар-карр, – появился из ниоткуда чёрный, как ночь, ворон. Именно ворон, а не ворона. Мудрая птица, столетиями обманывающая смерть, любимый герой русских сказок. Он сделал пару кругов над головой Амбуласа, и плюхнулся на землю. Мощный клюв, чёрно-металлическое оперение, и отражение кровавого неба в глазах ворона придавало ему еще более темный образ.

Крупная чёрная птица задумчиво уставилась на Амбуласа. Он протянул крылатому обитателю руку, но в ответ получил один короткий взгляд черных глаз и громкое «Кар-р». Тяжело ударив крыльями, ворон устремился в небо, и исчез во мраке.

– Ну, здравствуй, приятель. – Промолвил молодой человек вслед ему. Затем, он поправил воротник своего пальто, и добавил, – Что же, приступим.

Весь торс, руки и ноги накрыло синее сияние. Оно пульсировало с учащенным ритмом. Вспышка! И, как по волшебству, Амбулас был полностью снаряжен в темную кожаную броню. Нагрудник и защита для плеч комбинировались с туникой. Заклёпки на мягкой коже находились близко друг к другу, что формировало эластичное металлическое покрытие, которое совсем не сковывала движения. За спиной по-

явился меч с симметричным длинным клинком и волнистым лезвием. На шее висел знакомый нам амулет с изображением молота на подвеске. Весь средневековый образ дополняла цепь, плотно обмотанная вокруг левой руки. Один конец был прочно прикреплен к креплению от плеча до локтя, а другой – кончался у запястья, переливаясь из колец в остроконечный крюк.

Амбулас слегка попрыгал на месте, чтобы ощутить на себе новый вес снаряжения, и рванул вслед за исчезнувшей тенью ворона.

Пейзажи на горизонте совсем не менялись: всё те же скалы, по которым скатывалась лава. Пыль кругом, дым, где-то горело что-то похожее на дерево. Всё это подкреплялось искрами в небе, молниями, и страшными воплями вдали. Вскоре Амбуласу пришлось взбираться на крутой склон, который никак нельзя было обойти, так как вокруг была раскалённая жижа. Руки от острых, как нож, камней спасали перчатки, но и так всё передвижение доставляло неприятное жжение на ладонях. Пару раз приходилось начинать подниматься вверх заново. Валуны под тяжестью ног то и дело обваливались.

Наконец, одолев препятствие, за холмом, в нескольких сотнях метров показалось весьма знакомое поселение, над которыми летал черный ворон, закладывая лихие виражи на крутых поворотах и хрипло каркая. Это был Лучезарный. Но весьма отличительным свойством этой проекции города бы-

ло в том, что абсолютно каждый дом был охвачен пламенем. Фонтан был разбит вдребезги, на мельчайшие камушки, а губернаторский дом и вовсе отсутствовал. Но всё это не произвело на Амбуласа никакого впечатления. Он отряхнулся, и зашагал к руинам.

Всё пылало. Ни единой души не было в Лучезарном, лишь один смог проявлял жизненную активность, и то, подвластную ветру. Пройдя чуть дальше от места, где должно было находиться главное здание города, за спиной Амбуласа закаркал ворон, и это заставило его развернуться. Посреди пылающих домов стояла неподвижная фигура. Молодой человек обратил внимание на белые волосы, и тут же догадался, что это именно та девушка, в чьё сознание он проник. Он медленно зашагал ей навстречу.

Обнаженное тело всё было покрыто ожогами и пылью. По щекам девушки катились слезы, оставляя на грязном лице следы. В глазах ее был мрак.

– Возьми меня за руку, и мы покинем это место, – начал Амбулас. – Этот ужас пройдет. Дотронься лишь до моей руки, – и он протянул ей свою, всё медленнее подходя к девушке.

Их разделял десяток шагов, когда мученица закричала и молниеносно устремилась прямо на спасителя. Кожа ощутила поток воздуха. Вскрикнув, Амбулас завалился на спину, не в силах оторвать взгляда от приближающейся фигуры, и вообще попытаться уклониться.

Фигура девушки растворилась в воздухе. Вместо нее, на горящих крышах появились странные существа, и спрыгнули на землю. Это были маленькие, шkodливые, и не чисто-плотные создания. Выглядели они, как хвостатые лысые худощавые карлики с крупными заострёнными ушами. Амбулас знал, что от этих существ, – да и в прочем от всего, что в захваченных сознаниях обитало, – не следовало ничего ожидать хорошего. И был прав. Тут же они принялись метать в его сторону огненные шары.

Мгновенно встав на ноги, Интенегри увернулся от огня, и отбежал в сторону, укpывшись за стеной очередного дома. Он насчитал пять врагов. Вступить в бой с ними было ни сколько неизбежно, а скорее не приемлемо для него. Существа в припрыжку побежали в его сторону. Это и дало начало действиям воина, и он достал меч.

Сделав кувырок в сторону, Амбулас взмахнул левой рукой в сторону крайнего левого создания. Цепь, подвластная сказочной магии, устремилась в цель, проткнула насквозь ее, и быстро притянуло к атакующему. Колющий удар, и один готов. Второе существо само напоролось на удар клинком плашмя, что тут же повалило его замертво. Остальные же не стали повторять ошибок, и бросили в воина по огненному шару. Тот же бросился им на встречу, и сделал подкат под ними, заметив, что шары не меняют траекторию. Амбулас замахал мечем перед собой, и в этой мясорубке повалил еще двоих. Брызги крови хлынули во все стороны.

Оставшийся в панике бросился бежать, оставив позади трупы своих товарищей. Но эту затею тут же прервал воин, направив в сторону труса крюк, который через мгновение притянул мертвую тушу. Амбулас оглядел поле битвы, убедившись, что врагов не осталось, и запрокинул за спину меч. Битва была предельно легкой.

– Кар-р, – восторженно крикнул ворон, который всё это время сидел на земле за человеком, с интересом наблюдая битву. Он, с мудростью во взоре, взглянул в глаза Интенегри, щелкнул клювом, и захлопал крыльями в сторону от руин Лучезарного.

– Ты всё не перестаешь меня поддерживать, мой друг, – улыбнулся Амбулас, и тут же двинул за вороном вдогонку.

Следующее место превзошло все его ожидания. Не мало времени потребовалось преодолеть холм, бесконечно тянувшийся вверх, чтобы, преодолев его, увидеть перед собой следующее: огромная чёрная башня в высоту чуть меньше ста метров, в форме узкого цилиндра, из которого выходили каменные иглы, концы которых горели красным, точно были накалены предела. Из башни выходили два коридора, которые служили переходами в башни поменьше. Из всего этого сооружения исходил один яркий оранжевый луч в небо. Всё построение было окружено забором, походивший на останки хребта огромного существа.

– Кар-р, – хрипнула чёрная птица, и приземлилась у ног Амбуласа. Она искоса взглянула на человека, вытянулась и

кивнула в сторону башни. Якобы «Тебе туда, чего уставился?»»

Воин намёк понял, и ждать себя не заставил. Добравшись до забора, он с легкостью преодолел его. И стоило ему сделать лишь один шаг за преградой, как с земли поднялся дым, и тут же рассеялся, а на его месте, под раскаты грома, появились знакомые существа. Только численность их превосходила чуть ли не в три раза.

В ближайшего Амбулас воткнул крюк, а в ответ получил десяток искрящих шаров в свою сторону. Все пролетели мимо цели, но только один попал в землю в то время, когда человек переставлял ногу. Это откинуло его в сторону, и перевернуло в воздухе пару раз. Амбулас не успевал встать, и поэтому ему пришлось на коленях отползти от обстрела.

Когда последний шар разорвался, Интенегри встал на ноги, и побежал к врагам. За один рывок, за спиной он оставил три туши. Затем, окинув взглядом всё вокруг, он махнул левой рукой в сторону, что выкинуло цепь, и начал крутить острым крюком над головой. Пришлось сесть, так как рост существ едва ли превосходил метр. Острое лезвие цепи, с легкостью разрезало плоть врагов, и повалило бездыханно еще шестерых.

Остались четверо, которые отступили в сторону ворот главной башни. Добравшись, существа метнули по шару в сторону Амбуласа. Скорость снаряда была совсем не высокой, поэтому увернуться, да и еще на дальнем расстоянии,

было легко.

Воин стал под тем углом к врагам, что бросив крюк в их сторону, он одновременно проткнул одного из них, и зацепил за этим невезунчиком стоящего. Поэтому он притянул одну тушу, и раненного карлика, которому снес следом же голову с плеч. Два одиноких уцелевших существа переглянулись, и бросились бежать в разные стороны.

«За двумя зайцами не погонишься», – сказал в уме Амбулас, и сумел кое-как подцепить только одного беглеца, к которому неминуемо пришла смерть. Другой же – скрылся с глаз долой.

Воин толкнул ворота в башню, но они не поддались. Тогда Амбулас побежал к соседней башне. Там и вовсе входа не было. Окинув всю конструкцию изучающим взглядом, он заметил, что иглы, торчащие из стен построения, представляли собой нечто похожее на ступени, между которыми был приличный пролет. И здесь на помощь человеку пришел снова крюк.

Цепь плотно обматывала иглы, и инерцией притягивала Амбуласа к себе. Он запарил в воздухе. Состыковка с торчащими копьями была весьма неприятной. Во-первых, это был мощное приближение, что при столкновении с силой било Амбуласа по груди. Следом же, приходилось вскарабкиваться, и постараться устоять на иглах.

Он взглянул вверх, и подсчитал, сколько ему придется пройти. Недовольно покачав головой, человек выдохнул, и

швырнул крюк в следующий выступ. Под конец пути, он вскрикивал от боли при соприкосновении с иглами. Грудь то и дело трещала. Если бы не нагрудник, с легкостью можно было схлопотать по ребрам, и переломом тут не отделаешься.

Когда Амбулас взобрался на крышу башни, ему потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Он проклинал мысленно это большое воплощение зла в разуме девушки, этого ворона, а затем и себя. «Слушать глупую птицу. Вот чудеса». Но он и не вздумал сомневаться, что на верном пути.

Интенегри встал, и подошел к краю крыши, что был ближе к коридору между башнями. Но это был не коридор вообще, а что-то похожее на мост. Сверху до него было около четырех метров, и это не стало преградой для Амбуласа, и он спрыгнул вниз, а при прикосновении с землей, сделал кувырок, дабы заглушить удар.

Он побежал на противоположную сторону моста, к небольшим воротам в главную башню. Сильный толчок не дал результата. Амбулас окинул взглядом стены у входа, и заметил небольшой выступ – нажимную плиту. Нажатие на нее, раздвинуло ворота в разные стороны. Человек бросил раздраженное «Тьфу», представив, что точно такая же плита была и у начальных ворот. Но не посчитал это своим прочётом, так как вдруг там этой нажимной плиты и вовсе не было. Хотя, осадок остался. Он вошёл внутрь.

Стены коридора, в котором Амбулас оказался, были расписаны различными символами, которые светились желтоватым цветом. Пройдя немного дальше, перед ним представили две двери: до одной нужно было идти всё так же прямо, но Амбулас предположил, что это приведет его к мосту между башнями. Вторая дверь была по правую сторону, и вела явно вглубь построения. У входа была такая же нажимная плита, что встречалась раньше.

Двери раскрылись. Обширное высокое помещение было оснащено у стен спиралевидной лестницей, что позволяло подняться снизу от главного входа к сердцу башни, чему служил раскалённое ядро, похожее на солнце в космосе. Оно поддерживалось благодаря массивным балкам, которые выходили из стен, и якобы сдерживали и контролировали энергию сердца. На эти же балки, под ядром, связанная оковами черной липкой субстанцией, материально похожую на паутину, была подвешена девушка. Несчастливая находилась без сознания.

На всё это человек смотрел снизу, так как вышел на платформу под этим самым ядром, а там, где висела девушка, можно дотянуться рукой, но сложно. Осмотрев всё, как следует, Амбулас пришел к решению, что следует обрубить несколько крепление тюремной оковы, дабы сместить девушку ближе к краю к нему. Затем, обрубить оставшиеся крепления одновременно, и ловко подхватить пленницу.

Только Амбулас хотел начать вершить задуманное, как

его сбила в сторону магическая волна. Это чуть ли его не отправило кубарем вниз по лестнице. Откуда ни возьмись, со стен прыгнул не то монстр, не то демон. Выглядело это, как огромный паук с головой и руками бледнокожей женщины. Оно медленно скакало из стороны в сторону, подбираясь к человеку.

Амбулас быстро оклемался, встал с земли, и тут же кинул в сторону чудовища крюк. Тот же, отскочил вправо от цепи, и в ответ нанес энергетический удар, который снова свали на живот нападающего. Чудище кинулось к нему.

Воин слегка замешкался, когда встал на ноги, поэтому от ударов он начал уворачиваться безоружным. Человеческие руки с чёрными длинными когтями желали разодрать всё тело Амбуласа. Чудище наносило удары то руками, то паучьими передними лапами. А он попросту не успевал выхватить меч.

Тогда Амбулас кинул цепь в сторону, где крюк ухватился за поддерживающую балку, и он упорхнул в ту сторону от врага. Монстр бросился за ним.

Интенегри вскарабкался с трудом на балку. Уже там он схватил меч, и принялся глазами выискивать паука.

– Где же ты?! – крикнул он.

Сзади что-то затрещало, и когда Амбулас посмотрел в ту сторону, на него уже кинулось чудище. Оба свалились с балки вниз, на ту же платформу, где и начали.

Времени не было, чтобы кривиться от боли, тогда воин

схватил меч, что выронил в полете, и кинулся к пауку, который с тяжестью подбирал все восемь лапок. Колющий удар, следом режущий, прыжок в сторону, удар по лапам, кувырок, и, напоследок, проткнуть насквозь тело. Враг пал.

Тут же всю башню затрясло. Следовало поторопиться. Теперь спасителю ничего не мешало совершить задуманное, и спасти девушку. Когда пленница уже оказалась освобожденной, Амбулас положил ее голову к себе на колени, и начал приводить ее в чувства. Она медленно открыла глаза.

– Возьми меня за руку... – начала он.

Одна из балок треснула, и обрушалась в самый низ. Все стены башни начали покрываться разломами.

– Возьми меня за руку! Ты хочешь отсюда уйти? – девушка с трудом дышала, но Амбулас продолжал. – Возьми меня за руку. Ты обязана сама дать мне ее. Ты же хочешь отсюда уйти!

Уже вторая балка обрушалась. Небо гремело. Всё здание тряслось. Если ядро разорвет изнутри, и вся мощь выйдет наружу, им уже не спастись.

– Возьми мою руку! Ну же!

Девушка со стонами протянула ему руку. Балки обвалились. Вспышка.

Глава 3. Минувшие дни. Затмение

Немного окунем читателя в детство Амбуласа Интенегри. И начнем с того, что детства-то у него и не было.

Когда Амбуласу не исполнилось еще и трех лет, его родители погибли. Но вопрос стоял в том: "А погибли ли?"

Парренс Интенегри – был успешным предпринимателем, и высоко уважаемым человеком. Но богатство не ударило ему в голову, а наоборот, вело к поступкам благородства. Добродетель служила сама по себе самой высокой ценностью семьи Интенегри. Если нет добродетели, то знатность не поможет. Он был кормильцем бедноты. Он основывал больницы, открывал школы, навещал больных детей, давал приданное девушкам, оказывал помощь вдовам, усыновлял сирот. Так же Парренс материально поддерживал заведения, которые могли накормить и предложить ночлег беднякам. Он был человеком, к которому мог обратиться за помощью всякий, и никому не случалось уходить от него ни с чем. Парренс сам ощутил на себе тяжесть голодающих в юные годы, когда отчим выставил его на улицу, а мать не осмелилась заступиться за собственного сына. Но смекалка и сообразительность помогла подняться ему с колен.

После долгих и мучительных скитаний по улицам, Парренс попросился на подработку к одинокому пожилому куз-

нецу, который со снисходительностью отнесся к бедолаге. Сначала он просто подносил инструменты, заготовки. Следом, крепил и регулировал штампы, закладывал и устанавливал детали, очищал их от смазки. Затем, когда знания по кузнечному ремеслу возросли, с любопытством начал соединять всевозможные сплавы, тем самым достигая более высокую прочность и легкость сырья.

Хорошая работа кузнеца высоко ценилась, а если эта работа имела свою некую индивидуальность, то за это намного поднимали плату. Старик умер, но Парренс продолжил его дело. Он начал относиться к подобному ремеслу, как к искусству.

Теперь юноша увлекся изготовлением уникального боевого оружия. В то время чёрный порох не особо славился, и поэтому пределом его разума стал многозарядный арбалет. Идея ему пришла на ум, когда он поднял для себя ряд вопросов, касающихся оружия, в том числе и неудобство использования арбалетов, требующих постоянной перезарядки.

Первоначально зародилась идея создать поворотный лук, немногим позже пришла в голову идея прикрепить к арбалету барабан, и в заключение все это «оборудовать» зонтичным механизмом. Конструкция обеспечивает быстрое натяжение тетивы и поворот барабана, снаряженного несколькими стрелами, с чёткой установкой в боевую позицию каждой

очередной стрелы. В состоянии полной экипировки этот арбалет весил около четырех килограммов, и ему не было аналогов по скорострельности среди оружия подобного класса.

Это был шедевр. По достоинству оценили качество новинки солдаты. Уже по истечению нескольких недель, создатель гениального творения был известен на весь город, а затем, и на весь мир. Горы денег свалились на Парренса. И всего добился он сам.

Он основывал заводы, нанимал рабочих, разрабатывал новые проекты, экспортировал изделия в другие страны. Это всё принесло ему богатство. Но он никогда не забывал, что ему приходилось пережить. Парренс прекрасно знал, что такое ногата, зимняя стужа, жажда и голод, бедность. Поэтому-то он и протягивал руку помощи нуждающимся.

Мать Амбуласа, Трис Вир, преподавала в школе для девочек. Всеми ценилось ее понимание, доброта, и бодрость духа. Ее судьба ничем не отличалась от судеб многих людей. У нее была самая обыкновенная семья, самые обычные родители, и самый простой дом. Это была с первого взгляда самая обыкновенная девушка, даже ее пышные каштановые волосы с красным отливом не придавали ей особой индивидуальности. Обманчиво легко выглядела и ее учеба в университете, и четырехлетняя обязательная работа по распределению в школе. На самом же деле девушка вкладывала в образование и профессиональный рост все силы и ресурсы,

какие у нее были.

С будущим мужем она познакомилась на премьере в театре. Ей пришлось пойти туда одной, и потому было не так радостно смотреть спектакль, хотя действие на сцене было довольно интересным. Парренс тоже пришёл в театр один, но, увидев прекрасную девушку, которая к тому же выглядела довольно одинокой, он решил сесть рядом с ней и, представившись, завязал с ней непринужденную беседу. Представление отошло на задний план. Они влюбились друг в друга с первого взгляда. Их увлекательный разговор затянулся, и после представления они всю ночь гуляли по истоптанным тропинкам в парке. Парренс держал барышню за руку и всё время смотрел на нее, а она от смущения то бледнела, то краснела. Они обожали друг друга и уже вскоре после знакомства поженились.

Когда у них родился малыш, Трис тут же оставила работу и полностью занялась воспитанием ребёнка. Совсем юный Амбулас был счастьем в их доме. Родители щедро одаривали его любовью и вниманием. Отец, возвращаясь с работы, первым делом же шёл в комнату к сыну, чтобы взять его на руки, слегка подкинуть вверх, отчего у матери замирало сердце, и поцеловать в лоб. Амбулусу это жутко нравилось, и он хохотал, когда оказывался в воздухе, и когда отцовская щетина слегка царапала его нос. Мать тоже невероятно сильно любила своё чадо: она практически не отходила от него ни на шаг, всюду брала его с собой, но вместе с тем, она нико-

гда не ограничивала его свободу. Родители опекали Амбуласа так сильно, как только могут опекать родители своего единственного ребенка и в то же время, они никогда не навязывали ему своего мнения.

После той судьбоносной ночи, когда родителям Амбуласа по непонятным обстоятельствам пришлось покинуть дом, а его оставить на попечительство трем няням, вся жизнь ребенка окрасилось в серые тона. Карета, на которой отправились в путь Парренс и Трис Интенегри, была найдена пустой и распряженной на окраине близ лежащего леса уже следующим утром. Двух человек объявили в розыск. После трех недель непревращаемых поисков, родителей Амбуласа признали погибшими. Город покрылся трауром.

Полиция не могла поднять и раскрыть дело ни об исчезновении, ни об убийстве. Следов похищения совершенно не было, мертвые тела в лесу и по округе тоже не найдены, улики отсутствовали. Сыщики были в недоумении. Были люди, и нет людей.

По завещанию Парренса Интенегри, найденного в его рабочем столе, всё богатство семьи принадлежало его сыну. Сам же Амбулас был передан на воспитание ближайшему родственнику. Им посчитали двоюродного брата Парренса.

Леон Интенегри – суровая личность. В одном его взгляде можно было разглядеть вечную мерзлоту. Этот человек был отталкивающе холодным и формальным в любых челове-

ских отношениях. Он не умел ни плакать, ни улыбаться. Он был по-настоящему черствым и непреклонным даже с близкими ему людьми. Его можно было назвать жестоким, но это не так! Суровость от жестокости решительно отличает одно: суровость не ищет и не получает удовольствия от причинения боли другому. Жестокость не имеет никакого представления о доброте и сочувствии. В суровости эти качества умеренно выражены, однако проявиться могут лишь в особых, почти пограничных ситуациях.

Леон был заядлым охотником, но зря животных не убивал. В юности это пристрастие чуть не погубило его. Тогда он с компанией отправился охотиться на льва. Имели лицензию – всё как положено. И надо же было такому случиться! Группа вышла на след, и после долгого преследования они выследили льва. Но король-лев не упал даже с нескольких выстрелов из луков и напал на охотников. Больше всех пострадал Леон. По счастливой случайности кто-то сумел попасть льву прямо в глаз, что сразило зверя и спасло человека. Но тем не менее лицо Леона было изувечено до неузнаваемости: часть правой щеки разодрана до потемневшего основания зубов, косые растрескавшиеся алые линии вместо правого глаза. Всё тело было в ранах и кровоподтеках. Пальцы ног были словно выкручены, выдернуты и переломаны. Всё это оставило уродливые шрамы на всю жизнь и хромую походку.

Леон Интенегри жил в поместье в готическом стиле. Рань-

ше оно принадлежало старинному княжескому роду. Каменный дом в два этажа, окруженный садом, остроконечный серый купол, зелёные деревянные колонны. Все детали поместья говорили о характере его владельца. То, что дом стоял на открытой и ветреной местности, вдалеке от города, говорит о том, что обладатель этого построения был непрактичен и бесхозяйственный, ведь хороший хозяин не построил бы свой дом в таком месте.

Жиденские деревья, позеленевший пруд показывают, что за ними никто не ухаживает: деревья растут сами по себе, пруд не чищен. Но это поместье казалось идеальным Леону, и он приобрел его за скромную цену, так как всему зданию требовался капитальный ремонт.

В доме вечно чего-нибудь да недоставало: одна комната была обставлена старой мебелью, обтянутой потёртой кожаной материей, дубовыми столами и книжными шкафами. В другой же комнате мебели не было вовсе. Спальня хозяина оборудована всеми удобствами. В оформлении использовался успокаивающий зелёный цвет, в интерьере присутствовала простота и чистота линий. Мебель из красного дерева с бронзовой отделкой, и синие-зелёные массивные шторы. В спальнях же прислуги по усмотрению Леона было достаточно одной кровати, тумбы, и комода под одежду, а стены могли быть и вовсе обшарканными.

Кабинет – место, где человек занимается интеллектуальной деятельностью. Он имеет особое значение для самодо-

статочных людей. Кабинет Леона Интенегри представлял собой небольшую комнату. Центральное место кабинета занимал старинный письменный стол. На столе всегда лежал сборник собственных сочинений хозяина, фарфоровая чернильница в виде льва и печатка-ножичек, а также табачница, – Леон изрядно любил покурить. Над столом были помещены картины с различными пейзажами. Два позолоченных канделябра, два высоких стула, и большое кресло с резными подлокотниками внесли уют в эту комнату.

Леон Интенегри был человеком одиноким. Он никого не любил, и никто не любил его. Но он и не считал себя несчастным человеком. Леон всегда стремился к одиночеству, всегда искал уединения, и под зрелость лет он добился частичного отчуждения от мира сего.

Когда Амбуласа привели в поместье, это не вызвало особо никаких эмоций у Леона: он не был огорчен гибелью брата, не был возмущен появлению ребенка в его доме. Он отнесся к этому, как к должному. К тому же, некоторая сумма от состояния Парренса Интенегри перешла ему, "на содержание племянника и личные нужды". Только одно слово вырвалось из его уст тогда в адрес ребёнка: "Волчонок"

Леон нанял няню и гувернантку ребёнку, выделил и обустроил собственную комнату для дитя, не обделял игрушками. Единственным условием содержания малыша в поместье было в том, чтобы не велось посягательства на одиночество хозяина и его личное пространство. Именно поэтому Амбу-

лас в младенчестве редко видел дядю, но этот персонаж вызывала у него неподдельный интерес.

Няня то и дело всё время теряла из виду непоседу, стоило только отвернуться. Амбуласа словно непостижимая сила притягивала к кабинету его дядюшки. Но достать до ручки не позволял рост, да и сил отворить дверь было еще мало-вато.

Леон всё время суток проводил в своём кабинете. Он выходил оттуда очень поздно, и возвращался туда очень рано. Иногда казалось, что он и вовсе там ночевал. Завтракал, обедал, и ужинал Леон только в кабинете, по каким-то причинам он никому не позволял входить туда. Жители поместья понятия не имели, чем хозяин мог днями на пролет там заниматься. Это было главной загадкой этого дома.

Гувернантка часто хвалилась Леону об успехах Амбуласа в то время, когда заносила ему еду. Конечно, это не интересовало хозяина, и поэтому всегда прерывал ее со словами: "Спасибо за обед". Ребёнок был умственно развит не по годам. Особый интерес он проявлял к чтению и музыке. Как-то рассказала хозяйину, как тот пытался уже читать по слогам, прикладывая ухо к пианино, когда на нем играла няня, как заставил повариху раскинуть яблоки по всему столу, тем самым выбрав для себя композицию, которую счел нужным зарисовать, а точнее, начиркать на листе. Иными словами, росла творческая личность. Амбулас был спокойным и тихим ребёнком. Он ко многому проявлял интерес. К ше-

сти годам он уже читал книжки, и познавал науку, как соль-феджио. К семи – пытался сочинять собственную музыку.

Амбулас любил играть в прятки с няней в саду, любил ходить на прогулки поодаль поместья. Каждый день начинал с зарядки, любил подтягиваться, хватаясь за косяки дверей. Бегал по всему дому, представляя себя великим путешественником. На ночь он заставлял гувернантку, – именно ее, а не няню, – читать ему сказки. Он всегда говорил ей какой у нее красивый голос. А с поварихой он делился своими секретами.

Амбулас часто играл напротив двери кабинета. Так он ждал, когда дяде Леону приспичит выйти из своего кабинета, чтобы успеть разглядеть его, и даже попытаться заговорить.

Ребенок не знал о смерти родителей. Ему говорили, что они уехала далеко-далеко, но очень сильно его любили, и поэтому должны были зарабатывать деньги, чтобы он смог купить себе большой дом. Одной ночью, Амбулас написал письмо своим папе и маме, и приложил записку с просьбой к дяде Леону, чтобы тот отослал письмо его родителям. В письме он написал, как сильно скучает, и просил больше не работать их. Не надо ему было большого дома, поживет и в маленьком. Прежде чем подложить письмо под дверь к дяде, он посоветовался с поварихой, но та строго настрого запретила ему приближаться к кабинету, сама взяла письмо и пообещала отправить его лично.

Амбулас часто плакал по ночам. Об этом узнала няня, и

он объяснил ей, что тем самым отгоняет от себя плохое настроение, чтобы на утро снова смог улыбаться всем. Няня его крепко обняла и горько расплакалась. Все любили этого ребенка. Почти.

Однажды, когда Амбулас ночью вышел из своей комнаты, чтобы попить воды, он спустился вниз по лестнице, и заметил, что дверь в кабинет его дяди была приоткрыта. Он осторожно заглянул внутрь, и заметил, что Леон отсутствовал. Только он уже было хотел выйти, как его внимание привлекла блестящая коробочка на рабочем столе. То была табачница. Амбулас чуть слышно вошел внутрь. В кабинете было очень холодно, и невкусно пахло, а картины в темноте его немного пугали. Он бесшумно залез на стул, облокотился на стол, и принялся рассматривать чудесную на его взгляд безделушку. Он попробовал ее открыть, но она никак не поддавалась. Тогда он схватил ножичек и принялся подковыривать им крышку.

– Это что еще такое? – за спиной Амбуласа рявкнул голос. Ребенок дрогнул, снес со стола табачницу, в последствии которая раскрылась и рассыпала табак, опрокинул локтем чернильницу на какую-то книжку, и сам свалился со стула.

Он увидел перед собой разъяренного дядю, который весь покраснел и был готов взорваться изнутри. Амбулас так же разглядел кошмарные шрамы на его лице, которые при туск-

лом свете свечи казались просто ужасающими.

– Что он тут делает?! Заберите ребёнка! Матрина! – Леон кричал во всё горло, рычал как медведь. Его голос казался громче самого грома в страшную бурю.

Сбежались все: няня, гувернантка, повариха. Они поспешно унесли малыша. Амбуласа не могли уложить всю ночь, он не хотел смыкать глаза.

После той ночи ребенок начал замыкаться в себе. Он редко улыбался, больше не смеялся. Совсем перестал плакать, не проявлял ласку, нежность. Можно сказать, он был совершенно безэмоциональным. Амбулас перестал играть игры, не проявлял интереса к учебе, не просил почитать ему, перестал общаться. Он стал сам по себе.

К одиннадцати годам было заметно, что он рос сильной и незаурядной личностью. Он сам для себя открывал пути формирования. Он всего достигал сам активной физической и мыслительной работой. Он рос натурой независимой и самостоятельной, и поэтому можно было догадаться, что в будущем его нельзя будет склонить авторитетами.

К четырнадцати годам он стал отрицать искусство, как пустую трату времени. Не любил романтику, не любил стихи, хотя сам когда-то сочинять пытался их. Он воспитал сам в себе сдержанную манеру речи, манеру держать себя. Амбулас сам нанял для себя мастера по фехтованию. После года обучения, продолжил занятия самостоятельно. Он любил

природу, часто уходил в походы. В первое время это заставляло сильно поволноваться гувернантку, но позже она смирилась и с этим. Няня уволилась, так как ребёнок вырос, он стал юношей. Повариха подхватила лихорадку и скончалась. Наняли вместо нее немую и страшную на вид старуху.

Когда Амбулас окончательно перестал проявлять интерес к окружающим, им заинтересовался Леон. Он начал чаще выходит из кабинета, незаметно наблюдая за парнем, когда тот занимался фехтованием в саду. Леон часто поражался физической силе худощавого Амбуласа, который часами мог беспрерывно подтягиваться и отжиматься на спортивной площадке, которую юноша же сотворил собственноручно. Его привлекало в нем суровость, которую находил в себе.

Как-то всё так же наблюдая за ним, к Леону со спины тихонько подошла гувернантка, и сочла нужным сказать эти слова:

– Нынешнее его поведение служит защитным панцирем. В очень нежном возрасте душа вынуждена была создать его себе ради выживания в опасном семейном и общественном климате. Дальнейшее развитие характера оказалось преимущественно укреплением и совершенствованием данного панциря, но сама личность сохранилась под ним по-детски беззащитной. – И после вздоха добавила, – Я скучаю по малышу-Амбуласу.

В один хмурый вечер, когда тучи сгустились над помещением, когда в последний раз за этот сезон шелестела листва

под ногами, Леон, за столь многие годы, впервые раньше обыденного вышел из кабинета, самостоятельно разжег камин и сел в кресло напротив окна, наблюдая, как ветер разгоняет первые снежинки. Хозяин дома ждал, когда с очередной прогулки вернется его племянник. Несмотря на весь его каменный образ, в душе у Леона бушевала буря. Ему предстоял первый разговор с Амбуласом за все пятнадцать лет, что он пробыл здесь. Он несколько раз срывался с места, оставляя эту затею, но тут же садился обратно в кресло. Он сам себе удивлялся, что в нем присутствовало столь сильное волнение, и не мог позволить себе струсить.

Заскрипела входная дверь. В гостинную вошёл Амбулас, весь мокрый и мрачный. Он даже не заметил, что кто-то сидит в кресле, так непривычно это было для него. Поэтому, когда с ним поздоровался дядя, он вздрогнул.

– С возвращением.

Амбулас остолбенел. По всему телу пробежали мурашки, зрачки расширились, он не мог поверить своим глазам. Эта встреча вогнала его в смятение. Парень нахмурился, надулся, как петух. В горле возник горький комок.

– Присядь рядом, – снова спокойно сказал Леон, указав на рядом стоящее второе кресло, тем самым окончательно развеяв у Амбуласа все сомнения на счёт реальности этой встречи.

Амбулас присел.

– Люблю такую погоду. Серая, холодная, такая живая. Красота. Есть не хочешь? А я бы выпил чаю. В такую погоду для полного уюта только горячей кружечки чая и не хватает.

Амбулас был в недоумении, и Леон это заметил.

– Ты сильно похож на своего отца. Те же скулы, те же глаза. Мы в мальчишестве часто играли вместе с твоим отцом. Жили в одном доме. Маленьком таком. А потом его семья уехала, и мы больше не виделись. Нет, вру. Виделись на его свадьбе. Твоя мама была красивой женщиной. Я плохо знал ее. Совсем не знал. Отсидел церемонию и ушел, – Леон посмотрел на Амбуласа. Тот устремил свой взгляд на огонь. – Ты же знаешь, что твои родители никогда не вернуться?

– Я догадался уже давно об этом, – мгновенно ответил парень. Голос его неуверенно дрожал, но он усердно пытался это скрыть.

– Ты очень богат. Я вложил твои деньги на сбережение с прибылью. Ты богат дважды. Конечно, это незачем было делать, поскольку и тех денег хватило бы тебе на три безработные жизни. И это поместье тоже достанется тебе. Больше мне его некому отдать. Я такой же сирота. Их убили. Грабили дом, и убили. Родителей. Жил у тёти. Она очень странная женщина, но относилась ко мне хорошо. К ней приходило много людей в дом. Помогала им чем-то что ли. Меня это не интересовало. Я ушел от нее, когда был в твоём возрасте. Снова вру. В семнадцать ушел, и прихватил ее денежки. Нет,

она не бедна. Ей на старость хватит. А ты поживешь у меня еще три года, до совершеннолетия. Только так ты получишь свои деньги и сможешь пойти благополучно их тратить. Тебе даже не надо работать будет. У тебя есть увлечения?

– Я начал читать учебники по медицине. И мне показалось это довольно увлекательным.

– А я бы не смог лечить людей, так как ненавижу их. И думал, что ты их не любишь, честно. А ты вот какой оказывается тоже...

– Это интерес, не более. Вы сами сказали, что мне денег хватит прожить и безработным.

– Да, хватит. И работать не надо, – и на этом наступило молчание.

Леон погрузился в себя, а Амбулас из вежливости не осмелился уходить. Лишь только тогда, когда дядя начал смыкать веки, чуть заметно покачивая головой, парень встал с кресла. Леон взбодрился.

– Ты куда?

– Я в комнату. Подняться хочу. Надо.

Леон вскочил с места, схватил своими огромными руками Амбуласа за шиворот и приподнял его.

– Ты славный человек, племянник. Не потратить всю жизнь за зря. Делай, что захочешь. Хочешь тратить деньги – трать. Хочешь работать лекарем – работай. Но ничего не страшись.

Будь смелым. Нельзя, чтобы страх повелевал уму. Ты меня понял? – в глаза Леона можно было различить искру безумия, а в голосе ноту отчаяния.

– Понял! Отпустите меня! – закричал парень, но дядя не переставал его трясти, и повторять вопрос: "Понял? Ты меня понял?"

Этот разговор изначально показался Амбуласу странным. Ну а то, что творилось сейчас – крайне абсурдным. На крик прибежала гувернантка. Амбулас освободился от оков и убежал вверх по лестнице. Дядя остался на месте, а гувернантка последовала за юношей.

Леон уселся обратно в кресло. Он качал головой из стороны в сторону, затем, прикрывал лицо руками и начинал судорожное покачивание. Вдруг, он остановился и громко выдохнул. Его старые глаза налились слезами.

На следующее утро, хозяина поместья нашли повешенным в собственном кабинете. Врачи сделали заключение: "Передозировка курительными смесями". И сделали предположение, что при употреблении очередной дозы, у него случился нервный срыв, на фоне которого он покончил жизнь самоубийством. На вопрос: "Он же что-то употреблял?", все жители поместья пожали плечами.

Леон Интенегри был похоронен в саду своего поместья. Следом, владение было продано, а все деньги, полученные с него, Амбулас предпочел отдать гувернантке. Старухе-пова-

ру тоже досталась доля.

Молодой человек собирал свои вещи с тоскою на сердце. Как ни как это место было его домом, он тут рос, и покидать его было необыкновенно трудно. На память о дяде, он взял с собой его запачканный чернилами журнал со стихами. Так же, из его письменного стола Амбулас забрал все банковские бумаги и завещание. Впервые он увидел почерк отца.

К вечеру, после похорон, в входную дверь постучались. Юноша поспешно отворил дверь. На пороге стояла старуха, на чьем лице сияла приветливая улыбка. Это была тётя Леона Интенегри. Это была бабушка Амбуласа.

Глава 4. Новое

Пробуждение после свершившегося было тяжелым. Все конечности затекли до невозможности. Для того, чтобы пошевелить хотя бы пальцем,

приходилось приложить немало усилий. Амбулас слабо застонал. Вернее,

подумал, что застонал – он не слышал ни звука. Так бывает, когда в

пустом кинотеатре в полной темноте запустили киноплёнку с выключенным

звучом. Мерцает экран, движутся картинки, но ухо не в состоянии

уловить ни малейшего шороха.

В первые секунды он не мог понять, что произошло и почему. Вдруг память услужливо преподнесла кошмарные картинки: кровавое небо, злобные карлики, уродливая женщина-паук.

Вместе с памятью начал возвращаться и слух. Первым было услышано тихое бормотание человека, которое доноси-

лось где-то из противоположной стороны комнаты. Мгновение спустя, и можно уже было распознать чирканья пера по бумаге.

Изображение было нечетким. Глаза были затянуты мутной пеленой,

голова сильно кружилась. Подождав пока головокружение уймется, Амбулас решил осмотреться и медленно поднял голову.

Сам он лежал по пояс обнаженный на кровати в просторной комнате, где стояло еще несколько кроватей. Как было ранее упомянуто, в противоположном конце за столом сидел знакомый упитанный мужчина. То был Губернатор.

Набрав в грудь воздух, Амбулас начал осторожно подниматься. Его услышал Урбэм.

– Господин Интенегри, вы очнулись! Слава Богам! – Он вскочил со стула и подбежал к молодому человеку. – Я уже начал волноваться. Местный лекарь сказал, что у вас обморок. А я боялся, что вы заразились проклятой болезнью, что развелась у нас в городе. Ой, что же это? Давайте помогу! – Урбэм поддерживал Амбуласа, помогая тому устойчиво сесть, и подложил под спину подушку.

– Вы пролежали без сознания часа два около девушки. Я боялся вас трогать. Мы сидели все молча в стороне, как вдруг юная дева закричала. Родители ее быстро успокоили. Они обняли ее и плакали от счастья. Она жива, Господин

Интенегри! Лицо ее вернуло цвет. Девушка еще слаба, но она в сознании и будет жить. И всё благодаря вам! – Губернатор аж захлопал в ладоши и тут же прекратил. – Но вы не проспались, и мы перенесли вас к лекарю. Вы проспали еще два часа. Ах, да! – он кинулся к столу и поднял журнал. – Я всё записал!

Амбулас сидел, согнувшись, прижав руки к лицу. В голове пульсировала боль, которая переходила в глаза. Нужно было полежать еще некоторое время в кровати, чтобы окончательно прийти в себя, но он просто не мог позволить себе этого.

– Где моя одежда? Нам нужно идти. Кто следующий больной? – молодой человек начал вставать, в ногах пока не чувствовалась сила, поэтому пришлось опереться об стену.

– Что Вы, Господин Интенегри, Вам нельзя пока вставать. Я должен позвать лекаря, – Урбэм хотел посадить обратно больного, но тот резко отмахнулся.

– Чтобы это ни было, но оно сильно и опасно. Поэтому каждая минута, проведенная в бездействии, осложнит мне дальнейшую работу. Нам нужно спешить!

– Вам нельзя вставать. Стойте же! Вы хотя бы можете мне объяснить, что происходит с моими людьми? Вы приезжаете в город, и сразу же заявляете, что «медлить нельзя». Никто до Вас и понятия не имел, чем больны жители Лучезарного. Это я говорю про врачей. Но вы же не врач, как я смею пред-

положить. Как минимум все эти штучки, что Вы вытворляли у несчастной девушки, не были приемами из учебников по медицине! И я Вас попросту не пущу к другим больным, если вы не скажите, что произошло два часа назад!

Амбулас покорно, но не без раздражения вздохнул:

– Хорошо. Я вам расскажу всё, что успею по пути к следующему пациенту. Согласны?

Губернатор кивнул.

Спустя несколько минут они вышли из дома лекаря, который совсем ничем не отличался от других зданий. Урбэм повел Амбуласа к следующему дому, но заметно не торопился. Молодой человек намек понял.

– Этот обряд я зову «Совершение». С помощью него я очищаю разум и душу от... – рассказчик немного задумался. – От захватчиков. Этому нет точного определения, как и нет верного объяснения причины, почему так происходит. Я лечил людей раньше от этих захватчиков, но они жили в совершенно разных местах, и их не было так много, как тут, тем более в одном городе. С чем я сегодня столкнулся, то было сильнее ранее виданного. Эта болезнь, захватчики, – как угодно называйте, – почувствовали меня. Но не этому я был удивлен! Они строят миры в разуме людей, основываясь на их кошмарах. Они питаются болью и страданием. Они проч-

но и надолго могут засесть в разуме, в душе. Но не в их интересах убивать носителя, тем самым разрушать собственное убежище. Зараженные люди не должны беспробудно спать, и тем более умирать. Не видел я такого! А тут, это нечто настолько сильно, что убивает зараженного. Я удивился тому, что захватчики готовы разрушить собственный мир, когда вот уже обречены на гибель. Они должны были просто уйти! Но они беспощадно стали убивать жертву. Что это? Жадность? Если бы мне не удалось вытащить девушку оттуда, я бы мог еще спастись, а она уж точно нет! Я даже опасаюсь вступать в следующий контакт. Поэтому надо быстрее приступить к делу, чтобы не было время на панику.

Когда Амбулас закончил, он посмотрел на Губернатора. У того было недоуменное лицо. Такая реакция возможна, когда вроде осознаешь, что всё это обыкновенная небылица, но вдруг понимаешь, что эта небылица воплотилась в жизнь. Поверить в это трудно.

– Даже, если это так. Мне ничего не остается, как верить этому. Почему вдруг пострадал мой народ? Почему в таком количестве? – спросил Урбэм.

– А это мне еще предстоит выяснить, господин Губернатор.

– Хорошо. Мы пришли. Этот дом.

Здание такое же, практически ничем не отличалось от прочих. Единственным отличием было разбитое стекло на втором этаже, где щель заделали тряпичным куском. Внут-

ри обстановка тоже была знакомая, лишь людей в холе было побольше – целых четыре человека: три женщины, и совершенно лысый старик с густой длинной бородою. При виде вошедших, женщины привстали с мест, а старик так и остался сидеть в кресле, только медленно оторвал взгляд от газеты и перевел его на людей.

– Ведите к больному, – хрипнул Урбэм.

Их проводили все три дамы на второй этаж в комнату под номером шесть. Дверь в комнату отворили, и на одной из шести кровати можно было увидеть мужчину, которого прикрыли по грудь одеялом.

– У него не было семьи, жил всегда один. Сидел почти всегда в комнате, лишь по утрам и вечерам строго ходил в уборную, да брал с обеденного стола чего-нибудь покушать. Мы забили тревогу, когда он так и не спустился вниз на третий день. Лучше бы он просто от лени решил гадить в комнате да живой был, так нет... И его хворь свалила. Теперь сидим тихонечко – боимся, – рассказала неспешно одна из женщин.

Амбулас первым вошел в комнату, Урбэм следом, остальные остались стоять в проходе. Он осмотрел мужчину: серая кожа, расширенные зрачки, кровоподтёки, учащенное сердцебиение, температура ниже нормы. Все знакомые симптомы. Каждое действие Урбэм не забывал записывать в журнал.

Следом они так же начали сдвигать кровати, скидывать

матрасы, и на них класть мужчину. Женщин пришлось выгнать, и оставить за закрытой дверью.

Амбулас расставил три свечи так же, как в и в прошлый раз. Заставил Губернатора наполнить кубок водой. Достал кинжал, кольнул им кончик пальца мужчины, выдавил в кубок пять капель крови. Не забыл надеть медальон-оберег, поджег фитиль свеч, взял за руку больного, и заговорил молитву:

– Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте повус...

По окончании молитвы Амбулас поднес кубок к губам и сделал несколько глотков. Спустя мгновение, он свалился набок.

Многие считают, будто непременными спутниками ужаса является боль, тьма, смерть, разнovidная нечисть. Но сейчас Амбулас столкнулся с таким страхом: Холод.

Умереть от переохлаждения – не тяжкая уж мучительная погибель, если задуматься. После долгого пребывания на морозе, человека тянет ко сну. Это явный признак, что смерть дышит ему в затылок. От переохлаждения человеку может стать неожиданно тепло, он окончательно расслабляется и начинает засыпать на ходу. Заснул – смерть. И ничего больше. Организм просто перестанет бороться с холодом, так как кровь медленней расходуется по телу, выделяется мень-

ше тепла. Постепенно он замедляет своё действие, а затем и вовсе останавливается.

Огромный кусок льда. Именно здесь на этот раз оказалась душа Амбуласа. Его окружала снежная пустыня. Позади виднелась опушка леса, впереди – высокая гора, почти расколота на две половинки. Оттуда исходило голубоватое свечение. Амбуласу без особых подсказок было ясно, куда следует держать путь.

– Карр, – внезапно крикнул над головой уже знакомый нам ворон, который стремительно направлялся в сторону горы.

– Ведь даже не остановился поздороваться, – крикнул ему вслед молодой человек.

Амбулас глубоко вдохнул воздух. Он уже начал ощущать, как мороз пробегает по всему телу, напрягаются мышцы вокруг волосяных фолликулов, что вызывает эффект «гусиной кожи», как тело сковывает ледящий холод.

По щелчку пальцев тело охватило пульсирующее сияние, а после вспышки Амбулас был обличен в свою кожаную броню, левую руку плотно обмотала черная цепь с крюком, а за спиной появился длинный меч. Человек немного попрыгал на месте, заправил под одежду свой медальон, и побежал к горе. Путь предстоял не малый.

На бегу суровая стужа сразу не ощущалась, хотя в горле вырос жгучий комок. Враг себя пока не выдавал, а гора медленно приближалась. Царила мертвая тишина и спокой-

ствие. Но после нескольких минут, возникла первая угроза. Заревел ледяной ветер. Начали мерзнуть щеки, нос и уши. Вскоре, кончики пальцев на руках и на ногах онемели, а лицо теперь начало жечь. Бежать стало трудно, от соприкосновения с землей в ноги ударяли волны боли. В области груди всё пылало, появилась отдышка. Амбулас остановился.

«Как же холодно!» – занервничал он, и принялся растирать руками лицо. – «Это же все нереально! Почему всё так плохо?»

Амбулас обряд «Совершение» всегда сравнивал с проникновением в сон другого человека. Чтобы почувствовать физическую боль во сне – значит нужно, чтобы физически воздействовали на материальную оболочку в реальном мире, ведь боль ощущается при повреждающих действиях на свободные нервные окончания. Но на данный момент его тело находилось в безопасности, и не мог же сквозняк в доме быть настолько холодным. Сравнить с эмоциональной болью Амбулас тоже это не мог.

Он давно уже открыл для себя, что «захватчики» могут воздействовать не только на разум жертвы, но и на разум «спасителя». Они могут заставлять через мозг испытывать боль, но только на проекционном уровне. То есть, если ты поранился, при спасении жертвы, этой раны в реальном мире не будет.

Все эти открытия были сделаны еще до приезда в город Лучезарный. Но здесь он столкнулся с совсем новым. Амбу-

лас впервые, после обряда, ощущал себя так плохо. Все синяки, ссадины, полученные при освобождении девушки, он почувствовал на себе после пробуждения. Пусть они даже и не настолько серьезные, как при обряде, но ощущать на себе их он вовсе не должен был. А на данный момент он столкнулся с сильнейшим сопротивлением со стороны окружения, построенного мира в разуме жертвы.

Амбулас замерзал. Он некоторое время пытался продолжать движение, но вскоре опять остановился. Жжение кожи уже не так ощущалось, но мышечная дрожь не утихала. Появилась головная боль, в ноги испытывали слабость. Амбулас не хотел легко сдаваться, он начал размахивать руками в стороны, прыгал с ноги на ногу, приседал. Он делал всё, чтобы попытаться согреться.

Резко у него начала кружиться голова, всё тело сковало. Ветер не стихал, по коже лица больно ударяли микроскопические снежинки, глаза слезились. Амбулас со злости и от бессилия прокричал что-то невнятное, отвернулся от ветра и упал на колени.

Воин старался не привести себя к помутнению. Он держался. Стоит покинуть сознание больного и весь этот ужас закончится, но тогда этот поступок заблокирует обратный путь в разум. Повторной попытки на спасение больше не представится. Он это знал и не мог отступить.

Когда Амбулас проникает в зараженного, это становится для захватчиков полной неожиданностью. Они будут защи-

щаться, противостоять всем действиям, но заставить спасителя покинуть их обитель будет очень трудно.

Был в жизни Амбуласа один печальный случай. Всё произошло по неопытности. Он был юн, и испугался вражеского натиска в захваченном разуме, и попросту покинул его. Войти обратно в сознание никак не получалось. Враг отреагировал и прочно заколотил брешь. Как выше была уже сказано, больные, с которыми встречался Амбулас, не погибали от этого проклятия. И этот человек продолжал жить. Но позже, из вычитанной статьи в газете, спустя несколько лет, Амбулас узнал, что тот несчастный начал кидаться на людей, и, в конце концов, когда он откусил пол уха одному чиновнику, его уpekли в психушку.

Пути не было к отступлению, поэтому Амбулас продолжал терпеть. Он полностью оглох, больше не слышал визжания ветра, хотя тот не сбавлял своего потока. В глазах помутнело. Молодой человек был озадачен: у него не было сил сражаться, а уйти не мог.

Амбулас вновь обернулся посмотреть на гору – до ее подножия было еще далеко. Он упал на живот и начал ползти, тем самым меньше поддаваясь сопротивлению. Сил на многое не хватило. Он прижал голову к холодной земле, покрытой снегом. Клонило ко сну. В глазах появлялись различные картинки и тут же прекращались – Амбулас не давал этим картинкам построить цепочку, которая заведет его ко сну.

Вдруг, он ощутил тепло. Мягкие бархатные потоки воз-

духа окутали всё тело. По коже побежали мурашки. Пальцы рук и ног начали мгновенно «оттаивать», сердце усердно застучало. Ветра больше не было, в воздухе запахло сыростью.

Когда Амбулас поднял глаза, то понял, что его окружил густой туман. Он встал на ноги и осмотрелся. Данное явление его обрадовало на много больше, чем предыдущее, но теперь проблема была в том, что он не мог точно определить, в какой стороне находилась гора. Ко всему существу, он услышал недалеко за своей спиной звериный вой. Через мгновение, вой доносился уже по правое ухо. Следом, его поддержал рев справа. Воин был окружен.

Амбулас осторожно и как можно тише пошел вперед, в противоположную сторону от своих следов. Он шел в неизвестность, и это его сильно настораживало. Шорохи доносились со всех сторон, но Амбулас продолжал идти. Ради безопасности, он вытащил меч из ножен, но сделать это тихо не получилось. Вскоре, он заметил, что посторонние звуки прекратились. Воин остановился и стал ждать, что будет дальше.

За спиной что-то хрустнуло. Амбулас развернулся и увидел, как из тумана к нему медленно выходит волк, – если это так можно было назвать. Чудовищный зверь с огромной пастью, откуда падали на землю капли кровавой пены. Масивная туша, чёрная шерсть, вдоль позвоночника стальные иглы. Волк остановился и смотрел в глаза человека. Взгляд чернее бездны ночи.

Амбулас знал, что ни в коем случае не стоит бежать. Вол-

ки – известные преследующие хищники. Это значит, что они принимают за добычу всё, что убегает. Они стараются свалить добычу, пока она бежит, и обычно не нападают, если добыча не двигается. И это зверь, к счастью, был не исключением.

Из непроглядной дымки вышел еще один хищник. Волки встали так, чтобы в любом случае человек оказался повернутым к одному из них спиной. Амбулас начал размахивать мечом в сторону первого хищника, затем, в сторону второго. Это начало злить их. Звери начали рычать, делать рывки в сторону человека, но меч останавливал их. К несчастью, это не могло продолжаться вечно, и нападения в спину избежать не удалось.

Воин вовремя успел подставить меч, но зверь оказался сильнее и сумел завалить человека на спину. Зверь впился в правое предплечье. Несмотря на многослойную кожу брони воина, он ранил его мгновенно и жестоко. Амбулас сразу же перестал чувствовать руку. Резкая боль вдруг появился и в левой ноге – вступился второй хищник.

Уцелевшей рукой воин начал отбиваться и несколько раз прицельно ударил по носу ближайшего зверя. Тот заскулил, но добычу не отпускал. Амбулас продолжал усилия, кричал, отталкивался ногами, но всё было безуспешно.

– Карр-Карр, – вдруг громко раздался звук сверху.

Молнией на первого волка набросился чёрная птица, схватила цепкими лапами его за шкуру, и буквально взмы-

ла с ним в небеса. Волк жалобно залаял, дрыгал лапами. Птица поднималась всё выше, а затем бросила на землю добычу и снова кинулась на нее. Тут же отреагировал Амбулас: он размахнулся мечом и разрезал морду другому зверю. Кровь забрызгала в разные стороны. Он вскочил на ноги и добил волка. Ворон в то же время уже заклевывал до смерти и свою жертву.

– Приятель, ты как никогда кстати. Выручил, спасибо! – поклонился человек.

– Карр, – самодовольно проорала в ответ черная птица, а потом неодобрительно покосилась на окровавленную руку Амбуласа.

– Терпеть можно. Надо поскорее заканчивать, а то, мало ли какие еще сюрпризы будут. Повезло, что врагов немного было. Загрызли бы!

И тут же в голове возник вопрос: «А почему врагов-то мало? Может, враги ждут у горы?» Тратить время на предположения парень много не хотел. Нужно было думать, как к этой горе еще добраться.

– Поможешь выбраться? – снова обратился Амбулас к ворону. – Туман окутал всё в округе.

Ворон понимающе кивнул. Воин впервые заметил у спутника подобный жест.

Птица тяжело захлопала крыльями, начала подниматься вверх, и вскоре скрылась в непроглядной завесе. Позже, в небе послышалось звучное карканье. Человек понял, что

нужно идти на крики, и это выведет его к горе.

Так и случилось. Амбулас достаточно долго шел, прежде чем под ногами начали мешаться первые камни. Вскоре, туман рассеялся, и показалась тропа, которая тянулась вверх к разлому в горе. Рядом с тропой, на валуне сидел, сторбившись, ворон. Человек тут же поднялся к нему и осторожно протянул руку, чтобы погладить по голове верного помощника, но птица возмущено крикнула, взмыла в небо и растворилась в облаках. Трогать себя она не разрешала.

Подъем в гору оказался самым легким испытанием в этом захваченном разуме. Обыкновенная прогулка, не больше. Ни врагов, ни всяческих погодных явлений. Неужели затишье перед бурей? Ожидать можно было многого, но на данный момент Амбулас был спокоен. Единственное, его смущала дрожь земли, которая постепенно усиливалась при восхождении всё выше.

Спокойствию пришел конец, когда воин достиг цели. В разломе горы был неглубокий кратер. В этом кратере завязалась битва между двумя сторонами. За первую сторону выступали собственно захватчики: трое волкоподобных тварей, с которыми уже ранее познакомился Амбулас, и около дюжины низкорослых гоблинов. Такие большеголовые, носатые, ушастые, мерзкие, неуклюжие, писклявые, со смешными маленькими глазками. Все были вооружены палками, копьями, цепями. Одним словом: Гоблины. Что с них взять?

За вторую сторону выступал серебристый клочок тумана, в

котором просматривался силуэт отдаленно похожего на медведя животного с горящими белым светом глазами. Вся эта проекция превосходила ростом всех нападающих. Она грозно редела и отбивалась от многочисленных врагов. Волки лихо уворачивались от когтистых лап, а вот гоблины замертво разлетались в разные стороны, но их численность тут же восстанавливалась, так как с вершин гор скатывались все новые и новые карлики. Медведь всех держал на дистанции, но это не мешало гоблинам продолжать натиск. Они закидывали его заостренными копьями, и пару раз им всё же удалось ранить призрака, когда в его широкую спину вонзилось оружие.

Если про войска вражеских захватчиков Амбуласу всё было известно, то про призрачного медведя он не знал ничего. Что это? Чего ожидать от этого существа? Если оно не выступает в роли обороны захваченного разума, то какие цели преследует? Ответ на последний вопрос вскоре стал ясен.

Небольшая группа низкоросликов отделилась от сородичей, и сделала попытку прорваться за спину противника. Медведь этого не прозевал, кинулся им наперерез, и двумя взмахами массивной лапой разнес в пух и прах эту группу. Амбулас вдруг всё понял!

Когда призрачный зверь отбежал в сторону, то оказалось, что всё это время он прикрывал собой изувеченное тело человека, которое было почти горизонтально распято на глыбе льда. Этот медведь защищал душу мужчины, заключенную

в этом ужасе. На стороне Амбуласа был союзник. Во всяком случае, цели у них были схожие.

Стоило медведю на мгновение отвлечься и оставить тело человека без защиты, тут же этой возможностью воспользовались двое волков. За секунду до трагедии, когда хищники были уже в прыжке и раскрыли пасти, их обоих пронзил крюк на цепи и потянул в сторону. Воин вступил в бой.

Тут же в сторону Амбуласа полетели палки и камни. К нему же побежал и уцелевший волк. Воин ловко уклонялся от камней, некоторые копыта успевал разрезать мечом пополам. Зверя встретил тоже подобающе: тот хотел с прыжка наброситься на Амбуласа, но он сделал перекат влево, тем самым увернувшись от атаки, и выполнил рубленый удар вдоль позвоночника волка. Полдела сделано.

В битве не прекращал участие и туманный медведь, только теперь он перешел в наступление. Растаптывал, раскусывал надвое, изувечивал когтями: что только не вытворял он с гоблинами. Амбулас тоже не отставал, и добивал тех врагов, которые в страхе убегали от медведя. Минута-полторы и дело сделано. Весь кратер был расчищен.

Но подкрепление не заставило себя долго ждать. Затрубили в рог, и гоблины с криками поползли со всех сторон. Многие побежали на воина и медведя, оставшиеся гоблины карабкались вверх, неся за пазухой топоры и молоты, а когда добрались до самой верхушки, начали откалывать зубчатые скалы, которые будто лепестки прикрывали кратер сверху.

Амбулас понял их затею. Даже с таким количеством гоблинов вручную не победить, поэтому они решили обрушить осколки скал на защитников. Воин оставил медведя на передовой, а сам быстро побежал к распятой жертве. У несчастного руки и ноги были заточены в лед, поэтому Амбулас как можно аккуратнее начал высвобождать их от оков. А тем временем, сверху начали скатываться первые обломки камней.

Могучий туманный защитник не подпускал никого к человеку. Гоблины улетали в разные стороны, но им яростно хотелось одолеть эту «стену». Они продолжали натиск, закидывали камнями медведя, стремились проткнуть копьями, пытались обойти, но зверь успевал везде.

Амбулас освободил измученного мужчину, и пытался привести его в чувство. Ничего не получалось. Чтобы спасти жертву, нужно ее добровольное согласие. Мужчина должен очнуться и протянуть самостоятельно руку спасителю.

Низкоросликов становилось всё больше и больше, хотя потери были велики. Медведь не сдавал позиции. Даже на туманной проекции были видны многочисленные раны и ссадины, но зверь боролся до конца. А конец настал ему, когда сверху на него обрушился остроконечный здоровенный осколок, который насквозь пронзил всю тушу. Медведь громко заревел от боли и тут же растворился в воздухе.

По необычному совпадению случилось так, что со смертью туманного зверя, заключенный мужчина открыл глаза.

Взор Амбуласа в тот момент был устремлен на побежденного союзника и на многочисленных гоблинов, которые молниеносно приближались к нему, а когда он посмотрел на мужчину, то тут же закричал:

– Дай мне руку! Живо!

Жертва протянула руку. Вспышка.

Глава 5. Откровения. Часть 1

Раннее утро. Солнце еще не взошло. Город окутал туман. По крышам тарабанили капли дождя. Поднялся ветер, шумели листья. Привычные явления для Лучезарного.

Хмурую гармонию нарушил громкий женский крик.

Когда Амбулас открыл глаза, в голову ударила резкая боль, всё вокруг заискрилось. Немного погодя, он начал приходить в себя. Очутился Амбулас в той же палате у лекаря, на той же кровати. На этот раз в комнате никого не было, кроме него.

Амбулас поднялся, натянул только штаны и вновь присел на кровать. Силы еще не восстановились. Правая рука от плеча до локтя была перебинтована, а на левой ноге красовались яркие синяки. Последствиям обряда на этот раз парень не был удивлен.

В душе он радовался, что половина дела сделана и два человека уже спасены. Но ноша на его плечах от этого не стала легче – впереди еще больные. Стоило ему об этом подумать, как по телу пробежали мурашки, поэтому он резко сменил поток своих мыслей.

В комнате гудел сквозняк, никаких больше звуков вплоть до того, как внезапно не донеслись в коридоре быстрые шаги. Вошел Губернатор. В одной руке он держал журнал, в который вносились наблюдения, в другой – платок, которым

он вытер капли пота со лба. Когда Урбэм, наконец, заметил Амбуласа, то он мило улыбнулся и беззвучно радостно развел руками.

– Это уже утро или еще вечер? – спросил тут же Амбулас.

– Семь утра нового дня, Господин Интенегри. Через час придет повозка с продуктами. Вы проспали всю ночь. И предвещая ваши будущие расспросы, отвечу следом, что спасенный вами мужчина уже на ногах, и весь процесс его же спасения занесен в этот журнал, – ответил Урбэм.

– Надо приступать к следующим жертвам. Я только оденусь, и можете вести меня.

Губернатор снова вытер пот со лба, подошел к Амбуласу и указал на его замотанную руку:

– Признаюсь, я сильно испугался, когда на вашей руке появились раны, и потекла кровь. Я приказал позвать лекаря, и мы аккуратно вас перебинтовали. У вас поднималась температура, вы бледнели, краснели. Ну и ужасов я нагляделся за прошедший день.

Урбэм громко захохотал, даже чуть не выронил из рук журнал. Парень нервно покосился на него.

– Не вижу ничего смешного. Надо собираться уже, а не устраивать тут веселуху, – Амбулас встал с кровати и продолжил одеваться.

– Вы, наверное, голодны, Господин Интенегри? Повар мой на завтрак готовит вкусную кашу, аж пальчики оближешь. А если в кашу добавить мед, который я заказываю у своих

знакомых, что живут вот за теми горами, – их видно отсюда, потом посмотрите, – а еще всё это закусывать хлебом с маслом, то... – затараторил Губернатор, но его попытался прервать Амбулас.

– Урбэм, вы меня вообще слышите? Ведите меня к следующим больным, – он уже был одет.

– ...а на обед будет похлебка. Самые свежие овощи: картошечка, капуста...

– Урбэм! – Молодой человек сильно повысил голос.

Наступила короткая пауза. Губернатор вновь протер лоб, спрятал платок во внутренний карман пиджака, вытянулся, выпрямил спину и спокойно заговорил:

– Ночью умер один старичок. Это случилось незадолго до того, как мы вас только отнесли сюда. Его уже оплакали и похоронили. Не успели помочь, ну и что? И так повидал старик многое. Может, от старости раньше бы загнулся. И не стоит повышать тон. Я позвал вас сюда помогать, а не раздавать приказы, – Урбэм говорил всё правильно, но нотки робости в голосе всё же присутствовали. – Вам следует задуматься над своим поведением. Я думаю, что любому бы гостю польстило, что его так тепло принимает сам Губернатор города, пусть даже и такого маленького! Все нервничают, я нервничаю. Но я же не кричу на вас. Так нельзя, ведь правда?

– Просто помочь им могу сейчас только я. И как видите, время уже на исходе, а вы мне зубы заговариваете. – Амбулас уже говорил спокойно, ощущая, что перегнул палку. – И

мне сейчас не до ваших похлебок, и не до хлеба с маслом. Я хочу помочь и медлить нельзя. Мы сейчас говорим с вами, а время-то идет. Есть еще же один больной? Четверо их было. Вы так говорили.

– А не надо уже никому помогать!

– Почему?

Но ответом на вопрос послужило следующее. Амбулас услышал, как что-то застучало за окном на улице, будто деревянные колеса по дороге из кирпичиков. Для повозки было еще рано. Он подскочил к окну и замер.

Впереди шел сутулый мужичок и тянул за собой небольшую повозку. А на повозке лежало тело. Тело мертвого мальчика. Ему от силы было лет десять-одиннадцать. За повозкой тяжело поспевала женщина. Она горько рыдала, иногда и вовсе кричала. Не трудно было догадаться, что это мать ребенка. Женщина на ходу целовала голые стопы мальчика, прижимала его холодные руки к своим мокрым щекам, запиналась об подол рваного платья, падала, вновь вставала на ноги и догоняла повозку, чтобы снова дотронуться до сына. Горю в этой картине не было предела. Нет страшнее боли, чем пережить своё дитя. У Амбуласа задрожала губа. Он ведь до конца был уверен, что тот крик, который разбудил его, был воплощением его снов, а оказывается, что такое произошло наяву.

– Это четвертый больной? – дрожащим голосом спросил он.

– Амбулас, вы бы не успели...

– Это четвёртый больной?! – закричал парень.

– Да, это он, – ответил тихо Урбэм.

Амбулас отвернулся от окна и посмотрел в глаза Губернатора:

– Когда вы хотели повести меня к ребенку? После того мужчины?! После старика?!

– Амбулас, давайте успокоимся!

– Вы повели меня к взрослому мужику, а не к этому ребенку?! Повели к мужику!

– Амбулас...

Парень кинулся к Губернатору и схватил его за воротник пиджака. Пухличок чуть ли не висел в воздухе. Урбэм боялся даже смотреть в глаза молодого человека, поэтому смотрел под себя и что-то невнятно бормотал в оправдание.

– Почему вы меня в первую очередь не повели к ребенку? Почему?! – Амбулас кричал, что было мочи. Руки его тряслись, а слова перебивало громкое дыхание. Даже не дожидаясь от Губернатора ответа, он его откинул на кровать, а сам опять подошел к окну и схватился за голову.

– Амбулас, у нас обычай в городе, что начинаем отсчет от правого ряда от моего дома. И я следовал этой привычной системе. У нас очередь по такому принципу встает и... – Урбэм очень боялся и весь дрожал.

– Это был больной ребенок! И ему помочь нужно было в первую очередь! – закричал парень, да так, что Губернатор

аж закричал от страха.

– А-амбулас, не вините меня. Прошу! Ну, система у нас такая. Я не хотел зла!

– "Система", – ухмыльнулся Амбулас. – Засуньте вашу "систему" знаете куда?

Молодой человек развернулся, схватил свои вещи, поднял журнал, который обронил Урбэм, и направился к двери:

– Я уезжаю. Надеюсь, вас больше не увижу. Прощайте.

Громко хлопнула дверь.

Злость поглотила молодого человека. Хотелось всё крушить и рвать на части. Она отчуждала все остальные чувства, затопляя душу, разум и сердце. Злость грызла Амбуласа изнутри. Поэтому, он сразу и не осознал, что чуть ли не угробил человека.

На эмоциях парень буквально вышиб ногой дверь, которая вела наружу. Он даже не подозревал, что там мог стоять человек. Это была молодая белокурая девушка. Удар ей пришелся по правой кисти руки. Девушка вскрикнула больше от неожиданности, чем от боли. Амбулас ошарашено взглянул на нее, затем на руку, понял, что ничего серьезного, извинился, и ушел быстро прочь.

А теперь стоит немного вернуться назад для полной ясности дальнейших событий.

Элиан чувствовала себя безупречно. Она уже давно не спала, ее разбудил то ли крик, то ли так доски дома заскрипели: акцентировать особого внимания она почему-то не стала. Спать больше не хотелось, а до рассвета было около часа, поэтому ей пришлось просто лежать в кровати и думать о своем.

Было удивительно, что еще день назад она неподвижно лежала на том же месте, а ее разум был заточен в ужасном сне. Странно, но Элиан сразу поняла, что происходящее лишь иллюзия. Хотя всё было, как наяву: жар от адского пламени, тяжелый воздух, тухлый запах, боль от оков, мерзкие создания. Проснуться было невозможно, и от этого факта она была ужасна напугана. Элиан не помнила, как попала в заточение и как давно, что собственно происходит и почему именно с ней. Она была заключена в липкую паутину, висела над огнем. Огня-то она и боялась больше всего.

Силы Элиан покидали очень быстро: сначала закружилась голова, потом зазвенело в ушах, помутнело в глазах, а затем вообще потеряла сознание. После, она ощутила лёгкость, со стороны доносился человеческий голос, а потом она увидела пыльное мужское лицо на фоне пламени. Элиан навстречу ему протянула руку, и вот уже она очутилась в объятиях своих родителей.

Вокруг было много шума, суматохи: сначала Элиан долго к себе прижимала рыдающая мать, потом девушку послушал врач. Каким-то образом в комнате присутствовал Губерна-

тор, который окликнул ее отца и того врача, чтобы они помогли ему унести незнакомого ей молодого мужчину из комнаты, который и вовсе пребывал без сознания. Всё происходящее перед глазами было смазанным и непонятным. Вскоре после этого, она снова заснула.

Сейчас же Элиан окончательно взбодрилась и уже не могла лежать, поэтому, когда на кухне что-то забренчало, она этому очень обрадовалась. В доме с ее семьей жили лишь еще три женщины, которые и то спали до обеда, поэтому девушка уверенно и без стыда спустилась вниз в одной ночнушке. На кухне уже орудовала горшками ее мать.

– Девочка моя! – воскликнула женщина, бросила посуду, и схватила в объятия Элиан. – Доченька! Не могу поверить. Как же хорошо, что с тобой все в порядке. Как ты себя чувствуешь?

– Очень хорошо, мамочка. Даже голова не болит! – Элиан засмеялась и еще крепче обняла маму. Так они стояли еще продолжительное время, а потом сели за пустой стол.

– Какая же красавица ты у меня, – сказала мама.

– Mam, мне было так страшно, – прослезилась Элиан и опустила голову на колени к матери.

– Конечно, страшно! Как иначе? Столько дней пролежала в мучениях. Упаси, Господи, каждого от такого, – она нежно гладила девушку по голове. – Не плачь, Элиан. Уже всё закончилось.

– Я ведь могла умереть, как и другие больные? Да?

– Не будем говорить об этом. Забудь. Теперь ты уже спасена, – строго ответила женщина.

Минут пять они сидели молча. Мать тихо напевала песенку и не переставала поглаживать дочь, отчего Элиан становилось легче. Потом девушка поднялась, и когда села поудобнее, спросила маму:

– Как мне помогли? Лекарство?

– Если бы всё так просто... Приехал молодой парень, сразу скажу, что на врача он не был похож. В черном длинном пальто, важный такой. Его встретил Урбэм. Повозка с продуктами прибыла аж к полудню. Возмущению народа не было предела. Стояли, толпились на улице. Прибыло сразу две повозки, и в одной из них тот парнишка. Через четверть часа он с Урбэном был у нас. Я и понять ничего не успела: тебя понесли в комнату пустую, начались расспросы. Побежала за отцом твоим: он у этого... у отца Тито был. Приходим обратно: ты на полу голая, вокруг свечи, рядом с тобой с кинжалом в руках тот парень, только спал он тоже. Урбэм в журнале чиркает, заставил лекаря нашего звать. Я уже испугалась. Заслала отца твоего, а сама на всё смотрела у порога. Все очень долго ждем. А потом ты закричала, тебя вырвало водой, и я к тебе скорее. А парень так и не проснулся. Ты тоже потом сознание потеряла. Положили тебя обратно, посидели с тобой. Цвет лица вернулся, обрадовалась очень. Забежала к Урбэму, спрашиваю про тебя, а он: "Не знаю. Пусть спит". Потом про парнишку. Он: "Не знаю. Он спит. Сейчас к нему

пойду". Потом уже только, через час или два, вижу, как они вместе идут к другому дому. Мне так жалко стало того парня. Отдохнуть ему Урбэм не дал даже. Так вот, сегодня узнала, что Калеба Вира спасли вечером. Ты его не знаешь, наверное. Калек дома сидит только. А вот дядя Авус умер ночью.

– Ах... Жалко.

– Это еще не всё. Сейчас прибежала от Эре, что рядом живет. Сынишка ее умер, – женщина приложила ладоши к лицу.

– Парвус!?

– Да. Ему одиннадцать годиков было. Не успели помочь.

Элиан и ее мама заплакали.

– Страшно-то как. Что за напасть нас одолела? – прорыдала девушка.

Элиан хорошо знала Пурвуса. Иногда вдвоем за ручку они шли к повозке за продуктами. Часто играли в прятки, по вечерам мальчик прибежал к ней в гости, чтобы читать вместе книги. Элиан любила этого ребенка, считала его своим младшим братом, и новость о том, что его уже не стало, для нее было шоком.

Прошло еще несколько минут прежде, чем все успокоились. Их внимание привлек звук, приближающиеся повозки.

– Гробовщик приехал, – сказала мама. – Нынче у него столько работы. За что нам горе такое? Надо поддержать бедняжку Мэйзи. Пойдешь со мной?

– Нет. Я не смогу на это смотреть, – тихо ответила Элиан.

– Ну, посиди тогда тут. Верно, не стоит наблюдать за чужим горем. Но я всё же схожу.

Мама встала из-за стола, поцеловала в щеку свою дочь и вышла из дома. Элиана следом тоже поднялась со стула и пошла к окну, обзор которого выходил на центральную площадь, а также на соседние дома.

Гробовщик остановился у самого входа в соседский дом и крепко держал телегу. В нее постелили белое покрывало, а затем двое мужчин наружу вынесли тело мальчика и аккуратно погрузили его сверху. Парвуса провожали в последний путь четыре человека: Мэйзи – мать мальчика, мама Элиан, и те двое мужчин, собственно, один из которых приходился отцом малыша, а другой – дядей. Все поочередно поцеловали Парвуса в лоб, и гробовщик покатыл телегу на кладбище. Люди заплакали, а Мэйзи, стоило телеге отъехать от них на пару метров, бросилась к ребенку и закричала от горя. Элиан не выдержала, отвернулась и проронила слезу.

Спустя несколько мгновений, в дом вернулась заплаканная мать, молча прошла на кухню, налила в стакан из кувшина себе воды, выпила его и присела за стол.

– Сходи к лекарю, – сказала она. – Навести Господина Ин... Интенегри. Амбулас Интенегри, так его зовут. И позови на ужин. Урбэм сегодня приходил, сказал, что Парвус был последним больным на данный момент. Надеюсь, – Господи, пусть это будет так, – что больше и не появятся. Поэтому работы для Господина Интенегри здесь уже нет, а вот отбла-

годарить стоит. У кого несчастье, а у нас чудо такое! Он же спас тебя, Элиан. Так что сбегай к нему. Стол соберем здесь. Пусть приходит.

– Хорошо, мама, – согласилась Элиан.

– Амбулас Интенегри. Запомни имя.

– Запомнила.

– И понастойчивее. А я пока прилягу, подремлю.

– Ладно.

Туман начал рассеиваться, дождь перестал моросить, а вот ветер не стихал.

Элиан обулась в сапоги, прямо поверх ночнушки накинула старое пальто матери, и натянула капюшон. Только по пути к дому лекаря девушка осознала, что ей придется лицом к лицу столкнуться со своим спасителем, да к тому же этот человек, по словам ее мамы, почти был ровесником Элиан. Ее охватило смущение. Юная особа по своей сути была всегда стеснительной, и ей никогда ранее не приходилось общаться с представителем противоположного пола её возраста. Уже у порога больницы, девушка ненароком вспомнила про свой внешний вид. Ни причесалась, ни умылась, одним словом: не привела себя в порядок.

Только Элиан потянулась к ручке двери, как за ее порогом послышались быстрые шаги, а затем "Бух". Девушке чудом удалось отскочить, хотя дверь всё-таки больно ударила по пальцам правой руки. Элиан не показала признаков боли, а просто прижала руку к себе. Дверь слетела с петель, а око-

ло нее оказался незнакомец.

– Простите, – громко и весьма нахально бросил он и спокойно направился в сторону выхода из города.

Элиан и не ждала бы большего от местных, так как они не славились своей вежливостью и хорошими манерами. Но если бы это был местный... В этом знакомце она узнала чужеземца: длинное пальто с посеребренными пуговицами, брюки, черные туфли, кожаные перчатки на руках, чемодан. Не трудно было догадаться, кто это был.

– Господин Интенегри, – крикнула Элиан. Но парень ее как будто не слышал. – Господин Интенегри.

Он просто уходил все дальше. Тогда Элиан побежала за ним, догнала, когда он был почти у самых ворот, и бесстрашно схватила за руку:

– Амбулас!

Молодой человек обернулся и раздраженно взглянул на девушку. Элиан тогда впервые разглядела его большие синие глаза, которые пылали от злости.

Амбулас грубо вырвал руку, на его языке уже завертелись неприятные слова в ее сторону, но вдруг выражение лица его переменялось. Расслабил скулы, перестал хмурить брови, во взгляде потухли искры ярости. До парня дошло, что перед ним стоит хрупкое существо, на которое нельзя вымещать зло. А Элиан наоборот возмущенно смотрела на него прищуром кошачьих глаз. Губы и щеки ее надулись, она, как ему показалось, даже привстала на цыпочки, чтобы казаться вы-

ше, – девушка на голову была ниже Амбуласа.

– Вы чего?! – начала она. – Я за Вами бегать должна?

– А с какой стати я Вам понадобился? – молодой человек между тем тон сбавлять не стал.

– Вы же Амбулас Интенегри?

– Ударение на второй слог.

– Значит это Вы. Даже не знаю, стоит ли Вас приглашать на ужин после того, как Вы со мной разговариваете.

– На какой ужин? Хотя мне не до этого. Я уезжаю из этого проклятого города.

– Уезжаете? – немного удивилась Элиан, голос ее немного приутих. – Вы разве не должны тут еще остаться?

– Бестолку тут оставаться.

– Как же бестолку? Вы же спасаете жизни!

– Хотелось бы в это верить. Люди продолжают умирать, – Амбулас взглянул в ту сторону, где уже исчезла повозка гробовщика. Девушка тоже развернулась посмотреть. Оба приутихли.

– Вы тоже расстроены? – грустно, совсем тихо спросила Элиан.

– Это всё ваш Губернатор. Как он мог? Почему не повел меня сразу к ребенку? Этот мальчик был обязан выжить. В первую очередь всегда и везде спасают детей, а тут... Гнилой город с гнилыми людьми.

Элиан промолчала. Она знала, что в этих словах есть доля правды. Живя в культурном, современном городе и ока-

завшись здесь, ее бы мнение было то же самым. Люди в Лучезарном заплесневели вместе с самим городом, а над всем этим стоял чудаковатый Губернатор со своими традициями, порядками и системами, которые всем жителям приходилось соблюдать.

– Прошу прощения за подобное выражение, – Амбулас не хотелось задеть чувства девушки своими высказываниями.

– Вы сегодня отсюда не уедете, – пропустила мимо ушей Элиан выше сказанное.

– Что, простите?

– Чтобы уехать отсюда, нужно через извозчика с продуктами заказать пассажирскую повозку. Он добирается до Лучезарного за полдня, то есть выезжает он в полночь, чтобы успеть к восьми утра прибыть в город. Потом он возвращается на станцию, тоже за полдня. Нужно ему сообщить, чтобы Вас забрали, и тогда на следующий день приедет две повозки. Следовательно, уехать можно только завтра.

– А на карете с продуктами мест свободных разве нет?

– Нет, конечно. Там же продукты.

– Прекрасно! – с сарказмом воскликнул Амбулас. – И что мне теперь делать?

– Ну, допустим, мы можем разойтись по домам, Вы дождетесь извозчика, закажете повозку, а потом мы встретимся с Вами на ужине, – каждое слово Элиан задумчиво вытягивала.

– Что за ужин? Куда "по домам"? Туда я возвращаться не

хочу. Куда меня вообще занесло? Дыра дырой. Когда придет извозчик? – один за другим посыпались вопросы. Не обошлось без кривой ухмылки.

– Приедет повозка через полчаса, может, больше. Подождите ее здесь, раз не хотите к лекарю возвращаться. А ужин... На ужин зовет Вас моя мама, так как...

– Может, тогда поможете скоротать мне эти полчаса? – прервал ее Амбулас.

– Что?

– Повторюсь. Я в городе никого не знаю, кроме Губернатора и теперь Вас. Поэтому спрашиваю: может, постоите со мной тут?

– Эм... Хорошо, – неожиданно для себя согласилась Элиан. – Только, с Вашего позволения, начнем разговор с чистого листа?

– Зачем это?

– Затем, что мы с Вами успели уже повздорить. Разве так проходит первое знакомство?

– Я считаю, что первая встреча всегда проходит на эмоциях, и негативные не являются исключением. В дальнейшем, это будет смешнее вспоминать. Но раз Вы так этого желаете... – молодой человек выпрямился и показушно поправил воротник. – Меня зовут Амбулас Интенегри, и я застрял в этом "чудном" городе.

– Элиан Темингол, житель этого "чудного" города, – девушка не менее наиграно поклонилась и улыбнулась.

– Очень приятно.

– Откуда Вы к нам прибыли, Амбулас? – прозвучал следом же первый вопрос.

– Из Оклонда.

– Из столицы?

– Я там прописан. А так, проживаю, где придется.

– Путь досюда не близкий. Вы спасаете людей?

– Я их исцеляю.

– Вам это нравится?

– Я это должен делать.

– И много денег вы получаете за это?

– Я не беру ни копейки.

– А на что же вы тогда живете?

– У меня очень богатая семья.

– Ах, они Вас содержат! – подметила она с усмешкой.

– Я живу на их наследство. Они мертвы!

– Ах! Простите. – Элиан грустно опустила голову. Вышло неловко.

Все вопросы и ответы из уст обоих вылетали стремительно. В этом диалоге не было души, в словах не было теплой отдачи. Они не были заинтересованы друг другом, им лишь хотелось скоротать время до приезда повозки. Смущенная девушка смотрела себе под ноги, Амбулас с каменным лицом вглядывался в пустоту. Неловкая пауза могла продолжаться вечно, но молодой человек не позволил этому случиться и взял инициативу снова на себя. Вскоре, этот диалог пре-

вратился в нечто иное.

– Вы с рождения живете в Лучезарном, Элиан, – спросил он.

– Нет, что Вы. Мне было шесть лет, когда моя семья переехала в этот город. Мы жили в Ватергейте. У отца было своё дело, которое приносило неплохую прибыль, а наш дом находился недалеко от океана.

– И что вас заставила сюда переехать?

– Некоторые обстоятельства... Всё было просто замечательно до того, как папино дело не покатилося ко дну. Позже, и дом наш сгорел. Точнее, его подожгли, – так мне папа говорит. Вместе с домом сгорели все наши вещи и сбережения. У нас не было выбора: не было друзей, которые бы приняли нас, не было денег. Поэтому Отец очень сильно обрадовался, когда узнал, что в городе под названием "Лучезарный" выдавали бесплатное жильё. Мы и перебрались сюда, – Элиан закончила, и следом же предложила пройти к скамейке, что находилась в двух шагах. Амбулас согласился, и они сели.

– Не скучаете по вашему старому дому? – снова поинтересовался парень.

– Конечно, скучаем. Я и мама. А папе тут нравится. Мы когда сюда приехали, были поражены происходящим: всё небо над городом затянуто тучами, вокруг колючий лес, грязь, люди отчужденные, странные обычаи. Особенно обычаи удивили. Тут никто не работает! На чем держится весь город – никому не известно! Папе жить на содержании сразу

понравилось. А нам пришлось уж привыкать.

– Твой отец доволен этим, так как потерял веру в себя. Его дело превратилось в прах, а сил на восстановление и решение проблем не хватило. Он быстро смирился с этим.

– Мама так же думает. Либо он попросту не хочет ничего предпринимать. Этот город плохо повлиял на него. Лучезарный повлиял на нас всех. Правы Вы были, когда сказали, что люди тут сгнивают. Так и есть.

– Но тебе нельзя тут сгнивать! У тебя должны быть мечты, и ты должна стремиться к чему-нибудь, – возмутился Амбулас.

– Здесь умирают мечты, Амбулас, – грустно ответила Элиан. – Я точно помню моменты из раннего детства. Помню прикосновения океанского бриза на своей коже, пока я безмятежно смотрела в вечернее небо. В Ватергейте я часто встречала закат на пляже. Интересно, хотя и с депрессивными нотками, но я-маленькая всегда предпочитала пасмурное небо чистому. Два бескрайних голубых простора, разделенные горизонтом, казались мне не так красивы, как серое небо в крапинку. Сейчас я скучаю по чистому небу, так как мне приходится жить среди серого. Очень редко здесь бывает, когда в небесах прорезаются бреши, сквозь которые видны мягкие лучи лунного света, еще реже я вижу солнце, – она сделала секундную паузу, посмотрела ненадолго вверх, на небо, затем продолжила. – В Ватергейте, однажды, мой отец прикатил весельную лодку. Тогда мы вместе с ним встреча-

ли закат наплаву. Мое воображение построило из этой лодки целый галеон, я себя представила путешественником, и мне так захотелось ходить по морям и океаном, открывать новые земли, почувствовать песок других берегов в своих руках, давать ему сыпаться сквозь пальцы, посмотреть собственными глазами все города и страны. Как жаль, что сейчас, повзрослев, я расхотела исследовать мир. Я стала бояться нового.

– Элиан, порой, чтобы снова начать мечтать, нужно взойти на борт своего судна и уплыть в неизвестный мир. Для начала нужно сделать первый шаг. Что Вас задерживает?

Девушка промолчала. Наступила тягостная пауза. Оба сидели неподвижно, окунувшись в собственные размышления. Вдруг, Амбулас вспомнил, что в момент пика его недавней агрессии, по неудачным обстоятельствам, он чуть не пришиб Элиан дверью.

– Рука болит? – спросил он.

– Немножечко ноет. Ничего серьёзного.

Затем он оглядел девушку коротким взглядом и заметил, что под курткой на нее надета лишь тоненькая ночнушка:

– Ты же замерзла! Губы посинели. А я тебя тут держу. Нехорошо вышло.

– Да что Вы! Если бы замерзла, то ушла бы давно.

– Ты вся дрожишь!

Комментария не последовало.

Позади послышалась повозка. Она неспешно показалась

из-за поворота, и вот-вот въедет в город.

– Извозчик с продуктами приехал, – сказала Элиан. – Вы сразу идите к нему, и попросите о карете на завтра, а то очередь быстро соберется.

– Хорошо.

– Так Вы придете на ужин сегодня?

– На какой ужин? – в который раз Амбулас задал этот вопрос.

– Моя мама приглашает Вас. Вы же спасли мою жизнь своим обрядом.

– Спас? Обрядом? Так Вы та девушка, что ли?! – воскликнул парень. – А я даже не знал, что это Вы. Тогда не было времени разглядывать, поэтому не обижайтесь. Так вот в честь чего меня на ужин зовут! А я понять не могу. Я приду.

Элиан улыбнулась, показала на дом, в котором состоится вечерняя встреча, и они на этом разошлись.

Глава 6. Откровения. Часть 2

Заказ извозчику был передан, и Амбулас соизволил вернуться в палаты к лекарю, которые по-прежнему пустовали. До ужина было еще долго, а желудок уже давал о себе знать. Парень за всё время пребывания в Лучезарном не проглотил ни крошки. Ненароком вспомнилось предложение от Губернатора о завтраке, но тут же просыпалась и злость.

Лучший способ скоротать время – это сон: так решил для себя Амбулас. Но перед погружением в страну грез, он начал думать об Элиан. Как ни крути, но их первая встреча оставила ему только положительные эмоции. Он себя всегда считал закрытым, холодным, даже черствым человеком. Проявлять интерес к незнакомым личностям, поддерживать с ними разговор – не было в его духе. Отчасти, он сам пытался избегать лишних контактов с ними.

"Чужая среди своих, своя среди чужих", – именно так мог Амбулас охарактеризовать девушку. То ли на фоне всех остальных жителей этого города, то ли она на самом деле была такая, но Элиан ему показалась привлекательной для себя с духовной точки зрения. Этого он никак не мог объяснить для себя, что именно ему нравилось в ней. Да, он сначала не был совсем в ней заинтересован, потом он просто захотел следовать своим привычкам, но всё же Амбулас поддался и проявил к ней интерес. В конце всех рассуждений, он при-

шел к выводу, что просто соскучился по "нормальным" людям без каких-либо странностей, а она и была такая, и поэтому он так себя повел. Не больше. Хотя от предстоящего ужина он больше всего ожидал встречу с ней. Вскоре, он погрузился в сон.

Проспал Амбулас до самых сумерек. Световой день в Лучезарном оказался коротким. Он попросил у лекаря таз с водой, умылся, привел себя в порядок и посмотрел на часы. Стрелки перевалили за полдень – время к ужину.

В темное время суток Лучезарный казался еще мрачнее прежнего. Черное небо, улицы погружены в темноту, во мрак окунулись людские дома, доносилось поскрипывание досок, выл ветер. Эти и другие мелочи могли послужить веским поводом нормальному человеку остаться дома, или заставить его вооружиться фонарем да поярче. Амбулас же без лишней суматохи смело шагнул навстречу тьме.

Так же уверенно молодой человек вступил на порог дома, в котором состоялся ужин. За столом пока сидели только три дамы бальзаковского возраста, одна полнее другой. Их наряды показались Амбуласу вызывающими: яркие цвета подолов, широкое декольте, множество украшений. Для завершения образов не хватало только едкого парфюма и высоких причесок. По их виду можно было понять, что они чувствовали себя важными персонками на этом вечере, пытались строить из себя знатных девиц, но это у них из рук вон плохо получалось.

Позади стола, у печи трудилась еще одна женщина. Ее образ был намного проще: серый сарафан, пожелтевший фартук, платок на голове. С ней Амбулас уже ранее встречался. "Иzzi Темингол, – вспомнил он. – Мать Элиан Темингол".

Когда она увидела гостя, то громко и радостно поприветствовала его:

– Господин Интенегри! Как я рада, что Вы пришли, – женщина быстро подошла к столу и робко отодвинула стул. – Присаживайтесь! Ужин уже скоро будет готов.

– Нет, я постою и подожду остальных. Негоже сидеть за столом, коль хозяйка ужина еще хлопочет.

В этот момент выше упомянутые три дамы между собой возмущенно переглянулись и гордо вскинули носы. Это вызвало у гостя легкую ухмылку.

– Но не будете же вы просто стоять, – подметила миссис Темингол. – Сейчас я позову свою дочь.

– Не стоит. Зачем?

Но женщина его не услышала:

– Элиан, доченька, спустись вниз. Гость пришел, – крикнула она, а затем снова обратилась к Амбуласу. – Вы, наверное, голодны? Я с рыбой провозилась долго. Столько ртов кормить надо завтраком, обедом, ужином, а трудимся на кухне только мы с дочерью. Помощи никакой.

Последняя фраза вновь задела разодетых дам. Они раздраженно встали из-за стола и на показ поднялись наверх по лестнице, в свою комнату.

– Вы на них не смотрите, господин Интенегри. С этими лентяйками мы часто воюем. Ни черта по дому не делают. Сегодня вон как нарядились, к ужину приготовились. Аж смешно. Может, пока чаю выпьете?

– Нет. Я подожду всех. Вашей вины нет в том, что я рано пришел.

– Амбулас, – вдруг гостя окликнул прелестный голосок. С лестницы спустилась Элиан. На этот раз она прихорошилась: длинные волосы были собраны в аккуратный хвост, лицо слегка припудрено, в уши вставлены красивые серьги. Проглаживались темные круги под глазами – последствия недавней болезни, но от этого образ показался Амбуласу чуточку милее. Она нарядилась в симпатичный голубой сарафан, который хорошо подчеркивал стройную фигуру девушки, а на шее висел маленький золотой кулон.

– Элиан, – поприветствовал ее гость.

– Пройдемте со мной в комнату.

Они оба подняли наверх, и зашли в комнату под номером "2". В ней стояла одна кровать, тумба, стол и большой шкаф, а стены были завешаны многочисленными рисунками. Последнее заинтересовала Амбуласа.

– Это всё Ты нарисовала? – спросил он.

– Да. Это моё увлечение. После произошедшего со мной, я не захотела ночевать в старой комнате и сегодня окончательно перенесла вещи сюда. Отец вынес лишнюю кровать и помог обустроить всё на моё усмотрение. Стены мне показа-

лись слишком мрачными, и я их украсила своими картинками. Раньше они у меня просто лежали в стопке. А вот этот я сделала сегодня, – Элиан указала на рисунок, что висел напротив ее кровати. Фоном послужил яркий красный цвет, а посередине листа было изображено белое солнце, в центре которого красовались две человеческие фигуры. – Его я посвятила Вам. Мы держимся за руки, и вокруг нас разгорается солнце, свет которого разгоняет адское пламя.

– Мрачновато, и мне это нравится.

– А у Вас, Амбулас, есть какое-либо хобби? – поинтересовалась девушка.

– Надо подумать, – замешкался Амбулас. – Все мои увлечения в юности были связаны с физической культурой и медициной. Сейчас же я только работаю и путешествую. Но я как-то пытался писать стихи.

– Стихи? Seriously? – с легким хихиканьем переспросила Элиан.

– Да, а что ты находишь в этом смешного?

– Ну-у, вы такой весь из себя серьезный на вид, грубый и закрытый. А оказывается, что вы чувственная натура.

– Эх. В действительности получилось ужасно. Но бабушке моей понравилось.

– Вы читали стихи своей бабушке? – девушка уже засмеялась.

– Нет. Она их сама прочла, – в ответ заулыбался он.

– Как Вы скоротали день? – после нескольких мгновений

Элиан вновь задала вопрос.

– Я всё время проспал.

– Проголодались?

– Чертовски, – признался Амбулас. – Я об ужине начал думать, не переставая, уже после нашей разлуки.

– Наверное, было не очень культурно с моей стороны не позвать Вас и на обед. Мне так неловко сейчас.

– Не стоит переживать. Глупости! Ты не была обязана меня и на ужин приглашать. И в конце концов, давай перейдем на "Ты", а то я уже начинаю путаться.

– На ужин позвала Вас...тебя моя мама, хотя стоило бы об этом догадаться мне. Даже стыдно немного, ведь Вы...ты спас мою жизнь. И я хочу сама за это тебя отблагодарить. – Элиан сильно покраснела, смущенно подошла к Амбуласу и обняла его.

Амбулас растерялся. Сколько он помнил себя, ранее ему редко приходилось встречаться с таким эмоциональным жестом, как объятия, а точнее, быть его соучастником. В данной ситуации он просто стоял, держа руки по швам. Он замер! И хотя он всегда относился с пренебрежением к подобным выходкам, но сейчас его всё устраивало, поэтому он получил легкое наслаждение от пары мгновений.

Затем, Элиан продолжила знакомить гостя с остальными своими произведениями, пока их не позвали к ужину.

Стол был накрыт: подали большое блюдо с рыбой, несколько тарелок с овощами, горшок с вареным картофе-

лем и кувшин с компотом. Амбуласа сначала с широкой улыбкой поприветствовал отец Элиан, пожал ему руку, сказал несколько слов благодарности, миссис Темингол и вовсе расплакалась, а потом, наконец, все расселись. Первые пять минут ужина проходили в тишине, лишь бренчали столовые приборы, но скоро последовали расспросы со стороны мистера Темингола. Всё это показалось некстати, так как Амбулас основательно проголодался.

– Откуда Вы родом, господин Интенегри? – начал он.

– Из Оклонда, – ответил парень, отложив вилку в сторону.

– Долго добирались досюда? Как догадываюсь, это очень далеко.

– Да, довольно далеко. Но я прибыл из Бревиля, он в нескольких сотнях километров отсюда.

– Слышал о таком. Вы там сейчас проживаете?

– Я просто гостил у знакомых. А сам я проживаю в том же Оклонде.

– Часто Вы так путешествуете?

– Обстоятельства заставляют.

– И как Вам наш городок?

– Не буду врать, откину лесть. Лучезарный – это еще та дыра!

– Хм. Весьма грубо.

– Согласен. Возможно, если бы я тут находился подольше, то мнение моё могло бы измениться. По сути, мне вообще некогда рассматривать архитектуру городов и деревень.

Некогда.

– Вы, наверное, занятой человек! И много у Вас клиентов?

– Дик, давай хотя бы за столом не будем вспоминать о работе? Дай Амбуласу поесть, – сделала мужу замечание миссис Тэмингол.

– На самом деле, занят я бываю не так часто, как вы думаете, – гость всё же решил ответить. – Больше время уходит на дорогу. Часто ложные вызовы. А что касается случаев заболеваний, как у Элиан, то таких и вовсе бывает один-два на большой город и то в легких формах. В основном я специализируюсь в другой сфере.

– А почему тогда в Лучезарном столько жертв? И что значит "в легких формах"? Связано ли это с тем, что мы живем в маленьком поселении, близко друг к другу? – в разговор вступила Элиан.

– Определенно, нет. Это не передается, как вирус. "Легкие формы" – это значит, что люди не погружаются в непробудный сон и не умирают. У вас что-то совсем другое, – сказал Амбулас, но тут же пожалел, что не избежал подробностей в ответе.

– То есть, Вы хотите сказать, что не встречались с подобным заболеванием?

– Встречался, но с "легкими формами". И я посоветую больше не расспрашивать меня об этом, чтобы Вы в дальнейшем не навели панику. Больных уже нет, и завтра я уезжаю.

– Постоите-ка, – повысил голос мистер Темингол, – а каковы гарантии того, что не появятся новые жертвы, после вашего отъезда? Не заболеет ли снова моя дочь?

– Гарантий я никаких давать не смею. Элиан больше не заболеет – одно точно.

– Вы уедете, допустим. Но народ может дальше погибать! Не стоит ли Вам остаться подольше тут?

– Отнюдь нет. У меня уже намечены дела.

– Но Вы же только что сказали, что не так часто заняты!

– На данный момент работа всё же есть. И с каких пор я должен Вам отчитываться? – уже с раздражением ответил Амбулас.

– Вы мне ничего не должны! Но если жена моя заболеет, что прикажете делать? Снова Вам писать? Ждать пока Вы изволите приехать в нашу «дыру»? Вы обязаны тут еще немного побыть!

– Оставьте ваши пустые речи. Обязан во всём я только своим родителям, но никак не Вам. Задерживаться в Лучезарном я даже не подумаю.

– Но это же нечеловечно! Вдруг болезнь вернется? Так весь город может загнуться!

– Не факт, что всё-таки будут новые больные.

– Но вероятность есть! И помочь можете только Вы! Вас можно посчитать извергом, если вы покинете город!

– Дюк! Прекрати! – крикнула Иззи Темингол. Обстановка накалилась, и женщина решила поставить точку в этом

споре. У нее получилось. Все снова молча уткнулись в свои тарелки.

Спустя несколько минут мистер Темингол извинился:

– Прошу прощения за этот разговор. Больная тема. Она всех очень сильно тревожит. Каждый волнуется за себя, за родных.

– Понимаю, – кивнул молодой человек в ответ. – Но всё же нельзя, чтобы страх завладел умом. Мне так когда-то говорили.

После исчерпанного конфликта, ужин вслед за тем прошел спокойно. Амбулас вдоволь наелся, а под конец всё это дело закрепил кружкой горячего малинового чая. После, он еще немного посидел, ответил на очередную пару простых вопросов, затем поблагодарил миссис Темингол за приглашение и начал собираться обратно к себе. Его захотела проводить Элиан. Парень пытался ее отговорить ввиду плохой погоды, но она настояла на своем. Они медленно зашагали к дому лекаря.

– Тебя, наверное, сегодня разозлил мой отец? – сказала девушка. – Ты прости его, он очень нервный в связи с тем, что происходит в городе.

– Я не держу злобы, наоборот, его отлично понимаю. На город пало проклятье в виде этой напасти, много жертв – от этого столько вопросов, столько страха. Как ни тяжело этого признавать, но мне тоже было страшно. Я просто старался не думать об этом и сразу переходил к делу, к "Совершению".

Только не подумай обо мне плохо, но в душе я даже немного был рад, когда Урбэм сообщил мне, что больных нет. Я – монстр, верно?

– Нет, Амбулас, ты обыкновенный человек. Любой из нас может поддаться страху.

– Но я почувствовал облегчение. Это ужасно! Но когда я осознаю, что при этом погиб ребенок, мне становится так плохо, так меня это злит. Я злюсь на себя.

Он говорил начистоту. В разговоре не было притворства, не уместны были какие-либо принципы. Он быстро подметил, с самого начала, что Элиан открыто держит диалог с ним. Она говорит от души, всё прямо, как и есть. Во многом благодаря этому факту, Амбуласу тоже захотелось придаться откровению. В ней он почувствовал достойного собеседника.

– Не вини себя, ты не знал! Мне тоже очень-очень сильно жаль Парвуса, – так звали того мальчика. Он был чудесным ребенком. Я помню, однажды, мы с ним разговаривали о небе. Представляешь, Парвус всего несколько раз видел солнце, белые облака на нежно-голубых небесах. Такое бывает только один день в году. "День Восхода". Мы устраиваем праздник, пир, веселье. Вместе с солнцем расцветали и люди. Но всё возвращалось на свои места, когда обратно приходили тучи. Так вот, когда мы с ним завели беседу о небе, он мне сказал такую фразу: "Когда солнца настоящего нет, ты мне заменяешь его. Ты – моё второе солнышко", –

было заметно, что девушка с трудом сдержала слезы. – Амбулас, что за зло обрушилось на нас?

– Я часто слышал, что зло никогда не осознает того, что оно является таковым. Все эти ужасающие вещи, все действия, интриги – всё делается из лучших побуждений. А хорошие побуждения всегда идут рука об руку с нелепыми мыслями. Но в вашем случае это не так. Я бы вообще сказал, что это определение – ерунда. Зло – это не что иное, как целенаправленные действия, созданные для причинения вреда, страданий. Кто-то или что-то навлекло его на вас.

– Почему, Амбулас, почему? Чего ты тогда испугался?

– Элиан, я не хочу тебя посвящать во многие подробности. Ваш город очищен, вы спасены. Любому злу приходит конец. В любом случае, если проклятие вернется, то вам можно еще помочь.

– Тогда почему ты уезжаешь? Почему ты не останешься еще на несколько дней, не удовлетворишься, что проклятья нет?

– Элиан... – Амбулас понял, что его завели в тупик, он не знал, что ответить. Просто промолчал.

А тем временем, они уже подошли к нужному дому.

– Мне так страшно здесь, в этом ужасном городе, – девушка вдруг заплакала, и прижалась к молодому человеку.

Только сейчас Амбулас осознал всю тяжесть ноши. Он единственный человек, который смог помочь Лучезарному, который хоть что-то понимал, с чем имеет дело. Поэтому

к нему так часто поступают одни и те же вопросы, просят остаться. Люди боятся и тянутся к тому, кто может их защитить. Он почувствовал возложенную на его плечи ответственность за будущее Лучезарного, за его жителей, за будущее Элиан.

– Поехали завтра со мной, – неожиданно предложил Амбулас ей.

– Что? – девушка уже успокоилась, и после сказанного слегка попятилась назад.

– Поехали завтра со мной в Оклонд. Я увезу тебя отсюда!

– Что за глупости ты говоришь, Амбулас? Я не понимаю.

– Чего тут понимать? Ты сама подтвердила, что люди тут сгнивают. А ты молодая девушка, тебе нельзя тут оставаться. В столице у тебя будет масса возможностей расцвести, взглянуть на жизнь по-новому. "Почувствовать песок других берегов": Ведь так ты говорила?

– Я никуда не поеду. – Отрезала Элиан.

– Почему? Неужели ты боишься? Боишься сделать шаг навстречу новой жизни! Даже готова закрыть глаза на всё, что тебя не устраивает!

– Амбулас, что за чушь? Я никуда не поеду с тобой! Езжай один в свой Оклонд! – сказала Элиан, резко развернулась, и убежала прочь.

– Я тебе предлагаю такой шанс снова обрести мечту, а ты убегаешь! – Кричал парень ей в след. – Элиан!

Девушка уже скрылась во тьме. Амбулас некоторое время

просто стоял на улице и не мог понять произошедшего. Он только что, каким-то не понятным образом отверг от себя девушку. Что же ее обидело? Может, сказал что-то лишнее? Или Элиан от него ждала чего-то другого? Он окончательно запутался.

Амбулас плохо спал, даже можно сказать, что вообще не спал. На всю ночь он погрузился в переживания, после разговора с Элиан. Почему она убежала? Неужели он что-то не так сказал? Может, он был слишком резок, и предложение, где он просил девушку уехать вместе с ним, спугнуло ее? Но в этом же не было абсолютно ничего плохого, не было скрытого смысла. Но почему же он чувствует себя виноватым? Сколько вопросов и ни одного ответа.

Рано утром пассажирская карета прибыла в Лучезарный раньше продуктовой. На улице никого, кроме Амбуласа и кучера не было. Парень положил вещи в багажное отделение и, прежде чем сесть в экипаж, немного постоял на улице. Он вдохнул сырой воздух, посмотрел на дом Элиан.

«Просто уехать или зайти извиниться?»: теперь это терзало Амбуласа. Он замешкался, но ненадолго. Принципы взяли своё. Молодой человек предпочел отринуть переживания, и надел привычную маску безразличия. Что он теряет? Стоило Амбуласу открыться человеку, как тут же от него отвернулись. Поэтому он решил для себя, что всё было ошиб-

кой: и приезд в этот город, и мимолётное увлечение девушкой. Элиан – это всего лишь очередное лицо, которому суждено раствориться в тумане времени.

Но как ни крути, в маленькой частичке души Амбулас был опечален.

Карета уже тронулась и двинулась к воротам, как вдруг позади послышались крики. Амбулас обернулся. Это был Губернатор!

– Остановитесь, – крикнул парень кучеру.

Он подождал, пока Урбэм их нагонит, и открыл дверцу.

– Господин Интенегри, родненький! Не уезжайте, прошу. Еще больной! Женщина! Беременная! Помогите нам!

Глава 7. Минувшие дни. Предназначение

И снова вернемся к юности Амбуласа. А именно к тому дню, когда ему только предстояло познакомиться со своим новым опекуном. Ее звали Кана. Как было сказано ранее, эта женщина приходилась тетушкой ныне уже покойного Леона Интенегри. Для Амбуласа же она была не более чем дальней родственницей, но представилась Кана ему как бабушка.

– Здравствуй, Амбус, – сказала она тогда, переступив через порог опустевшего дома. Затем она мельком огляделась и снова с улыбкой посмотрела на юношу. – Или же тебе угодней к обращению полное имя – Амбулас? Ну чего же ты молчишь?

– Вы пришли за мной? – задал он вопрос.

– Конечно же! Зовут меня Кана, я твоя бабушка.

Амбулас был удивлен, слегка даже попятился назад.

– Понимаю, многое на тебя взвалилось сейчас, – продолжила Кана, – но давай соберем твои вещи поскорее и уедем отсюда. А я тебе по пути всё расскажу. Сейчас я позову Гавера, он отнесет чемоданы.

– Нет, я сам. Не надо никого звать.

Без лишних слов Амбулас накинул пальто, схватил все вещи и вышел наружу. На улице ждала карета, за поводьями

которой сидел мужчина – тот самый Гавер. Они погрузили чемоданы, закрыли на ключ дом, повесили замок на ворота поместья и выдвинулись в путь.

Тогда моросил дождь, было уже темно. В последний раз Амбулас взглянул сквозь стекло экипажа на особняк, после чего тот скрылся из виду за холмом.

В карете, кроме Амбуласа и Каны, никого не было. Свечи тускло освещали салон. Стояла тишина, лишь стук колес об землю нарушал ее. Много вопросов крутилось тогда в голове юноши, но задать их не решался. Кто эта Кана? На самом ли деле она являлась ему бабушкой? Почему не переждали ночь? Куда держим путь? Что будет дальше с Амбуласом? Но все вопросы тут же начали себя исчерпывать.

Кана долго просто наблюдала за юношей, он это прекрасно тогда заметил и старался не подавать виду. На лице ее сияла улыбка, но опасений она не вызывала, а лишь смущала. Вообще, у Амбуласа Кана вызывала только доверие, и ничего плохого. Он тогда смог уверенно предположить, что это был жизнерадостный человек, который редко когда унывает, непохожий на тех, кого он видел раньше. Короткие русые волосы, светлые глаза, морщинки у глаз и у губ, невысокий рост, стройное и крепкое телосложение, звонкий певучий голос. Вот что Амбулас пока смог разглядеть в ней.

Амбулас как сейчас помнит их первый состоявшийся разговор с Каной в карете. Сейчас он ему покажется таким простым, кое-где смешным, а где-то и вовсе постыдным. Но

юному Амбуласу пришлось пережить не мало эмоций в тот вечер: от смущения до самого страха.

– Ты не против, если я зажгу побольше свечей? – начала тогда с вопроса Кана. – Или же спать собираешься?

– Нет. Зажигайте, – ответил Амбулас.

– Хочешь, секрет расскажу? Я очень боюсь темноты. Не выношу ее. А так же не люблю большие дома. В них всегда темно и мало света. А этот скрип! Ужас. Прости, что заставила на ночь глядя выехать. Зато мы быстрее окажемся дома! У меня небольшой дом, но, надеюсь, он покажется тебе уютным. В нем круглый день горит свет, – и она тихо засмеялась.

– А куда мы едем?

– В Оклонд!

– В столицу? – удивился юноша. – Это же сколько нам дней придется ехать?

– Кто сказал, что мы поедем до Оклонда на этой колымаге? Сейчас, часа через два, мы прибудем в Ферсиваль, оттуда на дирижабле. Минуя все равнины и горы, мы быстро доберемся по воздуху! Тебе уже приходилось побывать там пассажиром?

– На дирижабле? Что Вы? – махнул Амбулас рукой. – Мне посчастливилось лишь читать книги о них. Правда, что он достигает скорости сто пятьдесят километров в час? И какова вероятность, что мы не разобьёмся, ведь, как я знаю, двигатели пассажирских экипажей нестабильно работают в

дождь?

Чередой своих вопросов Амбулас заставил только рассмеяться Кану, это заставило его покраснеть.

– Ты, наверное, книжки-то читал еще про первые дирижабли. Сидели безвылазно в этой глуши, книги старые и были. Сейчас дирижабли летают и в дождь, и в шквальный ветер. Летают днем и ночью! Пути их следуют из каждого крупного города во все стороны. Безопаснее рельсоходов, – объяснила Кана, затем потрепала Амбуласа за коленку. – Не переживай. Купим, как приедем, тебе книжек – сам всё и узнаешь. Тебя же учили хоть чему-нибудь в том доме?

– Да. У меня была гувернантка.

– Хоть об этом позаботился Леон. Читать, писать умеешь хорошо? Тебе же четырнадцать?

– Мне пятнадцать. Всё умею, хвалили.

– Просто я волнуюсь, достаточно ли у тебя знаний для уровня своих сверстников, которые учатся в школе. Догонишь ли?

Паника охватила Амбуласа. Вот что ему было точно не нужно, так это оказаться среди толпы незнакомых ему людей. Да и думать он об этом не хотел! А вдруг его знания были не настолько хороши, чтобы оказаться в классе со сверстниками, и посадят его... с детьми!

– В школе? Нет, я не хочу туда. Не надо!

– А как же ты учиться будешь? Не прикажешь ли снова гувернантку тебе нанимать, как маленькому? – С легкой иро-

нией и с долей юмора поинтересовалась Кана.

– Нет, – тихо ответил юноша, и совсем беззвучно добавил. – Прощу, только не в школу. Я сам. Сам всему научусь. – Амбулас опустил глаза в пол и втянул голову в плечи, скрывая часть лица под плащ.

– Хорошо. Я придумала, как мы поступим. У меня есть хорошая знакомая, она преподает в Академии. Встретимся с ней, она тебя проверит на знания базовых предметов. Без лишних глаз. А там уже решим, что с тобой делать.

Амбулас молчал, а Кана больше не задавала вопросов. Достала из сумки свечи и зажгла их, потом из другого отдела достала книгу и карандаш, и принялась в ней что-то усиленно подчеркивать. А Амбулас был так взволнован вопросом об обучении, так распереживался, чему был сам сильно удивлен, ведь он так усердно тренировался держать себя в руках. Но школа, нет, люди – вот что его испугало. Новые лица, многочисленные взоры, направленные в его сторону: от всего этого у него пробегали мурашки по всему телу.

Только тогда Амбулас впервые столкнулся с тем фактом, что он является невиновным социальным изгоем. За все пятнадцать лет людей, которых он повстречал, можно было по пальцам пересчитать. Но он не хотел ничего менять, не желал приобщаться к нормальному общественному поведению. Он привык быть один! Амбуласу так стало плохо на душе, что ему захотелось распахнуть двери кареты и убежать в лес, в привычный тихий неизменный мир. В Его мир.

Но с суровой реальностью он должен был смириться, ибо едет он в самый крупный город государства. Оклонд – город, который станет его новым домом. Где полно людей, среди которых хоть как, да придется уживаться, с которыми, в будущем, предстоит знакомиться, вести дела.

Амбулас заснул в пути и проснулся, когда уже карета оказалась у посадочного трапа в дирижабль. Вокруг было много людей, множество других карет, отовсюду доносились голоса, оглушительные звуки из громкоговорителя. С юга посадочную станцию окружал лес, с остальных сторон высокие здания города Ферсиваля. Больше он ничего не помнит. Всё было, будто в тумане, кружилась голова. Юноша не помнил, как они прошли регистрацию, как заняли свои места в каюте, не помнил, как лег спать. Амбулас проспал от самого взлета дирижабля из Ферсиваля вплоть до прибытия в столицу. Почти.

Его разбудила Кана, так тепло и ласково шепотом произнося его имя на ушко. Амбуласа так никогда еще не будили, было щекотно и приятно. Вставать ему совсем не хотелось. Насколько же он утомился за последние дни в особняке, столько событий тогда произошло, что он просто забывал про сон. Ему требовалось выспаться как следует. Но когда Кана сказала ему, что он пропустит самое интересное, а именно пропустит панораму на Оклонд, Амбулас мгновенно испытал прилив бодрости.

Он резко встал, обулся. Кана заставила его накинуть паль-

то, а затем проводила по узкому коридору до двери в конце пути. Дверь отворили, и они вышли к смотровой площадке, которую огораживали стекла от самого пола до потолка. Пробившись сквозь толпу, юноша смог увидеть город с высоты. Ничего подобного и завораживающего Амбулас никогда не видел.

Оклонд – самый красивый, большой, развитый и богатый город во всем мире. Жемчужина страны, никак иначе. В нем огромное количество разнообразной инфраструктуры и всевозможных мест для развлечения: магазины, больницы, театры, рестораны, библиотеки, музеи, бары, парки, клубы, салоны красоты. В нем расположены все министерства страны.

Это неопишимо гигантский город, расположенный на берегу бескрайнего океана. Он имеет форму почти идеального полукруга. Над ним возвышались огромные небоскребы, но больше всего выделялась Цитадель – центр всего города, самое высокое здание, из которого исходило множество труб, ведущих в различные уголки Оклонда. Сам город был окружен массивными стенами. Добраться до столицы можно было только по воздуху на дирижаблях, либо по железнодорожным путям – на рельсоходах, чьи линии тянулись из различных сторон горизонта к центру Оклонда. Вокруг города были поля, леса, проходила река, а так же вблизи располагалось несколько небольших поселков.

Амбулас не мог дождаться возможности разглядеть весь город изнутри, познакомиться с архитектурой, с построени-

ем улиц, с модой и поведением местных жителей. Он хотел познать всю мощь технологий, развитых в этом городе, постичь все наяву то, что ранее вычитал из книг, даже больше этого.

Но дирижабль начал приземляться не там, где рассчитывал Амбулас. Они приземлились на посадочной площадке в поле, в нескольких десятках километров от стен Оклонда. Как оказалось, Кана жила именно в одном из поселков, что расположились в области города. Амбуласа это немного расстроило.

Тот дом ему тоже навсегда запомнился. Небольшой, но довольно милый. Красная крыша, желтые стены, окна выходили в сторону леса.

Вообще, следует описать и само поселения полностью. Всего их было три, и связывала их между собой дорога, выложенная узорчатыми плитами. В каждом поселке было по три-четыре улицы, на каждой улице по семь-десять домов. В каждом поселении было по одному магазину, по одному развлекательному центру. Но их объединяла одна школа, одна больница и одна местная администрация, которые как раз таки расположились в поселке, где жила Кана. Все дома конструкцией походили друг на друга. Но каждый хозяин старался выделиться на фоне других, поэтому жители по-всякому украшали свои дома: то покрасят в яркий цвет их стены или ставни окон, некоторые полностью меняли цвет черепицы на крыше. Так или иначе, каждый дом носил свой уни-

кальный характер. К каждому зданию так же прилагался участок, который был огорожен двухметровым забором. Некоторые этот участок застраивали сараями, гаражами, другие переделывали всё под огород, но были и те, кто предпочел оставить участок нетронутым.

Поселок, в котором уже тогда поселился Амбулас, был центральным, самым ухоженным. Но был и минус: возле него проходили железнодорожные пути. Не так, чтобы было сильно шумно, когда промчится по путям рельсоход, но всё же это, спустя некоторое время, начинало действовать на нервы. Хотя жители к этому просто привыкали.

Рельсоход – это модернизированный паровоз. Его отличала лишь конструкция состава и метод передвижения. Рама экипажа с колесами, тормозными колодками, с коробкой передач, в общем, со всей частью, отвечающей за передвижение, располагалась наверху корпуса. Пути для рельсоходов сделали просто фантастичными. На земле воздвигали огромные колонны с круглой аркой на конце. Между каждой колонной был интервал в двести-триста метров, в зависимости от изгиба определенного промежутка пути. На самой высшей точке внешней стороны круга крепились рельсы. На эти рельсы становился весь состав усовершенствованного паровоза, то есть – рельсоход.

Поначалу людей пугал новый метод передвижения и новый транспорт. Еще бы! Ведь им приходилось буквально висеть над землей, да еще и не на маленькой высоте. Скорость

же рельсохода в два раза превосходила скорость паровоза. Вот такие инновации запросила власть Оклонда, и уже как два десятка лет рельсоходы поступили в обиход.

Вернемся же к Амбуласу. В доме Каны ему досталась отдельная комната, окна выходили всё на тот же лес. Но не красота и тишь леса уже, как ни странно, интересовала его, а весь величественный обзор на стены, на вонзающиеся в небо острые трубы и яркие высотки столицы. На бескрайний океан, что блестел там далеко в дали, на железнодорожные пути, по которым проносились рельсоходы. На всю эту мощь! Это была панорама от которой захватывало дух.

Выгрузив вещи в свою комнату, он тут же выбежал во двор дома, хорошенько разбежался, допрыгнул до края крыши дома и взобрался на самую макушку. Амбулас тогда был точно уверен, что все дни и ночи напролет он будет проводить на этой крыше и любоваться здешними красотами. Конечно, юноша разглядел тогда и густой дым, что исходил из глубин города из высоких труб. Оклонд – как-никак является и промышленной столицей. Черный дым – это лишь один из тех факторов, с которым пришлось столкнуться ради будущего и дальнейшего прогресса. Но это почти никак не отразилось на впечатлениях Амбуласа.

Проходили дни, недели. Амбулас привыкал к новому дому, не переставал любоваться здешними пейзажами. Он начал привыкать и к Кане. К женщине со светлой душой, к женщине, что теперь заботилась о нем.

Первое время Кана не беспокоила Амбуласа. Она дала ему время свыкнуться, не приставала с разговорами. Кана ждала, когда Амбулас сам потянется к ней. Так прошел месяц, а юноша и не пытался завязать разговор с Каной. Это обеспокоило женщину. Она начала задумываться: «А нравится ли ему наш дом? Нравится ли ему наша еда? А нравлюсь ли ему я?» На самом деле Амбулас тоже тревожился. Ему было совестно, что он даже не пытался проявить к ней интерес. Он просто боялся, что она вновь поднимет вопрос об обучении, о школе. Только и всего.

Амбуласу все нравилось. Вкуснее еды он не пробовал. А домом он и насладиться не мог. Конечно, жильё не могло похвастаться изнутри особыми просторами по сравнению с особняком Леона Интенегри. Но этот дом был озарен светом в прямом и духовном смысле. Что же касается Каны: Амбулас хотел полюбить ее как сын, как внук. Но не дано ему было это умение, не знал Амбулас, что такое материнская любовь и как это «любить» вовсе. Это касается, конечно же, любви к человеку, а не к вещи. Всегда Амбулас все чувства к человеку описывал «привыканием». Но Кану он захотел полюбить по-настоящему.

Прошло еще несколько недель, а диалог дальше фраз «Доброе утро» и «Спокойной ночи» не заходил. Но всему приходит конец, и Амбулас сдался. Причиной тому послужило любопытство к увлечениям Каны.

Амбулас наблюдал за Каной, всегда знал, где она, но чем

занимается на данный момент времени, он знать не мог. Пока он безвылазно проводил время на крыше, к ним в дом достаточно часто приходили люди. Это были и мужчины, и женщины с детьми, бабки и деды. Все они переступали порог дома с горечью на лице, но выходили оттуда с радостью в глазах. Это его заинтересовало и, однажды, Амбулас все-таки решил выяснить, что же происходит дома в то время, когда он отсутствует. Ведь все дни напролет, иногда и ночи, он любовался горизонтом. Конечно, были и перерывы на завтрак, обед и ужин, на сон, на умывание, но наибольшую часть дня он проводил вне дома. Стоит добавить, что Амбулас так и не покидал пределы двора.

Он прокрался в дом, спустя некоторое время, когда к ним пришла очередная гостья. Дело происходило в гостиной. Он увидел, как в центре комнаты стояла женщина с закрытыми глазами, легко пошатываясь. Она была будто в трансе и тяжело дышала. Вокруг нее ходила Кана, что-то нашептывая, и взмахивала правой кистью руки, словно рисуя знаки или буквы в воздухе. Это продолжалось около двух-трех минут. Затем, она остановилась и сказала женщине открыть глаза. Тогда Амбулас спрятался за угол и стал подслушивать.

– Всё? – спросила гостья.

– Да. Теперь будешь спать спокойно. Кошмары покинут ваш дом, – ответила Кана.

– Спасибо, милая Кана! Дай вам Бог здоровья и благополучия! Возьмите это в качестве благодарности! – Послыша-

лось шуршание. Амбулас смело предположил, что женщина достала деньги.

– Много вы мне даете! – Возразила Кана.

– Кыш... Всё правильно вам дала. Не возмущайтесь.

– Всё равно, не стоило. Спасибо!

Амбулас тут же выбежал из дома. Увиденное его насторожило, но и окончательно увлекло тоже.

С тех пор, юноша продолжал наблюдать за каждым гостем, что приходили к ним. Так же, прячась за углом, он подсматривал и подслушивал за странными «представлениями». Многие были похожи на «обряд», им увиденный ранее, некоторые совсем отличались своей последовательностью действий и слов, продолжительностью, положением тела «пациента». Амбулас догадался, что этими обрядами Кана как-то помогала людям. Лечила? От кошмаров? Но только ли?

Однажды к ним пришел человек во всем черном, с высоким колпаком и крестом на груди. И состоялся в доме у них с Каной разговор. Амбулас прокрался в дом, когда они перешли к концу самой сути некой «проблемы».

– ... он ест, пьет, разговаривает. Но боится он креста и Бога. Отвернулся от него. Ругается на Бога. Не ему принадлежат эти слова, только не из его уст. Приходи к нам в часовню, помоги чистому служителю вернуть верование, милостливая Кана.

– Я Вас поняла. Обязательно приду. Сегодня же. А пока

ступайте главный служитель Орберт. Приготовьте мне бокал со святой водой да уложите спать больного.

– Мы будем ждать.

Оба попрощались.

Мужчина следом ушел, а вот Амбулас остался. Он вышел из-за угла и вопросительно посмотрел на Кану. Та ни сколько не удивилась его появлению и улыбнулась ему.

– Опять подслушиваешь, Амбус? – спросила его женщина и хихикнула.

– Да. Что тут такое происходит? В смысле, что это за обряды вы делаете над людьми? Расскажите, Кана!

И Кана рассказала Амбуласу, что еще с юных лет она занималась народным «врачеванием». Этому ее научила мама, а маму – бабушка, а до нее еще много поколений передавали знания друг другу. Когда людей не лечат ни лекарства, ни мозгоправы, они идут к «Истинному Целителю». Иногда их называли просто «знахарь» или «знатец».

С точки зрения современной медицины, такие способы лечения выглядели совсем примитивными. Но Кана уверяла, что она и все подобные ей обладали сверхъестественным и магическим знанием. Глупости? Но больные, совсем отчаявшись, начинали верить и в эту силу. Как ни странно, обряды Целителей им знатно помогали.

Кана разделяла обряды на две категории: безобидные и «клятвенные». К безобидным обрядам она относила охрану от колдовства, порчи и кошмаров, прорицание судьбы, лече-

ние суставов, небольших ран, лечение кашля и насморка и тому прочее. Часто к таким обрядам прилагались снадобья из трав, растений и продуктов животного происхождения. Если с этим всё понятно, то про «клятвенные» обряды Кана тогда еще не хотела поведывать. Единственное, она рассказала, что у каждого обряда из данного раздела есть свое название, и что перед тем, как в первый раз произвести данный обряд, нужно принести одну некую клятву и пройти «очищение». К слову, Амбулас мало что тогда понял, но он нацелено напрашивался пойти вместе с Каной в часовню. Женщина не стала отказывать.

Уже вечерело. Нога Амбуласа впервые ступила за пределы ограды его дома. Они с Каной шли на окраину поселка через задние дворы, где стояла часовня на невысоком холме. По пути к ней юноша осматривал поселок. В нем было тихо и спокойно, лишь издалека доносились веселые голоса детей и непрерывный лай собак. На днях прошел сильный дождь, поэтому дорога, по которой они шли, была грязновата, – плиткой была выложена лишь центральная улица. Со стороны противоположной лесу дул, наполненный свежестью ветерок с морским привкусом. Чуть выше крыши местных домов виднелись высокие здания Окладна, которые из-за далекого расстояния скрывались от глаз за туманом.

Наконец они настигли часовни. Это была небольшая постройка, по углам сооружения были выстроены небольшие остроконечные башенки, в нише, над входом, находятся

большие часы с боем. Все здание состояло из множества арочных проемов на первом этаже, над которыми располагаются узкие окна, украшенные ажурной тонкой резьбой. Внутри стены были украшены одним рядом картин и витражной мозаикой с изображением святых. В стенах аспиды разместился золотой алтарь.

Вся эта красота совсем не впечатлила Амбуласа. Ему показалось все вокруг чересчур вычурным и устаревшим. То ли дело Цитадель в Окладне: сразу видно и мощь данного сооружения, и его цель. Оно питало весь город, это было сердце одного гигантского механизма. А тут, бесполезная постройка, которая не приносила пользы современному обществу. Так думал Амбулас. Не привили в нем веру в Бога.

Внутри часовни их встретил тот самый человек в черном, что приходил к Кане. Он поклонился и сразу же повел их к больному. Как оказалось, в здании был подвал, оборудованный несколькими комнатами. В одной из них, на кровати, находился собственно и сам больной. Он спал и смешно посапывал. Это был старый человек с густыми бровями и бородой.

Мужчина вручил Кане бокал с жидкостью, сказал, что дал больному снотворное. Он еще раз поклонился и покинул комнату. Дверь закрылась, Кана с Амбуласом остались наедине с больным.

Она достала из сумки несколько свечей и небольшой сверток. Когда женщина его развернула, то Амбулас увидел в

нем кинжал и пару амулетов. Далее, Кана расставила свечи вокруг больного и принялась вслух произносить последовательность своих действий. Это было сделано специально, чтобы Амбулас запоминал.

– Зажигаем свечи и присаживаемся на колени, – Кана подожгла фитиль каждой свечи и села рядом с кроватью больного на пол. Она посмотрела на юношу и дала знать, чтобы тот тоже сел с ней. – Надеваем амулеты. – Один она закрепила у себя на шее, а второй протянула Амбуласу, и он его тоже надел.

– А зачем это? – не удержался и спросил юноша.

– Это оберег. Надевай. – Серьёзно ответила Кана. А после продолжила диктовать свои действия. – Берем за руку больного. Амбус, дай мне свою. Хорошо. Теперь читаем молитву. Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте. Амбус, запоминай слова. Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте повус. Теперь подай мне кубок с водой. – Амбулас протянул кубок. – Благодарю. Теперь я беру кинжал. Мне потребуются всего лишь пять капель крови. – И Кана проткнула палец старика острым кончиком кинжала и подставила бокал. Красные капли плюхнулись поочередно в воду. – Ставим кубок на пол, беремся снова за руки и произносим следующие слова: Ло вонгу та повус. Ло вонгу та повус. Ло вонгу та повус. – Кана закончила и повернулась к Амбуласу. – Теперь приготовься. Закружится голова, и помутнеет в глазах. Ты не бойся, всё будет хорошо.

– Постоите! А что происходит? – заволновался юноша.

– Амбус. Время уходит. Держи меня за руку и не отпускай.

Кана схватила кубок с покрасневшей водой, и сделала оттуда глоток, затем протянула его юноше, тот тоже выпил немного. Амбулас почувствовал резкую тошноту, веки показались тяжелыми, а потом все так закружилось, что захотелось кричать от страха. Но он не мог. Амбулас перестал чувствовать тело, он перестал чувствовать что-либо вообще. Но продлилось это недолго. Он снова почувствовал землю под собой, моргнул, и вот он уже видит перед собой Кану, которая смотрела на него и улыбалась.

Было темно, со всех сторон окружали каменные стены.

– Г-где мы?! – закричал Амбулас.

– Тихо. Успокойся, Амбус. Ничего еще не произошло страшного! – начала его успокаивать Кана.

– Не произошло?! Мы... Где мы? Почему у меня такие странные ощущения? Я ничего не чувствую!

– И запахов тоже? Вдохни воздух? Не чувствуешь ничего? Сырости?

Амбулас сделал пару вдохов:

– Ничего. Где мы?

– Возьми меня за руку и пойдем. Нельзя долго стоять на месте. Я тебе все расскажу.

Они шли по замкнутому туннелю. Его мрак разгонял свет редких факелов на стенах. Амбулас панически оглядывался по сторонам.

– Не волнуйся, – повторила женщина.

– Не волноваться?! Что вообще произошло?

– Дай я все объясню. Мы в сознании того человека, что сейчас спит. Но мы не во сне, а именно в его разуме. Для чего мы тут? Бывает такое, что человек ни с того ни с сего меняется. Он становится другим, говорит непонятные вещи, вытворяет, что ему вздумается, ему присуща антипатия, агрессия. Таких людей можно назвать психопатами. Но нет, психопатами они становятся, если им не помочь в нужный момент. Людей изымают из общества, запирают под замком. Что же делают лечебницы для таких больных? Своими методами, которые должны якобы больным помочь, они только ускоряют процесс разлагания разума пациента. И его признают непригодным к жизни.

– И поэтому тот человек обратился к вам? – прервал рассказ Амбулас. – Я все равно не могу понять, как мы оказались тут? Как мы можем помочь? Это же не...

– Не поддается логике?

– Да! Об этом же нигде не написано, наверное! Попасть в сознание человека – это не реально! Но ты же говоришь, что мы здесь! Как... чем ты можешь доказать? Я не понимаю. Запутался! Это похоже на сон. – Амбулас схватился за голову.

– В какой-то мере мы сейчас тоже спим. Наше тело так же живет и дышит. Для окружающих наше тело спит, а сознание обитает тут, в душе другого человека.

– Это все те обряды? Клятвенные.

– Верно. Этот обряд несет название «Совершение». Мы совершаем очищение сознания больного от болезни. Эта не та болезнь, о которых пишут в книгах. Даже нам, знахарям, несвойственно познать, почему такое происходит с людьми. Врачи ставят в таких случаях диагноз и всячески пытаются помочь, находясь «снаружи». Мы же проникаем вовнутрь и искореняем всю заразу.

– А как выгладит эта зараза? До сих пор не могу понять всего, что происходит.

– А что тут понимать, – засмеялась Кана, – мы пока просто идем, тут и происходит нечему. А болезнь выгладит у всех одинаково. Человек просто заблудился внутри себя. Не именно то, что он запутался и ищет ответов на вопросы, которые не могут дать ему покоя. Его душа, сознание, разум – я все это объединяю, – человек заблудился, либо ему что-то не даёт освободиться. Это сложно понять. Не стоит этого даже понимать. Нужно действовать. Совершать поступки. А также верить. Ведь люди делятся на тех, кто верит в чудеса, а кто – нет.

– «Нужно действовать». Хорошо. Так когда же начнем? Мы просто идем и идем. Хорошо, что я не чувствую усталости. У меня должна же еще голова болеть. Столько всего происходит: обряды, «чудеса». И у меня столько вопросов, на которых один ответ: «Нужно верить»? Но я пока так не могу! Мне хочется подойти ко всему логически. Ведь всему

должна быть причина, даже в таких ситуациях, в которых и верить не хочется, но приходится.

Кана громко захохотала:

– Амбус, ты сегодня, как никогда, разговорчив. Мне нравится твоё рвение. Я даже верю, если ты пойдёшь по моим стопам, то обязательно найдёшь ответы и объяснение всему. Ты потом мне всё расскажешь?

– А с чего ты решила, что я собираюсь заниматься всем этим? – насторожено поинтересовался Амбулас.

– А тебя разве это все не заинтересовало?

– Конечно, заинтересовало. Но это и пугает. Навряд ли я ещё раз захочу попасть в разум чужого человека. Тем более если придётся каждый раз так долго ходить.

– Амбус, к нам очень редко обращаются по таким вопросам. Много тех знахарей, которые вообще ни разу не задействовали «Совершенство». Но я встречаюсь с этим уже в шестой раз. Даже если ты все же захочешь стать «Знатцем», не факт, что ты будешь бродить по чужим сознаниям.

– Это хорошо. Или не хорошо. Я не знаю. Но меня интересует теперь вопрос. На свете столько психически больных! То есть все свихнувшиеся люди, что сидят в психбольницах – им можно помочь этим обрядом?

– Хороший вопрос. И у меня есть ответ. Нет, это не так. Ведь психически больными людьми становятся не в один день! Помочь им – это уже дело врачей, не спорю. Они выясняют причину, факторы, которые воздействовали на пациен-

та, определяют степень расстройств разума. Легко больным – помогают. Оказавшись в разуме таких людей, например, я ничего не увижу. А когда человек вдруг мгновенно становится другим или вовсе невменяемым, разве это не подозрительно? Человек лег спать здоровым, а на следующее утро близкие люди видят его за поеданием собственной обуви! У врачей не будет на это ответов, они попытаются поставить диагноз, но смогут ли они выяснить причину такого резкого изменения, найти корень проблемы? Нет! Вот тут и нужен обряд «Совершение»! Но проблема в том, что мало кто знает и верит таким лекарям как я и мне подобным.

– То есть у таких людей ты сможешь в сознании найти лабиринты?

– Да, Амбус. Но все они отличаются друг от друга. Чтобы помочь больному, достаточно его вывести отсюда. Освободить.

– А преградой этому служит все эти лабиринты. – Подметил Амбулас.

– Ты всё схватываешь на лету.

– Мы долго идем, должен же быть выход отсюда! Стоп, – Амбулас увидел вдалеке во мраке движение. – Это что там?

– Сейчас увидим, – спокойно ответила Кана.

Когда они подошли ближе, Амбулас смог разглядеть лося! Настоящий Лось в бесконечном каменном коридоре.

– Знакомься, это мой старый друг! – воскликнула Кана. – Давно его так не видела! Он нам поможет найти выход.

– Это лось, верно?

– Да!

– Твой друг?

– Да!

– И он выведет нас?

– Да!

– Ну, понятно. «Нужно верить». – Пожал плечами парень.

– Амбус, иронии тут не место. Когда ты проходишь «очищение» и впадаешь в транс, то перед тобой является прообраз твоего спутника-талисмана. У меня это – Лось.

Лось на некоторое время исчез из виду, а когда Кана и Амбулас завернули за угол, то увидели перед собой два тоннеля, которые вели в разные стороны. У одного из них стоял Лось, но он тут же растворился в воздухе. Сразу стало понятно, что стоит идти туда, куда указал он. И снова они шли по коридору так же долго, и когда эта дорога привела их к запертым воротам, Амбулас вздохнул с облегчением: утомили его замкнутое пространство. Ворота отворились, и перед ними открылся вид на огромный зал. Стоило им шагнуть за порог, как появились туманные субстанции. Стали слышны стоны.

– Призраки! – улынулась Кана. – Ты веришь в них?

– Нет! Они тебя не пугают?

– Нет, конечно! Призраки – это души умерших людей и всего лишь. Я надеюсь, что это хорошие призраки – чистые души, они не опасны. Но каждого призрака можно разозлить.

Поэтому пойдём медленно.

– А они нам ничего не смогут плохого сделать? – тихо спросил Амбулас.

– Могут напасть. Но ты мало что почувствуешь. Они тебе будут мешать и всё. Ты сможешь это игнорировать, либо вооружиться. Свой прообраз ты можешь так же выбрать, когда пред тобой появляется твой спутник в первый раз.

– И какое у тебя оружие? – поинтересовался он.

– Длинный и яркий посох, который тут же всё осветит вокруг!

– Очень яркий? – посмеялся Амбулас.

– А как же! Но сейчас не стоит его использовать, иначе рассердим духов. Нам же не нужны лишние помехи. Тем более, когда мы уже нашли, как помочь больному!

Амбулас увидел, что в конце зала к стене был прикован цепями тот самый больной человек. Такие же густые брови и борода, только одежда его была грязной и порванной, а сам он был сильно измотан. По обе стороны узника, стояли два призрака.

– Нам надо его освободить? Духи, скорее всего, нападут на нас. – Уверенно сказал Амбулас.

– Я тоже в этом уверена. Нам надо освободить его и попросить протянуть свою руку. Только если больной сам захочет покинуть это место и сам протянет руку, мы сможем ему помочь.

– А если он откажется?

– Нам нужно будет его убедить. Но такого не бывает! – улыбнулась Кана.

Когда они подошли вплотную к узнику, призраки не реагировали никак, просто продолжали ужасающе стонать. Но стоило Кане дотронуться до цепей оков, как все призраки со всего зала громко закричали и бросились в их сторону. Из бесформенных субстанций вылезли руки, показались зубы. Амбулас попятился назад, зажал уши и пригнулся, а Кана встряхнула руки, и в этот же момент она облачилась в синюю робу, а в руках у нее появился белоснежный посох. Она им взмахнула, и весь зал заполнился светом, это оттолкнуло призраков, но ненадолго. Они снова бросились к Кане.

– Амбулас, – крикнула она. – Освободи его!

– Как?! – запаниковал парень.

– Найди ключ!

Амбулас оббежал ближайшие два угла, осмотрел стены. Нигде не было ключа. В это время Кана отбивалась от призраков. Ей не было тяжело, она всё делала спокойно. Кане требовалось лишь защитить Амбуласа.

Призраки исчезали, появлялись новые. Амбулас все никак не мог найти ключ. Толпа прозрачных субстанций продолжала натиск. Парень уже было отчаялся, но вдруг заметил, что позади всей толпы, что навалилась на Кану, спокойно стояли те самые два стража, что ранее охраняли узника. Они были немного больше обыкновенных призраков.

– Кана, ударь по тем, что сзади, – крикнул Амбулас.

Кана кивнула, и из посоха тут же ударила струя света, которая поразила стражей. Из одного из них выпал тот самый ключ. Кана рассмеялась. Все было просто.

Амбулас кинулся к ключу, призраки не уделяли никакого ему внимания. Он подобрал его, а затем ловко освободил узника. Тот повалился на землю, но был в сознании.

– Теперь мне что делать? – громко спросил Амбулас.

– Уже ничего!

Кана ударила посох об землю так, чтобы волна света оттолкнула призраков, и следом подбежала к юноше и старику.

– Подай мне руку, – сказала Кана бывшему узнику.

Он кивнул и протянул ладонь, Кана схватила ее. Вспышка.

Амбулас проснулся в своей кровати. Несильно болела голова. Он точно понимал, что теперь находится в реальном мире. Он выдохнул. Все мысли о случившемся вызывали страх, и нагоняло чувство тошноты. Тем не менее он чувствовал себя хорошо, поэтому быстро встал, оделся, и пошел в гостиную. Там, на диване с книгой в руках, сидела Кана.

– Очнулся, наконец! – Воскликнула она и оторвалась от чтения. – Обедать будешь?

Амбулас кивнул.

– И всё, ничего не скажешь?

– Скажу. Всё удачно прошло? – спросил он, а после зазевал и потянулся.

– Да. Того служителя часовни звали Рестам. Он приходил

сегодня утром и поблагодарил нас обоих. Весело было в конце, правда? – посмеялась Кана.

– Ни капли. Мне эти призраки будут сниться как минимум неделю.

– А мне понравилось. Скучно было бы просто разбить цепи и увести старика.

– Что?! – Амбулас остолбенел. – ТЫ могла просто разбить оковы и всё?!

– Да!

– Зачем тогда ты билась со всеми этими призраками? Зачем заставила меня искать ключ?

– Успокойся. Ничего же не произошло, и не могло произойти страшного. На тебе оберег был, в виде медальона, к тому же ты был просто спутником, а не проводником. К тебе даже не прикасались. А я просто хотела доказать тебе всё, о чем там рассказывала. К тому же ты сам хотел доказательств. И смекалку твою проверили.

– Доказала, – Амбулас скрестил руки и задрал нос. – Теперь я точно не притронусь к этим обрядам.

Кана засмеялась.

Прошла еще неделя. Амбулас не держал обиды на Кану. Да даже если и обижался, то совсем недолго. Как он ранее и говорил, с обрядами он больше не хотел иметь дело. Он всё так же теперь проводил время на крыше и перестал наблю-

дать за обрядами Каны на дому.

На этой же неделе, Кана сумела уговорить Амбуласа встретиться с ее подругой из Академии. Он согласился, но поставил условие, чтобы та самая подруга пришла к ним лично домой. На том и договорились. Эту женщину звали Сивам Рест. У нее был острый нос и маленькие мышинные глазки, так же она носила очки.

Амбулас прошел тест, который состоял из ста вопросов и поделен на разделы по различным школьным дисциплинам. И тест он сдал хорошо. По гуманитарным предметам его знания превосходили знания сверстников, что касается математических наук, то тут было немного похуже, но не критично. В общем, как сказала Сивам Рест, в школу было бы желательно пойти в следующем году, но, если Амбулас так уж хочет избежать общества, придется нанимать репетитора, либо усердно учиться на дому самому, конечно же, под контролем Каны. Амбулас на тот момент был счастлив и спокоен как никогда: до следующего учебного года еще далеко.

Прошло еще немного времени, и Амбулас начал покидать пределы ограды дома. Сначала он ходил за компанию с Каной в магазин, да и так, просто на прогулку. Затем он уже сам бродил по местным улочкам, но старательно пытался избегать прохожих.

Однажды Амбулас-таки не заметил одного мальчишку, тот нагнал его со спины, нагло всмотрелся в лицо Амбуласа, а потом возбужденно спросил:

– Ты ведь Амбус, сын Каны?

Амбулас не стал ничего отвечать, а тут же развернулся и убежал прочь от незнакомца. Откуда знали его имя? Ведь такое повторялось не раз! Как-то с ним поздоровалась незнакомая девочка и назвала его по имени, а в другой раз его пыталась окружить группа подростков, которые навалились на него с расспросами: «Ты ведь Амбулас?», «Тебя усыновили?», «А откуда ты?», «Почему избегаешь людей?». Амбуласу с трудом удалось убежать.

После всего этого он выстроил план: отправляться на прогулку только в период учебного времени школьников. Пока вся детвора и его сверстники сидят на уроках, он будет спокойно гулять по поселку.

Почему же Амбулас не гулял по местному лесу? Ходил он туда пару раз, но этот лес почему-то ему не симпатизировал. Уж больно густой он был и темный, в нем было сыро и грязно. Да и был Амбулас сейчас больше заинтересован изучением ближайших поселков.

Как-то Кана отправила утром Амбуласа сходить в ближайший магазин. День тогда был хмурый, но без дождя и ветра. Возвращаясь уже обратно, Амбулас увидел, что на дереве, которое росло на перекрестке двух улиц, кто-то взобрался. Подойдя поближе, он разглядел на нем черноволосую девочку. Волосы ее были красиво заплетены в косу, на ней было белое платье в черный горошек, сандалии и белые гольфы. И, несмотря на такой раскрепасный образ, эта девочка

взбиралась по дереву всё выше и выше, пытаясь до чего-то дотянуться. Амбулас пригляделся: это был воздушный змей, зацепившийся хвостом за самую макушку дерева.

Амбулас даже остановился, чтобы посмотреть, сможет ли девочка достигнуть своей цели. Она тяжело дышала, кряхтела, ветки цеплялись за платье, лезли в глаза. Наконец девочка решила передохнуть на половине пути, нашла точку опоры и опёрлась на ствол дерева. Она глубоко вздохнула, посмотрела вниз и тут же заметила Амбуласа, который пристально наблюдал за ней.

– Чего разглядываешь? – Крикнула тогда девочка. – Проходи мимо!

Амбулас молча кивнул, и зашагал было домой, но вдруг его окликнули:

– Эй! – позвала его девочка. – Не уходи пока. Поддай мне ту палку, – и указала на метровую обломившуюся ветку, лежащую у корней дерева, на котором она сидела.

Амбулас пожал плечами, подошел к подножью дерева, подобрал палку и протянул ее девочке, но ей не удавалось дотянуться.

– Ну чего же ты? Подпрыгни, что ли! Или поищи подлиннее! – завозмущалась она.

– Не проще тебе спуститься немного? – заговорил, наконец, Амбулас.

– Я же так высоко забралась, а ты просишь меня спуститься? Ищи палку!

Амбулас слегка опешил.

– Чего ты раскомандывалась? Лучше, давай я тебе помогу достать змея? – спросил он.

– Давай! – согласилась девочка.

– Ну?

– Что «Ну»?

– Ну, слезай! Ты же мне будешь мешать!

– Не буду слезать! Вдруг у тебя не получится залезть, тогда снова полезу я.

Амбулас даже рассердился за это упрямство, но ничего не стал говорить. Он начал взбираться вверх по дереву и получилось у него ловко. Был у него опыт, часто бродил по лесам вблизи поместья Леона Интенегри.

Амбулас настиг девочку, и остановился на ее уровне. Ему захотелось разглядеть ее лицо. Больше всего, на тот момент, ему запомнились ее большие серые глаза, и серьезное лицо с нахмуренными бровями. А так же пышные длинные волосы. Но это еще не все. Было в ней что-то притягающее.

– Ты будешь дальше лезть наверх? Или тебе помочь? – опять заворчала девочка.

Амбулас продолжил карабкаться ввысь. Спустя несколько мгновений он оказался на верхушке дерева. Там за одну ветку своим хвостом обмотался воздушный змей, и запутался он так, что, после нескольких неудачных попыток его развязать, Амбулас ничего лучше не придумал, как просто оторвать его. После девочка сразу спустилась вниз, Амбулас

следом. Уже на земле он протянул ей змея.

– Можно было и постараться не покалечить моего змея, – сказала она, но спокойно, без какой-либо агрессии. – Но и на том спасибо. Я, конечно, справилась бы сама, но платье мне очень мешало. Благодарю. Меня Эми зовут, а тебя?

– Амбулас Интенегри, – представился он.

– Амбулас? А, как я тебя не узнала! Мы ведь соседи. Каждый день вижу тебя из окна. Все сидишь на крыше и смотришь вдаль. Часто задавалась вопросом: не надоело ли тебе? Хотя, какое мое дело, может, я просто чего-то не замечаю. Ты же не местный? Кана твоя тетя?

И снова расспросы. Никуда не деться от них. Было бы глупо просто развернуться и уйти от девочки. Поэтому Амбулас ей ответил:

– Я раньше жил у дяди. Далеко отсюда. А потом он умер, тогда Кана забрала меня к себе. Она мне бабушка, дальняя родственница. Так я оказался тут. И каждый день я смотрю и люблюсь городом, что на горизонте. Раньше я ничего подобного не видел.

– Да, Оклонд поражает размерами. Я часто там бывала.

– Правда?

– А то!

– Интересно. К сожалению, мне надо домой, – решил он на этом вот так поставить точку. Хотя ему было бы очень интересно послушать рассказы об этом городе.

– Опять сидеть на крыше? – заулыбалась Эми.

– Нет! Точнее, потом. Просто Кана отправила меня за приправами. Варит суп, ждет меня. Я и так задержался.

– Так пошли вместе! Мы же соседи!

«Никак не отвяжешься теперь», – подумал Амбулас.

Парень кивнул, и они двинулись домой.

Амбулас молчал, а Эми шла рядом, чуть ли не вприпрыжку, и напевала себе под нос мелодию. Парню было неловко.

– Слушай, а почему ты в школу не ходишь? О тебе столько разговоров ходит, что ты странный. Говорят, что ты немой, либо что ты болеешь и не ходишь в школу, так как можешь заразить людей. Вроде ты нормальный, разговаривать умеешь. И не болеешь, точно?

– Точно.

– Почему тогда?

– Я на домашнем обучении. Можно так сказать.

– Вот здорово! – протянула Эми. – Математику хорошо знаешь?

– Да.

– А я не очень. А географию?

– Знаю.

– А я нет! А историю?

– Нормально, – Амбулас начинал нервничать. Такое долго не могло продолжаться. Уже даже пожалел, что просто не убежал от нее.

– У меня с историей всегда были проблемы. Вот теперь задумалась: какая польза от школы, если человек на домаш-

нем обучении знает больше тебя?

– Кстати, а почему ты не в школе? – вдруг задумался Амбулас.

– Прогуливаю. Я обычно так не делаю, но сегодня почему-то захотелось не пойти. А так я всегда с подругами гуляю после занятий. Потом, они расходятся по домам, а я продолжаю гулять одна, потому что не хочу быть дома.

– Понятно.

– Знаешь, почему не хочу быть дома? Потому что, устала от родителей. С мамой-то еще все нормально, а вот отчим... Постоянно наказывает за малейшую оплошность. А сейчас у меня порвано платье немного. Хорошо, что он с мамой сейчас в городе. Переоденусь, спрячу платье, почию змея и пойду его запускать. А ты будешь сидеть на крыше?

– Да.

– Я тут подумала, – Эми остановилась, схватила Амбуласа за рукав и посмотрела в глаза. Она немножко даже покраснела. – Давай вместе запустим воздушного змея? Пожалуйста. Ты же мне помог и вправе тоже с ним поиграть.

– Ладно, – Амбулас тоже засмутился, не смог отказать.

Эми заулыбалась, отпустила рукав и поскакала с ноги на ногу вперед, при этом она уже вслух пела задорную песенку. Амбулас не сумел понять ни слова, потому что пела она ну очень быстро. Вдруг, Эми остановилась и обернулась к Амбуласу.

– Ты ведь поможешь мне починить змея? – спросила

она. – А то я не придумала еще как.

– Хорошо, – парень согласился, но был он собой не доволен. Не сильно ему хотелось возиться со змеем, да и с девочкой тоже.

А Эми обрадовалось, и снова поскакала вперед, напевая всё ту же песню. Так они дошли вместе до своих домов. Жили они через улицу, напротив друг друга.

– Тогда в обед я тебя позову. Пока, – попрощалась Эми и пошла к себе.

Но встречи не наступило. Амбуласа это радовало поначалу, но он не прекращал ждать ее. Теперь он сидел на крыше, всё так же смотрел на город, что величественно красовался вдаль, да изредка поглядывал в сторону дома Эми. Так прождал он до ночи. Эми не объявлялась.

Только наследующий день Эми вышла на улицу и то, в послеобеденное время. Она сидела на корточках и ковыряла палочкой землю вблизи своего дома. Амбулас сам тогда к ней подошел первый.

Эми была наряжена снова в платье, только уже красное, менее пышное, по сравнению с предыдущим, а на голове красовался бант. Она по-прежнему тыкала веточкой землю и что-то бубнила себе под нос.

– Эми, – окликнул ее Амбулас.

Девочка вздрогнула, оглянулась и снова уставилась в землю.

– Это ты, Амбулас, – медленно сказала она. – Не ожидала,

что ты подойдешь ко мне. Прости, что не свиделись.

– Что-то случилось? – он был слегка обеспокоен. Вчера она была такой активной, а сейчас совсем наоборот.

– Родители дома были. Вернулись рано, а когда увидели меня, тут же поинтересовались, почему я не в школе. Отчим долго меня ругал, а потом заметил, что я платье порвала. Он так больно схватил меня за руку. А воздушного змея он разорвал и выкинул, – видно было, что Эми хотелось плакать, но она хорошо сдерживалась. – Прости. Нельзя такое рассказывать. Мама всегда говорила, чтобы я все семейные ссоры никому не растрепывала. А тебе рассказала.

– Давай сделаем нового змея, еще лучше прежнего? – попытался ее ободрить Амбулас.

– Не надо. Если и этого змея отчим выкинет, мне будет жальче его вдвойне, – Эми говорила это всё так тихо и тяжело, будто что-то затрудняло ей дыхание.

– Эми, скажи честно, я никому не скажу. Отчим тебя бьет? Девочка не спеша встала с колен, отряхнулась, постояла немного, подумала, а после ответила:

– Нет. В порывах гнева может толкнуть, схватить больно за руку. Маме это тоже не нравится, но она никак этому препятствовать не может. Иногда меня просит, чтобы я была покорной, вот и всё.

– Амикава! – внезапно раздался грубый глухой голос. Из ограды вышел высокий мужчина. Он был крепок телом, руки широкие. Одет был прилично, да и сам выглядел

очень статно. Мужчина даже не взглянул на Амбуласа. Эми от неожиданности дернулась, резко выпрямила спину, поправила платье.

– Обед будет подан через десять минут, – продолжил он. – Чтобы не опаздывала.

Затем мужчина ушел.

– Мне пора, – сказала Эми Амбуласу.

– Это твой отчим?

– Верно.

Девочка еще раз попрощалась и пошла в дом. Амбулас еще немного постоял напротив ее дома и тоже вернулся к себе. Он весь день ходил поникший. У него зыграло чувство сожаления к девочке. Амбуласу захотелось, чтобы Эми снова заулыбалась, чтобы была такой же, как в день их знакомства. Поэтому он захотел на следующий день сделать ей что-нибудь приятное.

На следующее утро Амбулас решил встретить Эми со школы, но не у крыльца заведения, а у того самого рокового дерева. Амбулас предположил, что она всегда проходила мимо этого дерева по пути к дому. Единственное, он волновался за то, что Эми после занятий останется гулять с подругами и поэтому не факт, что она пойдет именно этой дорогой домой. Он прождал около четырех часов и, наконец, Эми показалась. Правда с еще двумя девочками. Эми улыбалась, от этого ему стало хорошо на душе.

Он вышел на дорогу, преградив им тем самым путь, и

от смущения опустил голову вниз. Девочки остановились в нескольких метрах от него. Эми, когда узнала Амбуласа, еще сильнее заулыбалась. Она что-то сказала своим подружкам, от чего те захихикали, они попрощались, и повернули на другую улицу. Эми подбежала к Амбуласу.

Девочка выглядела строго, но всё так же прекрасно. Черный сарафан, тонкий пояс, лаковые туфельки, белый бант, заплетенный в тугий хвост. Школьная форма, никак иначе.

– Здравствуй. Ты меня снова удивил, – засмеялась она, а потом увидела сверток, что Амбулас все время прятал за спиной. – Что ты там прячешь?

– Это... Это подарок. – Амбулас развернул сверток и оттуда показался яркий красный воздушный змей. На нем было написано имя «Эми». – Я вчера весь вечер его мастерил. Где-то вышло коряво, но я все делал по схемам в книге, поэтому он должен хорошо летать. Ветер сегодня хороший. Запустим его вместе?

Амбулас еще сильнее засмутился, буквально покраснел. А Эми молча на него смотрела несколько секунд, но эта пауза показалась вечность для парня. «Неужели ей не понравилось?» – подумал он. Но Эми засмеялась и кинулась обнимать Амбуласа. Это были первые его объятия.

– Ты – чудо, Амбулас, – прошептала она тогда.

День прошел совсем незаметно, было очень весело. Амбулас никогда так еще не смеялся, но больше всего он был рад смеху и неповторимой улыбке Эми. Воздушный змей пре-

красно показал себя в воздухе. В тот день Амбулас забыл про пейзажи Оклонда, забыл про рельсоходы, что пронеслись над их головами. Сейчас он любовался девочкой.

Вечерело. По пути домой у них завязался теплый разговор.

– Эми, я слышал, что тебя называли еще как-то по-другому. Какое твое полное имя? – поинтересовался Амбулас.

– Не скажу, – засмеялась девочка. – Или скажу. Пока не решила. Скажу. Но это имя мне не нравится. Меня назвали в честь бабушек. Это отвратительно. Итак, узри весь ужас, – девочка сделала смешную интонацию. – Амикава-Эмилия Понтус. Смешно, да?

– Амикава-Эмилия, – протянул парень. – А мне нравится.

– А мне не нравится. Амикава – так ко мне и отчим, и мама, и учителя обращаются. Но для друзей я – Эми. А вот у тебя интересное имя. Особенно, фамилия. Интенегри. Ее я точно где-то еще слышала. Ин-тенегри, – задумалась Эми.

– Ну, может быть.

– Нет, я точно ее слышала, но не могу вспомнить где. Ну да ладно. Вспомню – скажу тебе.

Вдруг, Эми взяла Амбуласа за руку. По его спине забежали приятные мурашки. Чудесное это ощущение – ее нежная ладонь в его руках.

– А давай сыграем в игру «Нравится-не нравится?» – предложила Эми.

– Это как?

– Ну, мы будем задавать вопросы друг другу и отвечать на них, либо будем говорить, что тебе, например, нравится во мне или не нравится. И наоборот. Давай начнем с этого. Я – первая. Мне нравится, что ты со мной дружишь, – девочка заулыбалась и посмотрела в глаза Амбуласа. – А еще мне нравятся твои синие глаза. Держать за руку тебя нравится. Теперь твоя очередь, я уже много сказала.

– Мне нравится, – почесал затылок Амбулас, снова засмутился. – Мне нравятся твои волосы.

– Продолжай. Еще два, – захихикала Эми.

– Мне нравится... А повторяться можно?

– Нет. Это не честно.

– Но мне тоже... тоже нравится держать тебя за руку.

– Амбулас!

– Ладно-ладно. Мне нравится, что мы идем вместе домой. Мне нравится, как ты держишь прямо свою спину. Завидую даже этому. Как у тебя это получается?

– Это всё мама да отчим твердят мне, что если у меня будет нарушена осанка, то меня никто в жены не возьмет, и я вечно буду висеть у них на шее. А я этого не хочу. Не хочу жить с ними. Поэтому и приходится держать спину.

– Мне, кажется, что даже с неидеальной осанкой на тебе быстро женятся. Ты ведь такая красивая, – неловко засмеялся Амбулас и покраснел. – Если что... Если что и я могу жениться на тебе. Если... если ты сама этого захочешь. – Потом он понял, что немного перегнул палку, так как Эми вдруг

отпустила его руку, щеки ее покраснели, и смотрела она теперь смущенно вниз. Амбулас замахал руками. – Только не обижайся. Это не к тому, что ты не сможешь выйти замуж, и не будет других ухажеров, а я последняя твоя надежда. Что я несу? Извини-извини. Просто...знай, что я хочу быть рядом. Хотя бы как друг. Этого мне будет достаточно. Сначала я этого не понимал, но мне так понравилось проводить с тобой время. Хочу продолжать общаться.

Эми остановилась и продержала короткую паузу, прежде чем заговорила.

– Обещаешь? – резко спросила она.

– Что обещать? – испугался Амбулас.

– Обещаешь, что в жены возьмешь и рядом будешь?

–Ну... я же просто...вдруг, – замямлил парень. Но он увидел недовольный и строгий взгляд со стороны Эми. Поэтому, Амбулас собрался. – Обещаю.

Девочка вновь взяла его за руку. На лице ее появилась улыбка и легкий румянец. Они продолжали играть в ту игру, и узнавали друг друга всё больше. Им не хотелось расставаться, не хотелось, чтобы вечер разлучал их, поэтому шли они как можно медленнее. В конце концов, они дошли до своих домов, попрощались, но пообещали, что уже с самого утра пойдут гулять вместе, тем более завтра у Эми был выходной.

Больше половины ночи Амбулас не спал. Он и представить не мог, что общение с его сверстницей может принести

столько удовольствия. «Может, нет тут ничего такого страшного?» – спросил он себя. А ведь правда, помимо негатива со стороны общества он ничего не хотел видеть. Нужно знакомиться с новыми людьми. Вдруг их общение принесет столько же положительных эмоций, сколько от общения с Эми.

Амикава-Эмилия. Сколько раз он повторял про себя это имя. С этим именем на устах он и заснул.

Что случилось на следующий день – это то, что сыграло важную роль в его дальнейшей судьбе. Как Амбулас с Эми и договорился, с самого утра он ждал девочку у ворот ее дома. Она вышла в назначенное время. От увиденного, Амбулас остолбенел. Вся рука Эми была в кровоизлияниях, а на левой щеке красовался синяк. Было заметно, что всю ночь девочка проплакала: об этом говорили ее глаза.

У Амбуласа от злости задрожали руки.

– Это тебя он ударил? – закричал парень.

– Амбулас. Иди домой. Сегодня не будем гулять, – по щеке ее покатила слеза.

– Эми, ответь мне.

– Какая разница, Амбулас. Что ты сможешь сделать? – Эми заплакала, развернулась и убежала в дом.

«Неужели отчим избил бедную девочку за то, что она пришла позднее обычного. Но ведь даже солнце не село. Неужели из-за этого? А за что еще? Нельзя вообще было поднимать на нее руку. Как он посмел? Это я виноват. Виноват в том, что не следил за временем. Нет. Тут мало моей вины.

Он все равно не смел трогать ее. Кто он вообще такой?»

Амбулас вернулся домой очень рассерженным. Когда Кана увидела в каком он состоянии, то забеспокоилась:

– Что стряслось? – Спросила она тогда.

– Кана. В клятвенных обрядах есть умения, позволяющие защититься? Дать отпор злодею? – спросил Амбулас.

– Есть некоторые, – ответила женщина насторожено.

– И ты меня им обучишь, если я соглашусь обучиться всему, что ты знаешь?

– Амбус, что произошло?

– Кана, обучи меня, – он упал на колени, руки сжал в кулаки. – Пожалуйста. Я хочу обучиться всем обрядам. Я буду стараться!

Кана тогда была обеспокоена всем этим, но она согласилась, а понять причину такого рвения не смогла. Что же касается Амбуласа, то он точно знал, чего хотел. Он тогда мечтал отомстить отчиму Эмилии, ибо этот человек – человеком не вправе называться.

Прошло очень много времени, прежде чем Кана начала обучать Амбуласа клятвенным обрядам. Амбулас повзрослел, но он шел усердно к цели. В конечном итоге парень захотел таким образом мстить отчиму. Он вырос, стал сильнее физически. Амбулас продолжал общаться с Эми, и в случае чего, теперь мог постоять за нее.

Кана все так же продолжала обучение Амбуласа.

Глава 8. Кошмар.

Утраченное тепло матери.

Отчетливо было слышно каждый шаг сверху. Тяжелые и громкие. Амбулас затаил дыхание, замер посреди комнаты, залитой лунным светом. Вдруг шаги прекратились, а палата теперь наполнилась лишь мерным стуком маятника, биением дождевых капель за окном. Через секунду уже что-то неприятное и глумливое таилось в темных углах, плясало в лунных лучах. Послышался треск деревянного пола, задрезжали стены, окна потрескались, а после рассыпались на мелкие осколки. И вновь все стихло.

Было два выхода из комнаты: две двери, одна из которых вела обратно в холл, а другая в неизвестность. Амбулас стоял как вкопанный, страх усердно продолжал поглощать его. Неужели страх настолько сильное чувство? Можно ли вообще это чувство побороть? А стоит ли? Вариаций страха бесконечны в нашем мире, у страха множество личин. Это чувство поглощает без остатка, парализует всю волю, не поддается никаким уговорам, приводит лишь к панике. Единственная возможность овладеть страхом – это понять его причину, но станет ли от этого легче? Перед страхом можно пасовать, можно его преодолевать, можно его игнорировать. Но сдается лишь слабый человек. Игнорировать мелкие

страхи – разумно, стоит ли тратить силы на мелюзгу? Игнорировать же сильные – глупо. Остается лишь стать сильнее страха. Единственный способ побороть ужас – это привести его к полному уничтожению. Стоит изучить обратную сторону, найти его слабости, найти метод спасения. В любом случае, нужно заставить себя сделать шаг навстречу. Ты не перестанешь бояться смерти, если не примешь тот факт, что от нее не убежать. Ты не перестанешь бояться волков, если не изучишь их повадки. Ты не перестанешь бояться высоты, если не начнешь покорять вершины.

Амбулас затряс головой, отругал себя за то, что дал слабинку. Он сжал рукоять меча еще крепче и шагнул к двери напротив, но не успел он дотронуться до ее ручки, как дверь слетела с петель и полетела на него. Амбулас сумел вовремя отскочить. За дверью стоял Он. Высокий мужчина с мрачным выражением лица, с бледной, почти белой мертвой кожей, в плаще длинной до самого пола, с широким воротом. На голове он носил широкую рваную шляпу, ноги были обуты в длинные сапоги. Лицо его не выражает ни одной эмоции, оно словно маска с пустыми глазницами. В одной руке мужчина держал широкую утяжелённую трость, во второй – потухший фонарь.

Он увидел Амбуласа и указал на него пальцем, потом быстро зашагал к нему. Амбулас уже был знаком с его затяжными атаками: он медленно закидывал за свое плечо трость, затем следовала секундная пауза, словно он ждал, чтобы в

руке накопилась вся сила, а дальше с большого размаха бил по цели. Но сейчас же человек в маске нанес удар мгновенно. От трости увернуться удалось, но вот удар фонарем сверху пришелся прямо по спине Амбуласа, это свалило его на живот. Парень закричал от боли. Мужчина в шляпе не останавливался: он прижал ногой противника к ближней стене, а его меч откинул в противоположную сторону. Последовал тяжелый замах... Удар. Снова замах... Удар. Замах... и опять удар. Амбулас захлебывался кровью и испытывал боль, с которой не сталкивался ранее.

Удар, удар, удар! Парень закрыл глаза, стоило лишь покинуть этот сон и боль прекратится. Но Амбулас не мог себе этого позволить. Сбежать – значит обрести на смерть несчастную женщину. Этого не должно было случиться! Но избиение не прекращалось. Удар, удар, удар! Зазвенел колокол.

Изначально было понятно, что всё обернется в очередной ужас. Женщина на последних неделях беременности, которая уже как полутора суток не выходила из своей комнаты, оправдала все опасения соседей. Люди тут же побежали звать на помощь Губернатора. Стоило им лишь на минуту задержаться, как всё было бы потеряно. Карета, в которой уезжал Амбулас, могла просто уехать и раствориться в горизонте точно так же, как и последний шанс на спасение. Но они успели, Урбэн нагнал Амбуласа, а тот не отказал.

Беременная женщина – это два сердца, две души, это две

энергии, два разума. Два разума, которые одновременно могут пострадать от проклятия. Этого опасался Амбулас. Как на этот раз пройдет обряд Совершение? Никто знать не мог.

Амбулас провел обряд и тут же окунулся в очередной кошмар, который начался со звона колокола.

На этот раз он открыл глаза в кромешной тьме. В воздухе сразу почуялось кислое зловоние. Запахи? Такого еще не было на практике. Послышались звуки, монотонные и приглушенные, напоминающие отдаленно биение сердца. Несмотря на темноту, найти выход оказалось совсем просто: Амбулас тут же заметил вдалеке тусклый источник света и пошел на него. Когда он его настиг, то увидел перед собой крошечную часовню, два метра высотой. На ее воротах висел большой замок, но он мгновенно затрещал и распался на куски, а двери часовни отворились. Амбулас оторопел от увиденного. Перед ним на некоем подобии пьедестала лежали два зародыша. Один был почти сформирован, можно было отличить человеческого младенца. Весь, сжавшись в комок, он был покрыт красной слизью, а из живота торчала пуповина. Она вела ко второму зародышу, но тот был уж точно не от мира сего. Это нечто человекоподобное было наполнено черным блеклым сиянием, покрыто язвами по всему телу, на голове его образовались маленькие рожки. И это второе существо вдруг начало расти на глазах, оно становилось больше, сформировалось и приобретало более грозный вид. Оно открыло свои желтые кошачьи глаза, и медленно начало наползать на че-

ловеческого младенца.

Без сомнений, стоять и смотреть на происходящее было недопустимым. Амбулас принял отчаянное решение: он рубил мечом то существо пополам, что неминуемо привело его к гибели. Человеческий же младенец завопил, растопырил свои пальцы на маленьких ручках и ножках, а потом растворился в воздухе, оставив за собой пепел. Но плач младенца не прекращался, а свет потух, и от этого было совсем жутко. Воздух сотрясался, драл уши. Так продолжалось недолго, после чего наступила тишина.

Амбулас стоял один в пустоте. Можно уверенно сказать, что это только начало, а его опасения оправдались. Проклятие заразило две души, и сейчас Амбулас наверняка спас душу ребенка. Но как быть с душой матери ребенка? Он вспомнил кошмар в разуме мужчины, вспомнил, как на его стороне сражался сгусток энергии, воплощенный в форму медведя. Амбулас раньше долго думал об этом и пришел к выводу, что эта энергия не что иное, как сила воли, жажда жить и бороться. Тот мужчина своими силами пытался дать отпор нечисти. Но надолго ли его хватило, если бы на помощь не пришел Амбулас? А Элиан? Что было с ее стороны, как она боролась? Эта хрупкая девушка, разум которой был долго под контролем проклятия, но это тот случай, когда разум так долго не сдавался. Ее призрачное воплощение, которое при встрече накинлось на Амбуласа – это тоже можно было отнести к проявлению внутренней силы.

Что можно ждать от матери младенца? Всем известно, что материнская любовь так велика, это самое сильное из всех любовных чувств человека. Души матери и ребёнка связаны и дают друг другу очень многое. Так чего же можно ждать от разума беременной женщины, как проявится ее защитный механизм?

Амбулас не стал долго стоять на месте и сделал пару шагов вперед. Пелена тьмы начала рассеиваться, можно было уже разглядеть тропинку, и, в конце концов, Амбулас оказался посреди ночного леса. Над головой светила большая желтая луна. Зазвенел колокол.

Куда вела тропа, стало видно сразу. Впереди стоял огромный особняк. Стены его покрыли множество трещин и сколов, на всех окнах стояли металлические решетки. Всюду сыпалась известка, у подножия здание кругом разбросано стекло, а близлежащие газоны заросли ядовитым плющом. Крыша особняка почти вся обвалилась, окна не проглядывались, свет горел только на входе у крыльца. Но особняк был явно жилой: из труб шел дым, был задействован камин.

Дальнейшее стало вновь открытием для Амбуласа. Впервые в чужих снах, в проклятом сознании с ним заговорили воссозданные злом существа. Когда парень подошел к входным дверям и попытался их отворить, в трещине одной из створок показалось человеческое лицо старика, дряблое и облысевшее. Оно засопело, заворчало, прежде чем произнесла следующие слова:

– Тебя ждут здесь. Не входи!

А потом оно засмеялось и пристально смотрела на Амбуласа. Он не стал ничего отвечать, лишь косо посмотрел на него и снова потянулся к ручке двери и пару раз дернул ее. Попытки были тщетны, а смех существа не прекращался. Тогда Амбулас протянул руку к ножнам.

– Нет, нет, нет, нет, нет, – завопил незнакомец. – Не трогай! Зазвонит дверной звонок. Тебя встретят. Смерть. Не входи, – и ещё смех.

Но Амбулас был настойчив, а слова старика серьезно воспринимать не собирался. Он схватил свой тяжелый меч и с одного замаха снес врата. Двери разлетелись в обе стороны, и на входе показались колокольчики. Они были привязаны к косякам двери, и было их не менее полусотни, все, безусловно, затрещало. А чуть дальше, уже внутри особняка, показался длинноногий пес с человеческим лицом. Это было лицо того самого незнакомца. Старик-пес покачал головой и тут же скрылся в тени.

Если особняк снаружи казался давно забытым местом, то об интерьере можно было сказать обратное. Все было так, словно тут наводили чистоту каждый день. Блестящий пол, сверкающие люстры, мебель без пыли на поверхности. Но одна деталь омрачало увиденное внутри. Все стены особняка оказались в кровавых отпечатках ладоней. Кровь была совсем свежей, капли медленно скатывались, пачкая стены.

У Амбуласа разбегались глаза, всюду были двери, и каж-

дую дверь следовало бы проверить, но он в первую очередь решил подняться наверх по винтовой лестнице, оттуда исходил странный топот. Затем он прошел по коридору, что вел в левое крыло особняка. По углам на тумбах и на подоконниках были расставлены каменные скульптуры, а точнее бюсты одного и того же человека. Глаза скульптур казались живыми, Амбулас чувствовал, как его пронзают взглядом со спины, а когда он оборачивался, то глаза каменных лиц снова были наполнены пустотой и смотрели куда-то в сторону.

Пусть этот длинный коридор не был освещен ни единой свечой, но благодаря яркому сиянию луны, можно было хорошо разглядеть даже картины на стенах. Картин было много, рама каждой плотно прилежала к другой, а сюжет картин был посвящен одному и тому же событию, они были разделены на последовательные кадры. Кадры того, как нечеловеческое существо пожирает людское дитя. Чудище отбирало ребенка у женщины, потом нежно прижимало к своей груди, вдруг оно высовывало свой язык и облизывало крохотное тельце, а затем одним махом проглатывало его. Кошмар, наполненный жестокостью, ничего другого тут ожидать не следовало.

Амбулас дошел до конца коридора, отворил дверь и вышел снова в куда более протяженный коридор. Это его изрядно насторожило, но, тем не менее, он продолжил идти вперед. Послышался удар в колокол. За окнами зазвенели цепи. Выше этажом неожиданно забренчал рояль мелоди-

ей, наполненной минорными аккордами. Звучание было отвратным, сумбурным, одну часть мелодии играли с паузами, но затем музыка набирала обороты, каждая нота мгновенно сменяла другую с такой быстротой, как капли проливного дождя барабанили по крыше дома. А потом пошли грубые терции, по клавишам били со всей силой, как будто тем самым хотели заставить рояль играть громче. И, наконец, финал: сильный удар по музыкальному инструменту. Заново раздались тяжёлые шаги над головой. Амбулас знал куда идти, следовало подняться еще на один этаж.

Парень рванул вперед, один коридор сменял другой, двери без конца захлопывались за его спиной. Он поднялся по лестнице наверх и вновь пошли бесконечные коридоры. Амбулас понимал, что он в ловушке, но не хотел останавливаться до тех пор, пока не наткнулся на тупик.

Амбулас смотрел в стену. На секунду он прикрыл глаза, было ощущение, что кто-то стоит за его спиной. Стоит и не дышит, а просто ждет, пока Амбулас обернется. Иначе, для чего тогда такие длинные коридоры в кошмарах, в конце которых тупик? Чтобы зло сумело подкрасться со спины, пока жертва недоумевает от сложившейся ситуации, дожидаться пока она обернется, а затем набросится на нее. И пойми тут, жертва умерла раньше от страха или же от увечий, нанесённых злом.

Сзади, со стороны, откуда Амбулас прибежал, вдруг заплакал ребенок. Парень медленно развернулся и только то-

гда открыл глаза. Пронесло. Тогда он насторожено зашагал в сторону звука. Он аккуратно приоткрыл дверь, которая должна была вести в предыдущий коридор, но на этот раз это была совсем другая комната. Именно оттуда доносился плач ребёнка.

Амбулас аккуратно достал меч из ножен и отворил дверь полностью. Перед ним была комната, где всюду к потолку были подвешены куклы с обезображенными лицами. Их было настолько много, вплоть до того, что нельзя было разглядеть другой конец комнаты. Амбулас начал мечем обрубать нити, дабы пройти дальше. Куклы с глухим треском падали на пол одна за другой и, в конце концов, парень наткнулся следующей дверью. Амбулас открыл ее, комната за ней была совершенно пуста, она была наполнена лишь светом луны, что пробивался сквозь решетчатое окно. Но в темном, не освещенном углу зашевелилась фигура. Это было измученная женщина. Она сидела на полу, прижав колени к телу. Амбулас осторожно подошел к ней, взглянул на нее и понял, что эта та самая жертва кошмаров, та самая беременная женщина, которая сейчас в реальности находилась в положении между жизнью и смертью. Парень присел на корточки рядом с ней и протянул руку.

– Я помогу. Возьми мою руку, и мы покинем это кошмар, – заговорил он.

– Мой ребенок, что с ним? – Через слезы, шепотом спросила она.

– Твой ребенок в безопасности. Скорее возьми мою руку. – Амбулас пытался наполнить свой голос спокойствием. Он понимал, что сейчас женщина волнуется лишь за здоровье своего ребенка, поэтому ему нужно было как можно быстрее расположить ее к себе. – Я обещаю, он здоров, он улыбнется тебе, когда увидит, что и ты здорова.

– Я... я его хотела защитить. Я его спрятала. Да, я его спрятала! – Женщина перестала плакать, голос ее наполнился хладнокровием, но не переставал дрожать. Он встала на ноги, Амбулас чуть отошел от нее. Внезапно женщина начала кричать на него. – Я его спрятала! Как ты его нашел?! Как?

«Она его спрятала. Да, это так», – подумал про себя Амбулас. Женщина спрятала своего ребенка в той самой маленькой часовне, посадила на замок ее двери. Ее ребенок был заражен проклятием, но она смогла уберечь его от дальнейшего поглощения тем самым, что заперла его в безопасном месте то ли в своем подсознании или же в сознании своего ребенка, это не так важно. Важно то, что ей удалось потратить все свои силы не на свой оберег, а на то, чтобы обеспечить безопасность младенцу. В этом ее сила материнской любви.

– Я бы никогда не нашел вашего ребенка! Поверьте, но если бы вы сами не привели меня к нему, я бы его никогда не нашел! – Амбулас заговорил с нежностью и теплом, и все для того, чтобы успокоить женщину. – Вы сами сняли замок с дверей, что охраняли его! Вы сами привели меня сначала к ребенку, а потом я уже смог прийти сюда! Вы сильная, у вас

есть силы оберегать своего ребенка, и я уверен, что остались силы покинуть этот кошмар. Протяни мне свою руку! Я не причиню вам зла.

Женщина посмотрела прямо в глаза Амбуласа, по ее щекам снова покатались слезы.

– Он... он говорил то же самое, – забормотала она. – Он то же самое говорил, но я ему не поверила и не поверю тебе!

– Пойдите же! Неужели вы думаете, что... Скажите мне сначала, кто этот Он? – спросил парень.

Женщина в ответ указала своей дрожащей рукой в сторону. Амбулас резко обернулся, не успев моргнуть, как тут же пропустил удар и отлетел в сторону. Перед ним был мужчина с тяжелой тростью и фонарем в руках.

Враг сделал замах, Амбулас сумел вовремя отскочить от удара, который проломил пол под собой. Парень поднялся и выполнил колющий удар мечом, но мужчина смог уклониться и ответить вслед замахом фонарем. Амбулас уже уверенно стоял на ногах, поэтому ему не стоило труда увернуться. Затем враг сделал протяженную атаку тростью: взмах влево, взмах вправо и удар со спины. Все удары были отражены, и тогда Амбулас повторил колющий удар и на этот раз удачно. Меч проткнул мужчину, но тот и пальцем не дернул: он пошел навстречу, насаживаясь все глубже на меч, и одним сильным ударом с локтя вытолкнул парня через окно наружу. Амбулас крепко держал меч за рукоять, поэтому вылетел вместе с оружием. Падать было высоко, третий этаж как ни

как.

Время перед глазами Амбуласа остановилось. Он принял быстрое решение выпустить крюк на цепи в сторону крыши. Благодаря этому, ему удалось не только не упасть вниз, но и влететь обратно в особняк через окно, правда, уже второго этажа. Ногами со всей скорости он выбил решетку и с грохотом ввалился внутрь. На этот раз он оказался обширном холле.

В голове все стряслось, легкие задыхались от переизбытка пыли. Амбулас быстро пришел в себя и огляделся. Кругом стояли голые манекены, а стены были завешены зеркалами.

Куклы, повторяющие силуэт человека. В манекенах есть что-то пугающее. Амбулас задумался. Его смущала сама по себе идея создания человека из искусственных материалов, казалась абсурдной. И ни сколько он сейчас относился к ним с ужасом, сколько с недоверием и настороженностью.

Парень тяжело выдохнул и вдруг почувствовал дрожь в своих руках. Он начал ощущать страх, который постепенно овладевал им. Само это восприятие чувства, чувства как его настигает ужас, пугало больше, чем все происходящее ранее с ним. Не став на этом заикливаться, он прошел дальше в единственную дверь.

А дальше что случилось, было уже известно. Амбулас вновь столкнулся с тем безликим мужчиной и пал от его ударов. Боль пронеслась по всему телу, сам парень захлебывался от крови. Были мысли покинуть этот кошмар, но таким

образом он не сможет сюда вернуться, а женщина, в чьем сознании он находится, погибнет.

И вновь Амбулас почувствовал, как время замедлилось, он начал ощущать паузы между чередой ударов. Выгадав одну из них, он воспользовался крюком. Тот воткнулся в стену и Амбулас, путем притяжения механизма цепи, поволочился по земле, избежав атаки врага. Он оказался рядом с выходом из комнаты. Амбулас рассчитывал подняться и выбежать из нее, даже не прихватив с собой свой меч, и, оставив за собой врага, отдышаться. Это ему почти удалось: он поднялся, но путь на выход преградили ему ожившие манекены, которые с ожесточением накинулись на парня. Они повалили его на спину, начали рвать на нем одежду, а затем и кожу. Амбулас взвыл от боли, в глазах все помутилось. Зазвенел колокол. Вспышка.

– Да подайте же платок немедленно!

– У него кровь!

– Платок сюда!

– Из-за чего это произошло? Он умирает?

– Молчи женщина! Лекарь! Лекаря мне! Срочно. А, вот же он.

– Да, я здесь, господин Урбэм.

– Чего же ты там встал?!

– Мне не дают пройти.

– Глупцы, разойдитесь немедленно! Покиньте дом. Лекарь, сюда!

– Я уже рядом, господин Урбэм.

– Он сейчас задохнется!

– Я его уже перевернул набок, господин Урбэм.

– Что с ним?

– Внутреннее кровотечение. На мой взгляд, легкое. Повреждение сосудов. Требуется наблюдение.

– Господин Урбэм, а что же с Партумэй? Как же она?

– Женщина! Я сказал прочь отсюда! Лекарь!

– Да, господин Урбэм?

– Что с беременной?

– Сейчас проверю, господин Урбэм.

– Быстрее же. Что там у тебя? Не молчи.

– Партумэй Ферре мертва, господин Урбэм. Мне жаль.

– Мертва?! – вскрикнул Амбулас.

Когда сознание вернулось, отовсюду стали слышны голоса людей. Амбулас был словно в ракушке, каждое слово он с трудом различал и вообще не понимал, что происходит вокруг него. Глаз открыть не было сил, всякий слог ударял по ушам с такой силой, словно камнем по голове. Во рту стал различим привкус крови, а затем Амбулас и вовсе начал захлебываться ею. Тогда его перевернули. Всё тело сковало боль и бессилие. Ему хотелось уже вновь поскорее впасть в сон, но Амбулас услышал роковые слова, которые бесконечно наполнили душу паникой, которая в мгновение пробуди-

ло тело.

– Мертва?! – Амбулас оперся на руки, тут же в грудь вонзилась боль. Его охватил кашель, отхаркивающийся кровью.

– Господин, Вам не следует вставать! – сказал Лекарь.

– Мертва?! Не может быть! Я... я не справился. Нет, нет.

– Господин Интенегри, успокойтесь!

– Что же теперь сказать людям? – заговорил Губернатор. – Амбулас, почему Вы не справились? Что произошло? Я надеялся, что Вы поможете. Объясните нам. – В голосе его чувствовалось смятение и испуг.

– Господин Урбэм, не стоит его тревожить, у него нет еще сил ответить Вам. Я думаю, на это есть ответ. Пусть господин Интенегри придет в себя для начала, – успокаивал Лекарь.

– Мертва?! – продолжал тихо шептать себе под нос Амбулас. – А как же ребенок? Ребенка можно спасти! Слышите!

Но его никто не смог услышать, так как между Лекарем и Губернатором возник громкий спор.

– Амбулас не справился? Проклятие все сильнее! Кто еще сможет помочь нам? Никто! Я обречен! Народ обречен! Этот проклятый город обречен, – в панике залепетал Губернатор.

– Давайте не будем спешить, господин Урбэм. Мне тоже сейчас тревожно. Не будем же мы сейчас все прятаться под кровать и ждать своего конца?

– Тебе тревожно? Это тебе тревожно? На мне весь город и все жители! Общая паника разойдется далеко за пределы Лучезарного, об этом узнает правительство и отправит за

мною своих офицеров. Но им достанутся только наши трупы. Да-да, именно наши трупы. И как Вы там сказали? «Под кровать». Да! Все наши трупы будут лежать под кроватями. Именно там их и найдут. Мы обречены.

Странно было слышать подобные слова от Урбэма, они были наполнены безрассудством. Казалось, еще чуть-чуть и у губернатора бы пошла пена изо рта. Некогда странноватый «пухлячок» превратился в расшвырятого человека. Он весь покраснел от переизбытка эмоций: злость, горечь, тревога, страх. По широкому лбу непрерывной чередой скатывались большие капли пота, а глаза чуть ли не выскакивали из глазниц. Вены головы вздулись, руки лихорадочно затряслись. Губернатор замаячил от одного угла к другому, при этом импульсивно жестикулируя.

– Ведите себя пристойно, Урбэм. Вы сейчас похоже на безумца, а не на правителя города.

– Эта земля досталась мне с таким трудом, – захрипел несчастно губернатор. – Я верил, что сложности покинули меня тогда. Воздвигнул город на этой земле. Но нависли тучи. Гребанные тучи, которые отравляли мне всю мою жизнь своим присутствием. Один день. Один день я мог насладиться солнцем, только в один день люди могли выйти на улицу и окунуться в ласковые и тёплые лучи, лишь в один день над городом расходились эти тучи, которые бесконечно плюются на всё живое в этом городе, плюются на меня! Я не унывал и не паниковал, когда тучи круглый год закрывали небо. Я

хотел управлять людьми и хотел, чтобы они были счастливы. Но кто придет в город, где круглый год льет дождь, где царит плесень и сырость? Я не паниковал. Я принял решение, я безвозмездно раздавал людям жилье и пищу, им не надо даже работать для этого, представляешь! Я добился своего, люди заполонили город. Тунеядцы, лентяи, бездомные, несчастные. Город обрел своих жителей. Но только знаешь в чем подвох? Я говорил, что хотел управлять людьми? Сделай акцент на этом. Что же получилось на самом деле? Верно. До меня дошло недавно, что я воздвиг не город, а огромный террариум, где мне остается лишь кормить своих «зверюшек», и поддерживать достаточные условия для их жилья, дабы они не загнулись от смерти. И как любых «зверюшек», конечно, их следует хоть иногда баловать. День Восхода! Я закатывал такой пир, чтобы люди могли без унылых мин выйти из своих нор, почувствовать нормальную жизнь. А знаешь, почему солнце пробивалось в тот единственный день? Я тебе не расскажу, но это очень занятно. Все бы ахнули от удивления. Но эта история не для таких, как ты! Вы ничем не сможете помочь. А, Амбулас? Он теперь лежит и корчится от боли и никому не сможет помочь! О, Боги! Что эта земля хочет от меня? Почему теперь мои люди стали умирать? Почему этот проклятый город навлек на себя столько невзгод? Почему единственный человек, который мог нам помочь, лежит сейчас и харкается кровью? Объясните мне! Сейчас же! Ну, пожалуйста!

– Я... не знаю, что ответить вам, господин Урбэм. Мне очень жаль.

– Тебе тревожно, тебе жаль. Больше-то ничего сказать не можешь. А мне теперь всё разгребать это... Всё!

– Ребенок!!! – вдруг раздался крик. Это был Амбулас, и кричал он, что было сил. Слюни вперемешку с кровью катились по губам. Парень всё так же лежал, опираясь руками на кровать, которые дрожали под его весом и вот-вот готовы были разломиться пополам, как тонкая ссохшаяся ветвь. – Ребенка спасите! Он живой. Режьте живот. Быстрее. Он живой!

Амбулас камнем пал в лужу собственной крови. В его голове долго звучали голоса, а перед глазами кружился образ маленького ребенка в когтистых лапах демона.

Прошло четверо суток с момента последних событий. На Лучезарный хлынула общая смута. Никогда раньше Элиан не замечала такой суматохи в городе, не считая в праздник День Восхода. Жители то и дело забегали по площади, по соседям, дабы найти себе собеседника и поделиться своей тревогой. Уличные лавки заполнялись людьми, у фонтана собирались небольшие группы, в одном доме бывало, находилось в несколько раз больше так сказать «гостей», чем прописанных жителей в нем. Всем хотелось обо всем рассказать.

«Партумэй Ферре умерла», «Партумэй Ферре была на по-

следнем месяце беременности. Так ей и не удалось увидеть своего малыша», «Амбулас Интенегри мертв», «Губернатору удалось спасти ребенка Партумэй Ферре», «У ушедшей на тот свет, Партумэй Ферре, родился здоровенький мальчик», «Амбулас Интенегри на самом деле жив», «Амбулас Интенегри – мошенник, никого он больше не спасет», «На похороны Партумэй Ферре пришел почти весь город», «Жители Лучезарного не определились с именем сына Партумэй Ферре. Создано голосование», «Большинство жителей Лучезарного желают, чтобы Амбулас Интенегри покинул город немедленно», «Есть люди, которые верят, что Амбулас Интенегри спасет их». И еще множество тем зародилось для споров за столь короткий промежуток времени. Но что же послужило толчком для всей такой суматохи? Люди и раньше умирали от проклятия: и женщины, и дети.

Ошибка. Незнакомец, который проворачивал странные обряды, освободитель проклятых, Амбулас Интенегри убил Партумэй Ферре и чуть не угробил ее ребенка. «Убил», именно так считали многие жители. Людям нравится копаться в чужих проблемах, заострять внимания на чужих ошибках и высказывать свое мнение по данному поводу. Сам Губернатор был поражен таким исходом. Да, паника окончательно поглотила жителей Лучезарного, но эта паника стала нечто другим для них. Раньше, люди сидели в своих домах, как мыши в норах. Некоторые молились, чтобы проклятие обошло их, многие уже смирились и ждали своей уча-

сти. Сейчас же, когда дела обстояли хуже некуда, вдруг народ ожил. Страсти разгорелись. К страху уже все давно привыкли, а вот скандалов не было давно. Не важно, на улице дождь или ветер, но народ собирался на площади и громко обсуждал горячие новости.

В комнату Элиан постучались. Сама девушка только проснулась и поэтому еще лежала в кровати. Вошла ее мать. На лице читалась одухотворенность. Не было уже того серого лица с грустными глазами. Иззи Темингол даже преобразилась. Начала хоть немного, но следить за своим внешним видом. Да что скрывать, вокруг весь народ начал меняться. Жители укладывали волосы, доставали с дальних полок шифоньера нарядную одежду. Теперь на фоне происходящего нужно выглядеть прилично, вдруг разойдется новость, что кто-то одевается хуже другого.

Элиан, наверное, единственная трезво оценивала ситуацию, в которой находится весь город. На первое место она ставила проблему: город все так же под угрозой. Она не одобряла последних поступков жителей, но и не могла отрицать того, что оживленные люди, люди, которым собственно и следует быть такими, ей нравились больше, чем люди, сродни плесени. Поэтому, когда Элиан увидела свою мать, лицо которой наполнилось жизнью, девушка искренне улыбнулась.

– Ты только проснулась, соня моя? – ласково спросила мама. – Сегодня на площадь вынесут малыша Ферре. Пусть на

небесах солнце вечно будет греть душу его матери! Так вот, все пойдут посмотреть. Элиан, ты тоже пойдешь, да? Я нашла свое старое платье, еще с тех времен, когда мы жили в Ватергейте. Я его подошью, и будет как раз на тебя. Ты у меня совсем худенькая.

– Нет, мамочка. Я не хочу. От этого мне тяжело на сердце, не могу видеть несчастного малыша. Да и людей будет очень много, не привыкла я к этому. Все словно сбесились, – ответила Элиан. Она всегда старалась высказываться честно, тем самым избегая каких-либо недомолвок. Ранее родные всегда молча и спокойно выслушивали ее мнение, не требовали излишних слов и объяснений. Чего она уж точно не могла ожидать, так это скандалов на фоне ее ответа.

– Но ему же выберут сегодня имя. Я голосовала за Интиса. Интис Ферре – красиво звучит, тебе не кажется? И к тому же, ты засиделась дома. Посмотри на себя, бледная как вошь. Ешь еще плохо, – запричитала Иззи Темингол.

– Мама, все жители бледные, оглянись. Ты перестала замечать происходящего. А ела я мало всегда. Только недавно стала мне так говорить, раньше тебя не волновало это. Сейчас ты бежишь быстрее на площадь, не успев даже позавтракать толком. Посмотрела бы ты на саму себя неделю назад...

– Перестань со мной спорить. Про тебя уже спрашивать соседи начали. Говорят: «Опять Элиан проклятие сломило?». А я отвечаю, что ты дома просто пылишься. Знаешь, как неловко? Собирайся, а я платье быстро подошью.

– Мама, что за бред ты говоришь? – завозмущалась девушка. – Ты послушай себя. Люди уже словом «проклятье» в сторону здоровых людей бросаться не стесняются, а ты про платье. Да его даже никто не увидит под пальто. Холод такой.

– А что ты собираешься делать тогда? Весь день в комнате своей проведешь, рисовать будешь? Ах, точно! Ты же каждый день ходишь к этому Интенегри! – раздраженно сказала мама. – Сидишь у его кровати несколько часов в день. Еще немного и со мной люди разговаривать перестанут, прекращай это делать! Не место убийце в этом городе.

– Да что ты такое говоришь?! Амбулас спас меня, вспомни! Благодаря ему, я жива. Ты же в свой дом Амбуласа приглашала на ужин в его честь, вспомни. Что сейчас происходит с тобой? С папой? Со всеми вами?

– Из-за него умерла бедняжка Партумэй! Отец его умер в прошлом месяце, а теперь у него нет и матери!

– Это несчастный случай! Амбулас не успел даже ничего объяснить, а вы его готовы растерзать уже. Лекарь запирает дверь на засов, чтобы толпа людей вдруг не ворвалась и не выкинула на улицу Амбуласа. Тетя Тимл была там во время обряда и видела все. Она сама говорила, что это Амбулас кричал, чтобы они спасли ребенка! Вряд ли кто-нибудь без него догадался бы до этого?

– Не верь ты этой женщине. У нее не все дома.

– Это ее сестра!

– Слушать ничего не хочу. И к Интенегри не смей даже

ходить. Ты меня поняла?

Элиан вскочила на ноги, второпях накинула на себя длинный вязаный свитер и принялась обуваться на босу ногу. С утра ее уже вывели из себя. Руки нервно тряслись, и это мешало как следует завязать шнурки.

– Элиан, куда ты засобиралась? – спросила важно ее мама.

– Гулять! – кинула девушка в ответ.

– К Амбуласу?

– Я же сказала, что гулять.

Наконец, Элиан удалось справиться со шнуровкой обуви, и она быстро выбежала на улицу. А на площади уже собралось куча народу. Девушка проскочила через них всех. Несколько людей с ней поздоровались, некоторые пытались окликнуть ее. Элиан было все равно, она бежала к выходу из города, в чащу колкого леса.

В полутора километрах от города, в глубине леса, вокруг давным-давно упавшего дерева росли цветы. На сочно-зеленом стебельке с удлинёнными волнистыми листьями и с легким восковым налетом, располагался белоснежный роскошный бутон цветка, лепестки которого тянулись вверх. Это место Элиан заметила для себя давно.

Когда Элиан переехала с родителями в Лучезарный, она не находила себе места. Гулять было не с кем, местных книжек читать не хотелось. Не было моря и солнца, все было совсем по-другому. И однажды, спустя некоторое время, когда маленькая Элиан впервые осмелилась покинуть пределы

города, она наткнулась на это место. Первая мысль, что пришла ей в голову в ту же минуту, ей захотелось эти цветы зарисовать. Сломая голову она помчалась обратно домой, и ведь она нашла дорогу, не заблудилась. Элиан схватила листок и карандаш да помчалась снова в лес. Она потратила больше часа времени, но это стоило того. Так ей был сделан первый собственный рисунок, впоследствии это превратилось в ее страстное увлечение на многие года.

Название этих цветов она не знала, а собственное придуманное имя дать им не решалась, так как считала, что еще не довелось ей слышать того самого прекрасного слова, которое существовало на этом свете. Именно такого названия заслуживал этот цветок. Среди мрачного лысого и колючего леса, среди грязи, темного гнетущего неба, этот цветок был нечто несравнимым со всем окружающим.

В эту чащу Элиан приходила сейчас очень редко. Когда она узнала, что Амбулас серьезно ослаб, то ей захотелось непременно навестить его. В тот же миг она вспомнила и про цветы. И все прошедшие дни, каждый раз перед тем, как идти к Амбуласу, Элиан сначала наведывалась в эту чащу, срывала по одному цветку и приносила его в палату. Этот день не стал исключением, и еще один цветок был сорван.

Уже на пути обратно, девушка не в первый раз вспомнила разговор с Амбуласом, который состоялся той ночью после совместного ужина. Почему она тогда убежала? Все было просто – Элиан испугалась. Она так сильно уже привык-

ла к местному образу жизни, что не могла представить себя вне Лучезарного. Элиан не испугалась слов Амбуласа, не сомневалась в их правдивости. Ее испугало именно то развитие событий, их скорость. Девушка не знала, что такое «необдуманные решения», не знала значения слов «пойти на риск». А тут ей неожиданно предлагают покинуть город, уехать, оставив за собой родителей, прошлую жизнь. Но как же ей теперь было стыдно за свои слова. Она отвергла единственное предложение, которое могло навсегда изменить ее жизнь, да еще так грубо назвав это чушью. «Я никуда не поеду с тобой». Как так можно было сказать? Элиан винила себя и жалела о своем поступке.

В ту ночь она долго плакала, но не понимала почему. Ничего же страшного в предложении не было. Амбулас об этом и говорил. «Почувствовать песок других берегов», – вот мечта Элиан. Он ей хотел помочь достигнуть своей цели. Тогда девушка успокоилась и неожиданно для себя заулыбалась. Наверное, потому, что именно ей и только ей представилась такая возможность. Тогда она строго решила, что на следующее утро извинится перед Амбуласом, и когда тот снова предложит ей уехать, то она обязательно согласится.

Теперь же проблема была в том, чтобы не упустить Амбуласа, а именно карету, которая приедет очень рано и заберет его. Элиан приняла решение не спать всю ночь. Увы, она всё же не смогла побороть сон. Когда же Элиан открыла глаза, то увидела в окне, как пассажирский экипаж уже отъезжал

из города. Тревога свалилась на нее, она упала на колени и громко зарыдала от горя. В тот момент она поверила, что обречена на всю жизнь остаться в Лучезарном до самой смерти, Элиан была уверена, что больше никогда не увидит Амбуласа, того героя, что спас ее и хотел увезти ее подальше от этого проклятого места.

Но судьба дала второй шанс. Карету остановил Губернатор. Амбулас остался. Элиан поклялась себе, что никогда больше не позволит совершать подобных ошибок. Когда-то она уже протягивала руку незнакомцу и тем самым была спасена. Теперь же эту руку нельзя было отпускать, чтобы спастись вновь.

Поэтому, когда девушка приносила цветы в палату Амбуласа, то это служило не сколько гостинцем, а просьбой о прощении перед ее героем, жестом ее преданности.

Перед тем, как пройти в палаты к Лекарю, следовало постучаться в дверь, потому что та была закрыта на засов в целях безопасности. На этот раз, дверь была открыта, Элиан осторожно вошла во внутрь. Никого в палатах не было. Кровать Амбуласа была аккуратно заправлена, на рядом стоящей тумбе находилась пустая ваза с водой. Именно в нее Элиан ставила те самые цветы. Девушка прошла к кабинету Лекаря, тот был на месте и весьма заинтересовано читал книгу.

– Здравствуйте! – поздоровалась она, прежде чем войти. – Мне бы хотелось узнать...

– Амбулас Интенегри покинул палату, – прервал ее Лекарь.

– Но как же так? Он что-нибудь сказал перед своим уходом?

– Спросил: «почему так много народа на площади?». Я ему честно ответил почему.

– Это всё? А давно он ушел?

Лекарь оторвался от книги, взглянул на девушку, поправил окуляр и продолжил:

–Нет. Ушел только что. Он поинтересовался, как покинуть незаметно лечебницу. Я показал на черный выход. Он вышел. Вот теперь всё.

– Благодарю Вас. А мне позволите пройти через черный выход? – поинтересовалась Элиан.

– Без проблем.

Запасной выход вел за пределы города, в сторону недостроенной часовни, что была в нескольких сотнях метрах от Лучезарного. Погода была ветреной, но без дождя, тем не менее Элиан от долгого пребывания на улице уже сильно озябла.

Девушка не могла представить, куда мог уйти Амбулас, лишь только вперед, куда его вели глаза. Поэтому она и предположила, что, наткнувшись на ту самую часовню, Амбулас хотя бы на минуту остановится, и это позволит Элиан его нагнать.

Девушка бежала, что было сил, прижимая к груди цветок.

Она достаточно плохо знала характер парня, поэтому не знала, что от него ожидать. Вдруг он захочет вот так пешком покинуть этот злополучный город. Вдруг он испугался расправы над ним, которая ожидает его в Лучезарном.

Радости не было предела, когда она увидела силуэт впереди. Только тогда она остановилась и неспешно зашагала к нему. Это был несомненно Амбулас. Он неподвижно стоял и смотрел в сторону часовни. Со спины он казался таким высоким, широкоплечим и длинноруким. Амбулас держал осанку всё так же ровно, ветер раздувал его темные волосы. В руках он держал те самые три белых цветка, которые приносила ему Элиан.

Девушка подходила всё ближе и ничем не выдавала свое присутствие. Обнять ли парня прямо вот так, со спины, или же тихонечко его окликнуть, когда полностью приблизишься. Элиан еще сомневалась, пока случайно не наступила на веточку, с хрустом разломив ее пополам. Амбулас слегка вздрогнул и медленно обернулся. Лицо его было мрачным и бледным, темные круги под глазами, усталый взгляд, сухие серые губы.

– Амбулас... – начала неловко, Элиан, но он ее оборвал.

– Тщ-щ-щ. Подойди аккуратнее ко мне. Тише.

Девушка подошла вплотную к парню, тот приобнял ее и присел вместе с ней на корточки. Их лица были настолько близки друг к другу, что Элиан ощущала тяжелое дыхание Амбуласа, от этого ее сердце учащенно забилось.

– Сейчас пройдет между обломками, подожди, – продолжил он.

Элиан пока не могла сообразить, о чем идет речь. Когда же Амбулас указал пальцем на промежуток между двумя половинами недостроенной часовни, то девушка через несколько мгновений заметила белоснежного коня с длинным рогом на лбу.

– Неужели! Это единорог! – воскликнула Элиан.

– Тише! Ты чего? Спугнешь же, – строго зашептал парень. – Смотри, какой красавец. Не думал, что они здесь водятся.

Единорог немного постоял на месте, а потом скрылся на мгновение за построением и уже затем вышел на открытую местность, где во всей красе предстал перед наблюдателями. От этого существа исходило благородием и силой. Тело зверя было вытянутым и мускулистым. Глаза его сияли синим цветом, а длинный рог меж глаз испускал сверкающую пыльцу. Внезапно единорог встал на дыбы, развернулся на задних ногах и растворился в воздухе.

– Это неописуемо! Я видела единорога, Амбулас, – засмеялась Элиан. Она была действительно в восторге. Увидеть существо, с которым ранее она встречалась только в книжках и то только в детстве. «Совпадение или же вокруг Амбуласа всегда кружится мистика и волшебство?», – подумала девушка тогда.

– Да, нам сказочно повезло. Но несмотря на свое величие,

эти звери достаточно легко попадают в лапы охотников. Вот были бы мы с тобой охотниками, сейчас бы уже срезали его рог с головы.

– Амбулас, ну зачем ты так говоришь? Я надеюсь, что этих животных трогать тут не будут.

– Не будут. Их считают уже лет десять вымершими. Я думал, что мне показалось тогда. Уже у границ владений Лу-чезарного я заметил, совсем на мгновение, нечто похожее на единорога. Но этого мгновения мне хватило для того, чтобы сейчас с уверенностью сказать: в этом лесу несколько таких животных. У ранее мною замеченного был окрас темнее и рог розоватого оттенка. Этот лес просто ценная находка.

– Амбулас, – Элиан осмелилась прервать его, схватила за руку и посмотрела прямо ему в глаза. – Я прошу тебя, не рассказывай никому про этот лес, про этих животных. Хорошо? Пусть это будет нашим общим секретом?

– Я и не собирался никому об этом говорить. Поверь мне, – спокойно ответил парень, чем вызвал неловкую улыбку у Элиан.

После он обратил внимание на холодную ладонь девушки в его руках, на ее открытые ноги, заметил, как на девушку напала дрожь от холода, на румянец на ее бледных щеках.

– Вновь ты не по погоде одета, ноги голые, замерзла. Часто болеешь?

– Да я в спешке собиралась, – засмушалась Элиан, тем самым еще более раскраснелась, и застенчиво отняла свою

ладонь – А так, конечно же, теплее одеваюсь, хотя зачастую сижу дома, но болею часто. И вообще, если бы не ты, то я бы не замерзла. Так что держи свой цветок, – девушка протянула руку и смущенно опустила глаза, – и пошли скорее обратно к лекарю.

Амбулас принял белоснежный цветок и объединил с остальными. Тяжело, но было заметно, что ему не часто приходилось принимать в дар цветы, если вообще доводилось это делать. Растение он схватил весьма небрежно и напряжённо. Парень неловко кивнул, а затем сказал:

– Четное число получилось.

– Что, прости? – не поняла Элиан.

– Считается, что четное количество цветов приносят умершим. Это все глупости, но всё же поверье такое. Поэтому у меня предложение к тебе. Сходим на кладбище и положим эти цветы на могилу той умершей женщине? Тебе не будет обидно?

Элиан этот вопрос на пару секунд заставил задуматься. В уме ей стало обидно, эти цветы были сорваны специально для Амбуласа, и служили они определенным символом. Отказать, девушка всё же не осмелилась, а лишь медленно один раз кивнула. Слезы напрашивались выйти на волю, но Элиан сдерживалась.

Они неспешно пошли в сторону кладбища. Оба молчали. Элиан вдруг сравнила себя с Амбуласом, а именно их различие в росте. Она казалась такой низенькой по сравнению с

ним. Ей стало интересно, какая же девушка идеально подойдет для него. Затем она начала крутить в голове один и тот же вопрос: «Когда же Амбулас вновь предложит ей уехать вместе с ним?» Но вскоре ей стало неловко думать об этом и стыдно за свою наглость. Но если окажется так, что Амбулас тот человек, который не делает предложение дважды? Элиан снова захотелось плакать.

Когда они, наконец, достигли кладбища, девушка ужаснулась от количества свежих могил. Люди гибнут слишком часто и от этого страшно. Они подошли к захоронению Партумэй Ферре. На ее могиле не было ни единого цветка, лишь письма жителей с обращениями к умершей. Каждый конверт был помечен символом солнца.

Амбулас положил цветы на могилу женщины, молча постоял минуту. Как ни странно, на лице у парня не было горечи, намеков на печаль. Он как будто бесстрастно сделал должное и всё. Элиан это четко увидела и была недовольно его поведением. Но следующие его слова заставили девушку подумать об обратном:

– Я обеспечу малыша всем, чем только смогу. Я не смогу ему заметить мать, не могу дать ему любовь. Но я приложу все усилия, попрошу нужных людей, мы официально заберем ребенка из этого города и постараемся найти ему достойную семью. С меня же так же причитается полная материальная ответственность, этот ребенок не будет отказывать себе ни в чем. Пусть из него вырастит одаренный ученый,

смелый солдат или же настоящий шалопай, но у него всегда будут средства. Я даю это обещание тебе, Элиан. Это мое искупление перед ним, за то, что я совершил. Ты должна это будешь проконтролировать. Я хочу, чтобы ты была тем человеком, которая уверенно скажет когда-то, что я сделал все возможное, приложил огромные усилия, чтобы хоть на каплю оплатить его утрату на получение истиной материнской любви.

От Элиан не требовалось каких-нибудь слов и согласий. Его речь звучала строго в утвердительной форме. И уже не в первый раз девушке захотелось верить его словам. У нее не было подтверждений того, что он их исполнит, так же, как и причин на то, чтобы ему не поверить. Амбулас – всё тот же незнакомец, который недавно ступил на площадь Лучезарного, дабы хоть что-то сделать, как-то помочь его народу спастись от проклятия. Незнакомец, но уже не совсем. Существовали согласия между ним и Элиан, а это уже что-то да значит.

Вернуться в город они решили через главные ворота. Девушка поинтересовалась, не боится ли Амбулас разгневанного народа? На что он ответил очередной ухмылкой и презрением к этому народу. «Эти возмущенные люди, подобны спичке: быстро вспыхла – быстро потухнет, даже при малейшем ветерке».

По приближению к городу стали слышны громкие крики, отчаяние, плачь. Когда же они вошли в Лучезарный, то уви-

дели, как куча народа столпилась у мэрии, на крыльце которой выступал губернатор Урбэм.

– Не кричите! Послушайте меня, пожалуйста, – голос губернатора совсем осип от повышенного тона. Каждое слово он выговаривал с трудом. – Успокойтесь!

Но возгласы из толпы не угасали:

– Что нам делать? Как быть?

– Неужели эта девочка обречена?

– Господин Урбэм, каковы ваши действия?

– Где господин Интенегри, когда он нам нужен?

– Болен он, болен. Не пускает его еще лекарь!

– Так разбудим его!

– Да, пусть поможет!

– Он же убил Партумэй!

– Да не виновен он!

– Не виноват он!

– Согласен. Он должен помочь.

– Успокойтесь! – наконец перекричал всех губернатор. –

Я лично ходил к лекарю. Сбежал Интенегри. Нет его там.

– Да как же так? – вновь голос из толпы.

– Это всё вы виноваты! Вы его выгоняли из города! – предъявил обвинения Урбэм. – Теперь же ушел ваш спаситель, а вместе с ним и наши шансы на выживание. Все мы обречены! И винить в этом следует только вас, глупцы!

– А что мы сделали? Как нам быть?

– Об этом думать раньше надо было. Вы все виноваты. И

этот выскочка Интенегри тоже. Дал надежду, а после скрылся. Да пусть он катится куда подальше. Чтоб проклятие настигло его!

– Да вот же он! – воскликнул один человек из толпы.

Вся толпа развернулась, ведь за спиной их стоял тот самый Амбулас Интенегри в сопровождении Элиан. Наступила неловкая пауза. Все ждали того единственного человека, кто отважится заговорить с незнакомцем – спасителем.

– Амбулас, миленький, – вежливо прохрипел губернатор.

Глава 9. Тьма и свет. Игры на выживание.

– Какой возраст девочки? – спросил Амбулас.

– Семь полных лет, – сказал отец ребенка.

– Вчера легла спать совершенно здоровой? Жалобы, симптомы?

– Она шмыгала носом, но это остатки от недавней простуды. Спать пошла позднее обычного – я ей разрешил. На ночь я ей еще почитал вслух, потом приказал спать. А на утро моя девочка уже не проснулась. Помогите ей, прошу, я не хочу ее терять.

Титто Вонтс, глава семейства зарекся не отходить от своей дочери до самого ее выздоровления. Он старался собрано отвечать на каждый поставленный вопрос и понимал, что чем скорее они с этим покончат, тем скорее приступят к обряду, но нервы подводили и он срывался на плач. Мать девочки в шоковом состоянии доставили к лекарю.

Лучезарный – заплесневелый городок, наполненный многочисленными странностями. Но человеческие чувства остаются неизменными. Амбулас наблюдать настоящую любовь отца к дочери и неподдельную тревогу за ее жизнь. В данный момент, парень всем сердцем самому себе желал хоть чуточку удачи разобраться с очередным проклятием, он не

мог ошибиться вновь.

Сломленная тайной болезнью, такая маленькая, хрупкая белокурая девочка лежала неподвижно в своей постели. Еще вчера она вместе с родителями стояла в толпе народа и выслушивала очередную порцию новостей. Многого не понимала, но это было совсем не важно, ведь ее больше всего привлекала обыкновенная местная суета, а не заумные речи взрослых.

Девочка всегда любила спать подольше, поэтому ее родители лишь к обеденному времени забили тревогу, их ребенок не просыпался. С воплями они выскочили на улицу и начали молить о помощи. Губернатор отправил их обратно домой, а сам пообещал что-нибудь придумать. Какое же счастье было для всех, когда выяснилось, что Амбулас Интенегри всё еще не покинул Лучезарный. Он беспрекословно согласился прийти на выручку.

В комнате, кроме Амбуласа и отца ребенка, присутствовал господин Урбэм и Элиан. Девушка тихонечко сидела в дальнем углу и смотрела себе под ноги. Губернатор же уже несколько минут усиленно рыскал по карманам собственного сюртука в поисках чего-то. Это быстро вывело Амбуласа из себя, так как он, попутно задавая вопросы Титто, осматривал девочку, пытался нащупать и посчитать пульс, лишний шум сбивал с толку.

– Господин Урбэм, можете покинуть дом и возвращаться к себе. Я не нуждаюсь в вашей помощи, – холодно сказал

парень.

– Да я листок ищу, чтобы вести запись, как Вы меня просили ранее... – Пробормотал губернатор. Видать, он не понял сути услышанного.

– Я повторяюсь. Прошу Вас уйти. Все записи будет вести Элиан, если это понадобится.

– Но это возмутительно! Я, как губернатор этого города, должен контролировать процесс. Поэтому я должен остаться.

– Господин Губернатор, – вмешался Титто Вонтс, – прошу Вас. Я всем сердцем желаю, чтобы моя дочь осталась жива. Я готов на все. – У мужчины дрожал голос. Он был весь на пределе, но он сдерживался для того, чтобы не пролить слезы. Он встал со стула и подошёл почти вплотную к Урбэму, что заставило того зажаться в угол. Титто был на две головы выше губернатора, намного стройнее и мускулистее. Урбэм смотрел снизу вверх, весь затрясся, а лоб его покрылся потом. Но Титто совсем не желал навредить ему или же как-то испугать, он лишь пытался поймать ускользающий взгляд губернатора и донести ему свои мысли. – Поверьте мне, если господин Интенегри просит Вас уйти, то на это есть причины. Уйдите, умоляю Вас! Мы справимся сами.

– Я понял, понял! – завизжал губернатор, а потом обиженно добавил – Я уйду, но всё тут произошедшее будет на вашей совести. Ухожу!

Урбэм деловито задрал нос и покинул комнату, громко за-

хлопнув за собой дверь. Амбулас молча поблагодарил мужчину за оказанное содействие, на что Титто махнул рукой и снова сел на стул рядом с дочерью, а потом спросил:

– Скажите честно, Амбулас. У моей дочери есть шансы выжить? Я знаю, что вы до этого уже спасли двоих человек. Но последний случай был не удачный. Что скрывать, я был тоже сильно расстроен и зол на Вас. Но Вы единственный, кто может помочь Аюне.

– С девочкой будет все хорошо. – Спокойно ответил Амбулас. – Было бы глупо Вам не беспокоиться, ведь в такой ситуации это невозможно, но я даю обещание, что приложу все свои усилия. Аюна – так зовут вашу дочь? Всё получится, а Вы должны быть всегда рядом, потому что, когда Аюна очнется, ей непременно захочется тут же обнять близких.

– Спасибо, Амбулас. Спасибо, что помогаете всем нам!

– Еще не за что благодарить. У меня есть одна просьба. Я не в курсе, куда подевали все мои вещи. Пожалуйста, разыщите их и принесите сюда, как можно скорее.

– Я сбегая за ними! – подхватила Элиан и уже соскочила с места.

– Нет, – осадил Амбулас. – Элиан, ты останешься и поможешь мне с подготовкой. А вы, Титто, найдите мои вещи. Скорее всего, они у лекаря. На крайний случай, спросите у Урбэма.

– Я быстро, Амбулас, – закивал мужчина и выбежал стремительно из дома.

Амбулас выдохнул, присел на кровать к девочке, еще раз ее оглядел. Кровоизлияния и язвочки начали появляться на ее хрупком теле. Температура ниже на 2 градуса, а кожа побледнела. Проклятие берет свое, нужно было действовать немедленно. Амбулас отсел на стул и схватился за голову.

– Что случилось, Амбулас? – забеспокоилась Элиан. Она подошла к нему и присела рядом на корточки. – Тебе нехорошо? Чем мне тебе помочь?

– Всё нормально, – устало ответил он. – Ждем, пока мои вещи принесут и сразу же начинаем.

– А зачем тогда ты меня попросил остаться?

– Потому что мне так хотелось. Послушай, Элиан. На самом деле, не все так хорошо. – Амбулас взглянул на девушку покрасневшими глазами. – Все просто ужасно. Каждый случай с проклятием всё сильнее, это меня очень сильно тревожит. Я не успел прийти толком в себя. Не хочу такого говорить, но у меня есть все шансы думать, что я не справлюсь. Посмотри на нее, Элиан, она же совсем еще дитя. Я никогда не проводил обряд на детях, но знаю, что существуют огромные риски. А еще, посмотри, – он достал из-под одежды серебряный амулет с гравировкой в виде боевого топора. На нем была хорошо заметна трещина.

– Медальон. Он треснул. Так не должно быть, да? – неуверенно предположила девушка.

Амбулас замотал головой:

– Нет, конечно, нет. Это оберег. Без него очень опасно

проводить обряд Совершение. Если что случится, и обряд пройдет с провалом, девочка погибнет, а мой разум не вернется обратно в тело. Только благодаря нему я в прошлый раз уцелел. Душа женщины была полностью поглощена проклятием, а меня выбросило обратно.

– Амбулас, – по щекам девушки покатались слезы. – Я не понимаю. Хочу понять, но ты только объясни, как именно проходит этот обряд. Что произошло тогда, почему Партум-эй погибла?

– Это долго объяснять, но если вкратце, то проклятие строит в разуме зараженных миры, в нем обитают свои захватчики. Если этот мир не разрушить, то зло полностью захватит душу, а человек потеряет рассудок или же вовсе умрет. В душе той женщины был построен крепкий мир. Или же это зло обрело такую мощь, либо она без остатка потратила все свои силы на защиту ребенка, поэтому не могла бороться. С уверенностью я ничего не могу сказать, но итог один: ребенок уцелел, а сил спасти женщину мне не хватило. С чем мне предстоит встретиться на сей раз, не предполагаю. Амулет поврежден, но не полностью, и как он поведет себя в случае провала, я тоже не знаю.

– Изгони такие плохие мысли от себя, Амбулас. Не сдавайся раньше времени! Ты пообещал отцу девочки, что спасешь ее, ведь так! – Элиан разревелась, ушла в сторону и отвернулась.

Амбулас вновь приставил руки к лицу и попытался успо-

коиться. Для чего он все поведал Элиан, рассказал о своих опасениях? Как ни крути, Амбулас был угнетен. Ему был присущ взгляд реалиста, всегда четко планировал свои действия, последовательно шел к поставленной цели. Его жизнь – это расписание. Но на данный момент всё шло под откос. Покой внутри был нарушен, поэтому беспокойство вырывалось наружу. И чтобы идти дальше, нужно оставить все тревоги позади. Поэтому Амбулас все рассказал Элиан, тем самым он скинул с себя ношу для того, чтобы трезво взглянуть на ситуацию. Пусть тревожится кто-то другой, а ему следует решить проблему. Сейчас на кону поставлена и его жизнь, или же нет? Амулет треснул, но наполовину, значит, он действует. Чтобы не произошло, нужно надеяться на лучшее. Тем не менее, Амбулас продумал и запасной план. Он достал из внутреннего кармана конверт с письмом.

– Элиан. Я не знаю точно, сколько дней проведу в бессознательном состоянии после обряда, но это письмо ты должна отправить, как можно скорее.

Девушка обернулась. Всё лицо ее было красным и опухшим от слез. Она подошла к парню и забрала конверт.

– Только завтра утром, – тихо ответила она.

– Так и поступишь.

Через несколько минут вернулся Титто и принес весь инвентарь Амбуласа. После всех приготовлений, наконец приступили к обряду. Все действия были слажены, со стороны Амбулас выглядел снова собранным. Последние слова обря-

да были сказаны, и его сознание со вспышкой ворвалось в чужое.

Всё вокруг было заполнено белым светом. Туман создал непроглядную стену. Амбулас не ощущал землю под собой, он будто находился среди облаков и парил. Он не чувствовал своего тела, рук и ног, не почувствовал на себе совсем другой одежды вплоть до того, пока не выдал своего присутствия. Амбулас вопросительно крикнул в пустоту:

– Тут есть кто-нибудь?

В ответ послышалось многогранное эхо. Амбулас не понимал сути происходящего. Зло еще не успело построить свои миры? В чем была ловушка? Он оказался словно в бесконечно огромной комнате, стены которой были выкрашены в белоснежный цвет, и рядом не было совсем никого.

Но вдруг за спиной послышалось цоканье каблучков. Амбулас обернулся, и из непроницаемой белой пелены к нему вышла маленькая белокурая девочка. Она была одета в темно-фиолетовый сарафан, обута в теплые сапожки, волосы были собраны в два хвостика. Девочка немного наклонила голову и посмотрела на Амбуласа.

– Ты кто такой? Ты пришел поиграть со мной? – спросила задорно она.

Амбулас от неожиданности оторопел ненадолго. Он убедился, что рядом больше никто не присутствует, тихо и спо-

койно ответил:

– Нет, Аюна, я пришел забрать тебя отсюда, – при этом он пытался вложить слова всю свою доброжелательность, дабы девочка захотела довериться ему. – Мне велено тебя вывести отсюда.

– А откуда ты знаешь мое имя?

– Мне его назвал твой отец.

– Папа? Он тоже здесь? Где он, покажи! – радостно запрыгала на месте девочка.

– Он сейчас далеко, но я могу тебя отвести прямо к нему. Протяни мне свою ручку, – Амбулас присел на колени и протянул свою ладонь, но Аюна попятилась назад.

– Я не могу сейчас уйти. Меня ждут гости. Мы с ними играли в игру, хочешь с нами?

– А что это за игра?

– Потом узнаешь!

– После того, как мы сыграем разочек, мы пойдем к твоему папе?

– Конечно! Но ты должен играть честно, иначе гости обидятся.

У Амбуласа сжалось сердце. О каких «гостях» заявляла девочка? Кроме ее самой и воплощений зла, быть тут никого не может, значит от этих «гостей» ждать хорошего ничего не стоило. Но другого выхода нет, нельзя было спугнуть девочку. Поэтому он вновь поинтересовался:

– А гости твои не будут против? Вдруг им не понравится,

что я буду играть с вами?

– Нет. Они сказали мне, что они друзья. Я скажу, что ты тоже мой друг и они будут дружить с тобой. Как тебя зовут?

– Мое имя Амбулас.

– Амбулас, а почему на тебе такая одежда смешная?

Парень осмотрел себя и от изумления чуть не выругался. Он был обличен в обтягивающую разукрашенную одежду, словно шут. Обут он был в туфли с длинными, загнутыми вверх носами, украшенные колокольчиком, а на голове Амбулас обнаружил традиционный колпак с тремя длинными концами. Что послужило обличить его в данный образ? Никто не смог бы дать ответ.

– Я не знаю. Тебе не нравится? Я могу переодеться в рыцаря, если захочешь. Тот наряд намного лучше, да и такой очаровательной принцессе нужен собственный защитник, не так ли?

– Не хочу. В такой одежде ты понравишься гостям больше, – строго сказала Аюна.

– Хорошо, уговорила. Веди меня к своим друзьям, – согласился Амбуласа, в уме проклиная уже этот кошмар.

– Не надо никуда идти, мы уже и так на месте.

После сказанных слов, за спиной девочки разошелся в стороны туман, и показался большой круглый стол и стулья около него. Стол был пуст, за ним никто не сидел, на нем не было ничего кроме небольшой тары, в которой находилось несколько листков бумаги. Девочка прытко подбежала к од-

ному из двенадцати стоящих стульев и позвала к себе Амбуласа.

– А где твои друзья? – настороженно сначала спросил он.

– Амбулас, ты глупый? Они сидят все на своих местах и ждут только тебя. Присаживайся, а то они будут злиться, – ответила девочка и пригласила его присесть.

Парень медленно начал подходить к девочке. Аюна мило улыбалась и ждала, пока Амбулас не сядет на свое место. Когда это свершилось, она залезла на стол без чьей-либо помощи, достала из тары первый листок и принялась зачитывать написанное. Амбулас был сильно озадачен. Внезапно, всё кругом накрыл мрак, загорелись всюду свечи. Стояла глухая тишина, ни единый поток воздуха не пошатнул огонь свечей. Но появились тени. Силуэты тех самых «гостей», как будто сидящих на стульях смог разглядеть он, и оттого было жутко, ибо стулья оставались по-прежнему пусты. Игра уже началась.

– Эта игра особенно опасна, – начала Аюна, медленно и тщательно проговаривая по слогам каждое слово, – потому что ее начинают гости. Рано или поздно вы услышите голос: «Кто не спрятался?». Через некоторое время он говорит: «Кто прячется, тот застыл. Я не виноват». После этого вас находят, чтобы вы не делали, как бы вы не прятались, и всё начинается сначала. Кажется, что выиграть невозможно. Ключ: это игра для смелых. На самом деле «прячется» тот, кто стоит на месте. Пока хоть кто-то здесь прячется, игра бу-

дет продолжаться. Любую игру нужно довести до конца. Кто доведет, тот и победитель.

Девочка закончила читать с листка и тут же стулья сами по себе резко отодвинулись, мутные силуэты разбежались по сторонам. А Амбулас замер и смотрел вопросительно на девочку.

– Чего же ты сидишь. Прячься или тебя найдут! – сказала в ответ она.

– А как же ты? – спросил Амбулас.

– Я смотрю и не могу играть с вами. Прячься, Амбулас.

Парень мгновенно встал и выбежал из-за стола. Всюду его окружала темнота, которую лишь немного разгонял тусклый свет свечей. Амбулас бежал до тех пор, пока не наткнулся на стенку, после, он побежал в другую сторону, и снова стена возникла перед ним. Он решил на секунду остановиться, чтобы оглядеться, и быстро обнаружил, что в пару метрах от него, лицом повернутый к стене, стоял человек. Амбулас осторожно подошел к нему, он старался сделать это как можно тише, но колокольчики на обуви делали свое дело, они бряцали при малейшем движении. Но человек не реагировал никак. Парень подошел вплотную, схватил человека за воротник и отодвинул от стены. Это была обыкновенная мраморная статуя, обличенная в человеческую одежду. У каменного изваяния не было ни глаз, ни рта, ни носа, лишь их очертания.

– Кто не спрятался?

От внезапной речи Амбулас содрогнулся. Это был голос Аюны и звучал он буквально отовсюду и очень громко.

Парень резво принялся вспоминать правила игры. «Как бы вы не прятались, всё начинается сначала».

– Да где же тут спрячешься, всюду стены и ничего больше, – подумал про себя Амбулас.

«Игра для смелых. Прячется тот, кто стоит на месте».

– Неужели от меня требуется лишь застыть? Всё так просто или я ошибаюсь?

– Кто прячется, тот застыл. Я не виновата, – вновь заговорила девочка. Не прошло и секунды, она резко добавила. – Вы проиграли. Прячьтесь снова.

– Что? Не может быть, – запаниковал у себя в уме Амбулас. – Значит просто стоять на месте – это не то, что от меня требуют.

«Игра для смелых. Для смелых. Прячется тот, кто стоит на месте. Пока хоть кто-то прячется, игра будет продолжаться»

– Где же тут можно спрятаться? – спросил он вновь у самого себя.

Амбулас решил пробежать чуть подальше и быстро заметил еще одну человеческую фигуру, а затем еще и еще. Парень сумел насчитать восемнадцать фигур, и все они смотрели прямиков в стену.

– «Прячется тот, кто стоит на месте». Но ведь кто прячется, тот автоматически проиграл. Что мне нужно делать? Стоять на месте? Как я могу одновременно прятаться и не

прятаться. Чуть это какая-то!

Амбулас нервно покусывал ногти на руках и топтался из стороны в сторону до тех пор, пока Аюна вновь не повторила:

– Кто не спрятался?

Амбулас застыл на месте. Он решил просто стоять и не двигаться. Мало ли, может сейчас это сработает. Но увы! Девочка опять объявила о проигрыше. И так повторялось несколько раз. Парень пытался смотреть в стену, вслед за статуями, становился в различные позы, но поражение следовало одно за другим.

– Амбулас, ты глуп, как младенец, – недовольно крикнула девочка.

И тут Амбуласу пришла в голову новая мысль:

– «Как младенец», «Пока хоть кто-то прячется». Дети, совсем еще малыши, они же неуклюже прячутся. Ребёнок порой просто закрывает глаза руками и считает, что его теперь никто не видит. А статуи, они повернуты к стене, и якобы ничего не видят. Неужели мне стоит просто всех развернуть.

Амбулас тут же бросился приводить свой план в действие. Еще до заветных слов «Кто спрятался?» ему удалось это сделать, а когда слова еще раз повторились, замер и он, и все статуи, включая его самого, смотрели куда угодно, но не на близ лежащие стены. Настал момент истины.

– Поздравляю Вас! – воскликнула Аюна.

Амбулас вздохнул с облегчением, но стоило ему лишь

моргнуть, как он вновь очутился за столом, сидя на стуле.

– Тебе повезло Амбулас, что ты понравился гостям. Мне казалось, что уже после первого твоего проигрыша они не захотят с тобой больше играть. Гости быстро справились с этой игрой, в отличие от тебя. Поэтому скорее начнем следующую, потому что в эту игру нужно играть за два часа до рассвета. Правила такие, – девочка достала из тары на столе следующую записку. – «Каждый выбирает себе по колокольчику. После этого гости должны бесшумно ходить по дому. Каждый напряжено думает о своем. Рано или поздно вы услышите голос: «Птицы, птицы, собирайтесь вокруг мраморного гнезда». Все должны замереть. Если шорох продолжится, это значит, что игра окончена. Нужно прекратить немедленно. Среди вас невидимка! У вас одна попытка». Амбулас, не сиди. Остался только твой колокольчик. Игра началась.

Зазвенело в ушах, заболели глаза. Он опять оказался посреди комнаты, которую слегка освещали свечи. Он осмотрелся по сторонам. На это раз, уже знакомые статуи были расставлены в хаотичном порядке. На каждом изваянии нашее весело по колокольчику, такой же имел при себе и Амбулас.

По коже бежали мурашки. Парень четко видел, что статуи стояли неподвижно, но он ощущал вокруг себя мягкие потоки воздуха: кто-то ходил мимо него, и их было много. Отовсюду доносился звон колокольчиков, такой беспорядочный

и не громкий.

Амбулас не понимал, что творит, но он невольно начал опрокидывать на пол все статуи друг за другом, а те в последствии разбивались на несколько частей. В ум его сильно въелась одна фраза: «Все должны замереть». И это он проговаривал ее бесконечное число раз, до тех пор, пока весь все статуи не были разрушены, а раскатистый звон колокольчиков не прекратился. Затем он начал втоптывать в землю все оставшиеся их части, превращая всё за собой в белую пыль. И лишь только тогда, когда Аюна громко повторила следующие слова, он не останавливался:

– Птицы, птицы, собирайтесь вокруг мраморного гнезда!

Амбулас затаил дыхание. Руки, лицо, одежда: всё покрылось серой пылью. Он испытал огромное желание сорвать с себя всю эту никчемную одежду, хотелось просто рвать и метать. Сам того не замечая, Амбулас уже разгрыз ногти до мяса и крови. Багровые капли скатывались по подбородку и беззвучно плюхались на пол, оставляя черные пятна на нем. Он громко засмеялся:

– Я схожу с ума! Всё это выдумка! Не взаправду.

Он начал нащупывать у себя на груди свой медальон-оберег, проговаривая себе под нос:

– Надо покинуть это место. Немедленно! Здесь нельзя оставаться. Немедленно! -Но со страхом осознал, что изначально на себе его не замечал, и это до него вот только дошло. Паника начала заполнять его ум: если с оберегом что-

либо случится, ему отсюда ни за что не выбраться. Эта мысль не давала покоя, вплоть до того, как внимание Амбуласа не отвлекло следующее.

Перед ним возникла скульптура, напоминающее птичье гнездо. Выполнено оно было из черного гладкого мрамора. Гнездо пустовало.

– Птицы, птицы, собирайтесь вокруг мраморного гнезда, – заговорила неожиданно девочка.

Откуда ни возьмись закружилась вокруг гнезда стая птиц, а точнее можно сказать, лишь только их тени. Птичий гул бил по ушам. Амбулас изо всех сил пытался стоять на месте, следовать правилам, но это ему никак не удавалось. Колокольчик на шее предательски звенел.

Внезапно всё прекратилось, всё вновь было по-своему спокойно. Мраморное гнездо растворилось в воздухе, обломки изваяний пропали без следа. И лишь тяжелое дыхание не смолкало во тьме. Дыхание это было не Амбуласа, а доносилось оно за его спиной. Он обернулся и на него налетела сероватая фигура, напоминающая собой человека в капюшоне. Это существо пролетело только сквозь парня, но сумело свалить его с ног, а затем растворилось в воздухе.

*«Я не был мертв, и жив я не был тоже;
А рассудить ты можешь и один;
Ни тем, ни этим быть – с чем это схоже»*

– самопроизвольно зазвучали строки из уст Амблуса.

На сухие, потрескавшиеся губы скатилась слеза. На другом человеке эта капля смотрелась бы горечью. Слеза, что скатилась первой за многие годы, Амбуласа – значила предельный страх.

Руки сжались в замок, и касались подбородка – поза молящегося. Но он не верил в Бога. Упершись в холодный угол, молодой человек тем самым выбрал наиболее безопасное положение. Всё тело колело зыбью, и казалось для ног невыносимым грузом. Впервые из уст Амбуласа прозвучали слова о помощи. Но если обращение не к Богу, то к кому?

Нынешнее стечение обстоятельств, для самого парня выглядело абсурдным. Для него – мастера своего дела, было удивлением докатиться до ситуации, когда он оказался жертвой. Амбуланс ощущал себя жалким созданием, грязью, которой он считал всю нечисть, что пала от его рук. Всё то, что он так жадно пытался догнать, внезапно показало зубы, набрало мощь, и заставило его отступить. Всё это изрядно злило, и в то же время смешило Амбуласа. Но страх перед настигавшей угрозой вытеснял и эти сильнейшие эмоции.

Он был ослеплён, слеп был от мрака.

Впереди послышались шаги. Осторожные, и плавные. Было слышно дыхание. Некто остановился, и стал прислушиваться. Сердце Амбуласа сжалось в маленький комочек, и бесконечно быстро билось, заглушая тишину. Губы задрожали.

ли, а ноги заёрзали, дабы прижаться ближе к телу.

Уверенные шаги приближались к Амбуласу, и вскоре достигли юношу. Некто остановился перед ним, и приложил свою маленькую ладошку к его щеке.

– А, вот ты где! – воскликнул детский голос.

Амбулас аж вскрикнул от неожиданности.

– Сложная игра. Мне она тоже не понравилась. Вставай скорее, впереди еще одна игра.

– А-аюна, – слова давались парню тяжело, в горле всё пересохло. – Нам уже стоит уходить. Хватит, я устал играть. Гости устали тоже, правда. Нас с тобой ждут твои мама и папа. Но, я потерял одну свою вещь. Медальон, он в форм. . . .

– Ты про это говоришь, – не дослушала его девочка, достала из маленького нагрудного кармашка немного треснутый амулет с изображением молота на подвеске. – Я тебе его отдам, попозже. Взамен ты должен сыграть еще в одну игру. Обещаю тебе, она будет последняя. Бежим скорее.

Амбулас не успел дать согласие, как опять-таки очутился за столом. Аюна зачитывала правила следующей игры.

– В эту игру надо играть так. «Они видны лишь в темноте. Поэтому надо погасить все свечи в доме и открыть входную дверь. Как только эта дверь захлопнется, закройте глаза и скажите: «Я рад вас видеть. Спасибо, что пришли». Если всё было сделано правильно, то вы на мгновение увидите накрытый стол. За столом будут сидеть гости и внимательно следить за вами. Запомните их лица, вспомните их голоса.

Это и есть невидимки, которых вы поселили в своем доме». Амбулас, ты начинаешь первый.

Девочка спрыгнула со стола, за ее силуэтом скрывалась дверь. Аюна указала на нее и в это же мгновению скрылась из виду, потому что свечи вокруг погасли. Только белое сияние просачивалось сквозь дверной просвет. Амбулас неспешно встал из-за стола и подошел к двери. Он ощутил легкий ветерок, который дул из щелей, когда подносил ладонь к ручке, но стоило лишь ее повернуть, как дверь отворилась мощным потоком воздуха, а Амбуласа откинуло в сторону. Свет, который бил из дверного проема, слепил глаза. Это продолжалось недолго, так как дверь вдруг громко захлопнулась.

– Я рад вас видеть, – начал неуверенно парень. Ему показалось, что сказал это он особенно тихо, поэтому снова повторил, но уже намного громче и увереннее. – Я рад вас видеть. Спасибо, что пришли.

Не забыл он и закрыть глаза, а после сказанного открыл их вновь. Окружение сменилось: Амбулас увидел перед собой стол, накрытый красной скатертью, на полу теперь лежал глянцевый паркет, отражавший свет парных канделябров, выполненных из бронзы. На узорчатых рельефных стенах висели пустые картины.

Вокруг стола были рассажены «гости». Напоминали они собой парящие мертвые тела в серых прозрачных балахонах. Из-под капюшона не было видно их лиц. Кожа этих существ лоснящаяся, бледная, вся в слизи и струпьях. Похожее со-

здание накинuloсь совсем недавно на парня. Все «гости» не сводили глаз с Амбуласа, и издавали страшные звуки, напоминающие тяжелые кряхтение.

Вновь появилась и Аюна. Девочка с улыбкой на лице подошла к парню, который по-прежнему сидел на полу, и погладила его по голове.

– На этот раз ты сумел быстро справиться! Я горжусь тобой. Впереди у нас с тобой еще много игр. Мои гости приняли тебя и теперь не отпустят. Ты станешь похожим на них: таким же опустошенным, но свободным от эмоций, – голос девочки на некоторых слогах искажался, тон голоса то становился невысказанно высоким, то скатывался на бас.

– Не говори глупостей, прошу, перестань, – нерешительно сначала сказал Амбулас. Но неожиданно он стал говорить громче и грубее. Он встал на ноги и выпрямился. Страх и отчаяние сменилось злостью. – Немедленно верни мне вещь, которую ты мне обещала. Прекрати всё это. Сейчас ты возьмешь меня за руку, и мы уйдем отсюда, иначе тебя накажут родители, которых ты сейчас своим поведением сильно огорчаешь. Тебя не учили слушаться старших?

Но прервал его хриплый полоумный смех, который издавала Аюна. Амбулас отошел подальше, но жутко стало только тогда, когда девочка прекратила смеяться, молниеносно подбежала к парню и крепко схватила его за кисть руки.

– Так и быть, я возьму тебя за руку. «Слушаться старших». Да ты хоть знаешь сколько столетий я прожил.

Тело девочки вытянулось выше Амбуласа. Это, теперь уже, существо сбросило с себя человеческую кожу, а за ней показалась черная матовая чешуя. Фигура преобразилась в нечто сутулое, худощавое и к тому же оставалось человекоподобным. Показалось и косматое, рогатое звероподобное лицо чудовища демонической внешности. Из пасти вываливался длинный змеиный язык, текли слюни во все стороны. От существа распространялся острый запах гнили.

Амбулас быстро вырвал свою руку и отпрыгнул как можно подальше. Он с хищной яростью устремил свой взор на чудовище. Что может быть лучше, когда видишь своего врага в лицо? Туловище парня запульсировало и засияло. В один миг тело его окутала кожаная броня, за спиной появился меч, а на руке – зазубренная цепь.

– Ох, тебе было больше к лицу одеяние шута, нежели это, – засмеялось существо. – Ты возжелал со мной сразиться?

Лицо чудовища вдруг напряглось, показались острые крупные зубы, росшие в два ряда на каждой стороне челюсти. Через секунду Амбуласа окружили «гости», схватили его за ноги и руки, и поднесли напрямик к врагу.

– Я могу тебя сожрать, обглодать все твои косточки. А могу растоптать тебе их в живую в пыль, как когда-то ты растоптал осколки моих дивных скульптур. – Чудовище говорило всё это, расположив свою морду как можно ближе к лицу Амбуласа. Половину слов с тяжестью можно было разобрать,

так как произносило оно их, захлёбываясь от собственных слюней. – Захочу, и ты будешь умирать медленно, или я могу это сделать наоборот быстро, но какое от этого мне удовольствие. Это мой мир и в нем я кукловод. Ты вновь окунешься в роль шута и будешь развлекать меня тем, как ломаешь свою маленькую головенку над очередной детской игрой.

Вдруг чудище прекратило говорить, а эмоции на его морде притихли. Оно задумалось ненадолго, смотрело в пустоту, но потом заново губы существа растянулись в мерзкую самодовольную улыбку, оно опять посмотрело на скованного парня:

– Только понимаешь меня, Амбулас, всё это мне не нужно. А знаешь почему? Потому всё это сон и не взаправду. Ты сейчас спишь. Да, ты очень долго спал. Сам подумай, таких городов, как Лучезарный, просто напросто не существуют: люди не будут гнить на месте, у них разыграет инстинкт выживания. Нет, гнить они будут продолжать, но более в лучших условиях. Они будут стараться карабкаться всё выше и выше до тех пор, пока их тела не окажутся под землей, где собственно и сгниют навсегда. Амбулас, вспомни людей вокруг себя.

Разум парня плавно окутывал сон, глаза становились неподъемными, а слова чудища стало слышно громче и понятнее. Тело стало ватным, сил для сопротивления вовсе не оставалось. Амбуласу приходилось лишь слушать голос существа, ибо заглушить своими мыслями их не получалось.

– Вспомни про своих родителей. Верно, ты о них мало чего помнишь и знаешь. Что гласили заголовки тех газет, которые ты хранишь под замком в своем доме? Они будто испарились! Амбулас, признай, ты сам в это с трудом веришь. Твои родители живы, и люди окружают тебя другие. Ты болен, Амбулас. Болен тем же самым, от чего спасал людей в своем длинном сне. Ты боролся и боролся, как мужчина, до конца. Но меня прислали тебе помочь. Очнись, Амбулас. Для этого не нужно протягивать свою ладонь ко мне. Достаточно лишь поверить.

С каждым словом голос существа затихал. Вся речь его сладко убаюкивала юношу, глаза уже не было сил держать открытыми, а под веками разыграли яркие краски. Они пульсировали, пьянили и кружили сознание, от этого даже стало укачивать. Всё сильнее и сильнее чувство тошноты давило на организм, вплоть до того, пока Амбулас не услышал громкий крик:

– Проснитесь же!

Парень выпустил из себя рвотные массы и закричал от резкой боли в затылке.

– Очнитесь же, господин Интенегри, – раздался незнакомый голос. – Вы всю карету мне запачкаете. Я же твердо настаивал, что не стоит Вам выпивать столько медовухи. О Боги, давайте же я Вам помогу подняться. Стоит умыться.

Амбулас почувствовал, как его неаккуратно тянут за шиворот, а затем и вовсе повалили на землю и обрызгали холодной водой. Он взвыл от боли и от злости одновременно. Парень открыл глаза и резко вскочил на ноги, дабы узреть лицо обидчика, но тут же его пыл стих: Амбулас потеряно огляделся по сторонам, он не понимал, где находится.

Они стояли чуть поодаль от дороги, что расстилалась между густого хвойного леса и зеркального озера, которое втянуло в себя все краски нависшего над ним ночного неба. Звезды отражались так ярко и четко, на миг можно было представить, как всё в себя поглотил необъятный небосклон. Это манило и заставляло любоваться. Амбулас долго молчал, потом наконец вздохнул:

– Где мы, Вьербун?

– Мы на конце пути к храму, господин Интенегри, – незамедлительно ответил мужчина, затем с усмешкой добавил. – Что, совсем голова тяжелая? Ополоснитесь, воды здесь кристально чистые. А воздух-то какой! С привкусом какой-то травы либо цветов, но вкусно.

– Ты прав, – согласился с ним Амбулас и потер затылок, – здесь так спокойно. Я даже позабыл куда мы путь держим. Медовуха попалась дурная?

– Да бросьте Вы! Напиток был отменный, просто мера есть всему, – засмеялся Вьербун. По общению было ясно, что мужчина относился к Амбуласу с некой сдержанностью, как с начальником, но где-то мог повести себя в диалоге рас-

ковано, как делал бы это с товарищем. – Вы сильно не мешкайте, храм вот-вот покажется за тем холмом. Уже ночь как два часа назад опустилась, а обещано было добраться к обеду. Ох, умеете же вы уговаривать. Хорошо отдохнули в трактире. Душевно там. Название еще такое смешное... Краткая... Кроткая... В общем, свинья какая-то.

Амбулас начал припоминать. Расположенный на холме, окружённым с трех сторон лесом, трехэтажный трактир: подвал, в котором хранятся различные припасы, местная медовуха и прочие продукты. Главный зал, что вмещает в себя несколько десятков обеденных столов и кухня, на которой постоянно копошатся, что-то готовя, что-то выкидывая, что-то наливая. Столы в обеденной стояли кругом. Странно, но Амбулас предположил, что скорее всего хозяин таверны таким жестом хотел показать, что у него все посетители равны, не смотря на звание и социальное положение. Тепло в комнате поддерживалось благодаря большому каменному камину с кованым решетками, напротив него стоят два кресла: оба массивные, красного цвета, ножки их сделаны из дуба. У одной из стен стоял диван, довольно старый и потрепанный, хотя это не слишком заметно, ведь все его изъяны скрыты под шкурой медведя, что умер пару зим назад от старости. Напротив него – барная стойка. За ней пряталась небольшая дверь, которая ведет напрямиком на шумную кухню. Рядом с креслами перед камином, стоит старое кресло-качалка, что принадлежит одному из хозяев таверны. Винтовая лестница

со скрипучими ступенями уводила наверх, в спальную зону. Вспомнилась царившая там атмосфера, некоторые лица собутыльников, что присоединились к их компании с Вьербуном, и личико молодой развратницы, что весь вечер приставала к Амбуласу, и, в конце концов, сумела добиться должного внимания от него. Вспомнилась и табличка с названием трактира перед входом.

– «Вкрадчивая свинья», – поправил его парень.

– Всё верно.

Спустя несколько минут они продолжили свой путь. Амбулас задумчиво уткнулся в свой дневник, который был полностью чист. Его не покидало чувство потерянности, недосказанности самому себе. Он не был так поглощен этой проблемой вплоть до того, пока Вьербун не начал задавать вопросы.

– Амбулас, Вы не спите там? Я тут кое-что вспомнить не смог. Что сказал вам Ваш отец перед отъездом, когда клал арбалет в багаж? Фраза такая интересная. Хотел записать, а не получилось.

Словно разноцветной вспышкой раскрывшийся бутон воспоминаний вновь воспрянул в голове у Амбуласа. Парень увидел себя, сидящего в карете, что была припаркована у большого особняка. Всё готово было к отъезду, как вдруг к ним выбежал высокий мужчина в очках. Амбулас признал в нем своего отца.

Для каждого ребенка отец является примером, и в этой

семье не было исключений. Амбулас безгранично гордился им. Парренс Интенегри каждый день всецело окунался в работу. Как никак, а положение первого инженера государства нужно было оправдывать. В детстве, обделенный отцовским вниманием, Амбулас часто обижался на это, но, взрослея, он начал понимать отца. Зато все те мгновения, которые они разделяли с ним были бесценны. Грубые, черные от масла, руки, запах пота вперемешку с нотками пороха, колючая седая щетина, и очки в тонкой оправе, что оттеняли его синие глаза.

В руках Парренс тогда держал своё творение: многозарядный арбалет. Он закинул в багаж оружие, подошел к двери кареты и произнёс только одну фразу, а затем попрощался.

– Он сказал так: «Тот, кто посвящает себя сражению с монстрами, сам рано или поздно становится им». – Уверено ответил парень Вьербуну.

– Вы только мне это напомните, господин Интенегри. Как примчимся домой только. Я обязательно запишу.

Дом. Амбулас вспомнил и семейный особняк Интенегри, который расположился на склоне горы в таком месте, откуда открывается вид на все окрестности. Гостиная, столовая, кухня и спальня размещаются все вместе на одном этаже, а из комнаты для игр и зала с бассейном открывается ошеломительный вид на город, расположенный далеко внизу, в долине. Необычная семейная резиденция, зрелищное сочетание природной красоты, всё это вдруг развернулось в воспо-

минаниях красочными картинками.

Сердце ёкнуло. Чувство потерянности напомнило о себе еще раз. Амбулас ладонями похлопал себе по щекам. Затихшая ненадолго головная боль вновь набирала обороты. Парень открыл свой дневник, в очередной раз убедился, что там не было ни единой записи.

– А для чего мы едем в храм? И что это за храм? – озадаченно спросил Амбулас.

Ответа не последовало. Не услышал?

Амбулас приставил руки к лицу. Он мог точно перечислить те события, что приключились с ним до и после отъезда: сборы в путь, верного кучера Вьербуна и его карету, путь до трактира и посиделки в нем. Но всё остальное было окутано мраком, словно ничего не было совсем.

– Вьербун! – обеспокоено крикнул Амбулас.

– Да, господин Интенегри!

– Почему ты меня игнорируешь?

– А вы что-то говорили мне? Я, наверное, не расслышал.

Из кареты голос звучит приглушенным, да и кочки сплошняком на дороге. Храм уже близко.

Амбулас нервно открыл дверь повозки и, одной рукой зацепившись за арку, а другой облокотившись на крышу, выглянул по пояс из проёма.

– Сейчас ты меня хорошо слышишь? Что это за храм? Я совсем не припоминаю по какому делу мы тут. Ответь же мне на вопрос, сейчас же!

Губы Вьербуна расплылись в улыбке. Ответ прозвучал довольно дерзко:

– Вы – тунеядец по сравнению с вашим отцом. На кой вам журнал, если вы его не ведете? Да и пить вам надо прекращать, господин Интенегри, а то память так всю растеряете. Всё своё состояние тратите на девиц да выпивку, а любая работа вам в тягость. Ничего, всё вскоре придет обратно. Не нервничайте и не мешайте мне, дорога тяжелая. И засуньте голову обратно в карету, не дай Бог вывалитесь и убьётесь, а мне потом отвечать перед вашим отцом.

– В следующий раз держи свои мысли при себе и отвечай прямо на вопрос, – от злости у Амбуласа свело скулы. Говорить он больше ничего не стал, и просто сел обратно.

Появление храма на горизонте не заставило надолго погрузиться в унылое ожидание. Внешний вид его мгновенно вызывал восхищение благодаря необычной изящной архитектуре этого грандиозного строения, сотканной из каменного кружева порталов, башен, арок, колонн и пилястр, а также благодаря очертаниям всего здания, выполненным в виде шестиконечной звезды. Сам храм расположился на пустыре, границ которого не было видеть.

Карета припарковалась у входа в храм, чему служила остроконечная арка с трехметровыми воротами. Вьербун остался сидеть на месте и закурил трубку, а Амбулас неспешно покинул экипаж. Он подошел к дверям и дернул за веревку, за стенами раздался протяжный, глубокий звон. Секун-

ды не прошло, как створки отворились и в проходе показался невысокий, мужчина с короткой стрижкой. Не трудно было узнать в нем монаха сего храма. Он носил мантию серого цвета, а обувь его представляла собой максимально открытые сандалии, удерживаемые на ногах посредством пары полосок материи. Удивило следующее: глаза полностью прикрывала повязка, представляющая собой обыкновенную ленту из темно-серой грубой ткани, а на лбу зиял символ в форме ромба, внутри которого было изображено солнце.

– Амбулас Интенегри, ударение на второй слог, – незамедлительно представился юноша.

– Вы опоздали. – Громко бросил монах. – Ступайте за мной.

Амбулас поспешил за мужчиной. Главный зал они обошли стороной, сразу свернули в узкий коридор, освещенный лишь уличным светом, прокачиваемым сквозь крохотные окна, затем начали подниматься вверх по скрипучей винтовой лестнице. Амбулас пару раз споткнулся о ступени, так как шли они в кромешной темноте.

– Когда я просил помощи, мне лестно отзывались о вашей личности, но догадываюсь, что многое приукрасили, это сплошная реклама – заговорил монах. Его ровное дыхание было почти беззвучно, когда в то же время Амбулас безуспешно боролся с отдышкой. – Ваше запоздание – дурной тон. Было бы намного разумнее с вашей стороны вовсе не появляться, ибо не трудная дорога задержала вас, а остано-

ка в паскудном трактире, о котором выдает запах перегара. Но кто я такой, чтобы оспаривать ваше поведение в данный час. Я – слуга сего места. Говорить вам придется с Епископом. Судить ему и Богу.

Амбулас не проронил ни слова. Ему было глубоко наплевать на нотации, тем более от незнакомого ему человека. Более того, юноша понимал, раз его не выпроводили отсюда, то заказчик всё еще нуждался в его помощи. Он также посчитал, что данное поведение монаха полагается весьма грубым в сторону того человека, который способен подать руку помощи, но счел ненужным излишние пререкания. К тому же Амбулас был озадачен главным вопросом: а что собственно от него хотят добиться? Для чего он тут?

Лестница оборвалась у порога массивной двери с крупной замочной скважиной. Монах достал ключ из-за пазухи, вставил его в замок и пару раз провернул. Заскрипели штифты, заскрежетали навесы. Вдруг мужчина приставил руку к спине Амбуласа и буквально его втолкнул внутрь, а потом закрыл дверь на замок.

Парень с трудом мог хоть что-то разглядеть вокруг. Глаза уже давно привыкли к темноте, но Амбулас стоял посреди комнаты, полностью изолированной от света. Он сделал пару шагов назад, нащупывая за собой входную дверь, а когда обнаружил ручку от нее, дернул пару раз. Не поддавалось.

– Холод – это отсутствие тепла. Тьма – отсутствие света, – неожиданно кто-то подал голос. Затем послышался шорох,

зажглась спичка. Тусклый огонь осветил дряблые ладони. – Миг и тьма побеждена, но стоит потушить огонь, мрак овладевает снова. Что первично, свет или тьма? «Темно», «светло» – продукты человеческого сравнения. Может показаться, что Сам Всевышний преподносит нам ответ. Тьма была над бездной, не видно ничего, ни зги, чего поделаться там на сотворенье. Тогда Дух Божий вихрем всё вскружил вокруг: «Пусть будет свет! О, Чудо». Появился свет. Тогда первичной была тьма? Но Бог – это всё. Всевышний наш – это свет. Без него ничего нет, и тьмы к тому же. Так что же правда?

Рассказ прервался стоном, а затем и кашлем. Этот человек был серьезно болен. Дрожащая рука по-прежнему держала зажжённую спичку, и огонь вот-вот должен был достигнуть кончики пальцев, по минованию этого последовал взмах, и всюду загорелись свечи.

Стены комнаты, в которой находился Амбулас, были скруглены. Она была пуста, за исключением одинокого шкафа с оторванной дверцей и старого кресла, на котором расположился пожилой человек с повязкой на глазах, похожую носил монах, на лбу старика можно было разглядеть и такой же символ в форме ромба. Борода неопрятными клочьями торчала во все стороны, а тело было прикрыто разорванными лохмотьями робы. У него не было ног, а руки – словно кости, обтянутые тонкой кожей.

– Подойди поближе, – продолжил старик, когда он вздохнул поглубже. – Я спал и долго. Снился мне кошмар без

смысла, но не был я напуган им. Пробуждение страшит намного больше. Тот короткий момент на границе сна и яви. Момент, когда кошмар сменяется реальностью, но он ещё не забыт и пробуждающееся сознание ещё не успело стереть его из памяти. Запомнилась мне игра в том сне. Я записал ее для тебя, но не помню куда положил листок. Дай подумать.

Старик прикоснулся рукой к виску и нащупал странную ямку у левой брови.

– Что... Что это? – удивился он.

Он осторожно засунул указательный палец в отверстие на виске. У него задрожали веки под повязкой.

– Камушек...

Амбулас услышал звук, похожий на треск яичной скорлупы. Лоб, под напором руки, немного вогнулся. Старик воткнул в отверстие второй палец. Из раны прыснула густая слизь. Амбулас слушал, как захрустел череп.

– Маленький камушек!

Он начал вытаскивать из ямки пальцы, с которых стекала бесцветная мазь. Он что-то держал в них, что-то круглое.

– Нашел! Я спрятал это тут...

Старик размахнулся левой рукой и бросил в сторону Амбуласа то, что достал из черепа. Маленький бесформенный шарик отскочил от его плеча и упал ему прямо перед ногами.

Амбулас от увиденного морщил нос, а в горле появился комок. Он спустился на колени, не спуская взгляда с пожилого человека, и вслепую нащупал брошенный предмет.

Им оказался плотно скомканный кусочек бумаги. Он начал плавно его расправлять, а потом прочитал написанное на нем.

«Это игра на исполнение желаний. В неё нужно играть так. Если кому-то удалось проснуться за час до рассвета, он должен мысленно объявить себя жильцом. На рассвете жилец становится перед закрытой дверью и говорит: "Время пришло. Пора собираться в дорогу". После этих слов дверь должна остаться закрытой. Если же не получится, он больше не жилец»

– Свет поднимется над тьмой, – вновь подал голос старик. – Цикл бесконечен. Свет и тьма – одно и то же, одно целое.

Он начал заново закашливаться, воздух покидал легкие, ему становилось нечем дышать. Тихий стон послужил концом мучений старика.

– Время пришло. Пора собираться в дорогу, – Амбулас проговорил слова и повернулся к двери лицом. В уме он начал отсчет. – Один, два, три, четыре, пять, шесть.

Неожиданно щелкнула дверь и медленно открылась. Перед ним появился уже знакомый монах. Повязки на его глазах не было, оголив пустые глазницы, а символ на лбу горел синим пламенем.

Амбулас рванул что было сил, оставив за собой мужчину. Не заметив спуска с лестницы и протяженного коридора, он выбежал наружу. Но на улице не было ни Вьербуна, ни каре-

ты. Тогда Амбулас побежал куда глаза глядят, но столкнулся с препятствием: он остановился у обрыва. Храм и небольшая площадь вокруг него высоко парила над землей. А когда он обернулся, то храм уже был охвачен пламенем от основания до самой крыши. Только одна башня, нелепо прислонившаяся к правому углу здания, мрачно возвышалась над рушащимися стенами. Всё вокруг было подсвечено оранжевым заревом.

Внезапно вспыхнул язык пламени, вырвался из массы одного яркого пятна и приземлился рядом с Амбуласом. Этот огонь потух, оставил за собой клуб дыма, из которого появилось змееподобное существо с матовой чешуей.

Воспоминание мгновением воспрянули в голове. Амбулас теперь был окончательно уверен, что всё вокруг не взаправду. Память об отце, о доме – это ложь. Всё это был сон в кошмаре, воссозданным зловещим существом. Оно дурманило, хотело запутать Амбуласа, а тот в свою очередь верил этому, пусть с долей подозрения. Но что-то помешало осуществить задуманное злом.

Сознание парня начала поглощать ярость. Незаметно в руках возникнул меч. Со злостью Амбулас всматривался в бесцветные глаза чудовища. Оно же растопырило свою пасть, из которой показался змеиный язык, потекли слюни, и заговорило с ним.

– Недостаточно я тебя готовил для этого, гонял из угла в угол, унижал. Ты оказался куда более ловок для моего кап-

кана. Ты бы заслужил моего признания, ежели бы я был не я. Но я могу предложить тебе сразиться со мной в бою, так мы и узнаем хватит ли тебе стойкости. А наградой за твой выигрыш послужит жизнь этого ребенка, ведь ты за этим пришел? – Длинная, изогнутая грудная клетка существа двумя половинками с треском растопырилась. Внутри нее оказалась связанное бездыханное тело девочки. – Милое дитяtko. Ее разум словно глина, а нежная плоть так и манит впитаться зубами в тонкую шею. Хотя знаешь, я, пожалуй, откушу небольшой кусочек прямо сейчас.

– Отпусти ее! – Закричал Амбулас. – Исчезни, оставь девочку и всех несчастных людей, ты наигрался вдоволь!

Чудище громко засмеялось, скаля клыки, и начало плавно приближаться.

– Дай угадаю, ты считаешь, что моя персона – это грандиозный творец кошмаров? Ох, я польщен, но ты поторопился меня настолько превознести. Я лишь очередное сотворение большего ума, и описанием моего положения в парадигме не более, чем «шут». А «король» сейчас наблюдает за нами и потешается. Что ж, изрядно мы наигрались за сегодня, я благодарен тебе, что ты побыл моим гостем. Давай вкусим же десерт! Жаль, что сознание людей настолько хрупко.

Существо с щелчком захлопнула грудную клетку и накинулась на Амбуласа. Но парень ожидал подобной выходки, отбил мечом нападение и атаковал сам. Старался целиться он в голову, так как боялся затронуть Аюну, но попал толь-

ко по плечу. Чудовище зашипело и отскочило в сторону. Неожиданно оно начало расти в размерах, две ноги сплелись в единый хвост, а тело и морда вытянулась. Теперь определенно перед Амбуласом стояла гигантская змея.

Зловещее создание сделало пару выпадов, стараясь задеть ядовитыми клыками противника, который успешно отбивался. На следующую атаку чудовища Амбулас не задумываясь крутанулся вокруг своей оси, прочертив лезвием меча смертельный полукруг. Почувствовалось слабое сопротивление движению клинка, раздался звук рвущейся плоти, разом потеплела рукоять.

Но первоначальная легкость оказалась обманчивой. Змееподобный демон показал себя опытным бойцом, привыкшим до смерти удивлять свою жертву. В следующее мгновения боя оно нелепо, боком скакнуло к Амбуласу и неожиданно сильно ударило хвостом. Парень уклониться не успел, и резкий удар буквально смел его к стенам храма. Уже в воздухе человек успел сгруппироваться, и падение на землю его не слишком ошеломило. Наверное, только это Амбуласа и спасло. Тварь прыгнула сразу же после удара, намереваясь растерзать сбитого с ног парня, но тут же напоролось на остриё клинка. Откатившись в сторону, Амбулас вскочил на ноги и попытался завершить поединок следующим ударом, но тварь уже переборола боль и теперь, жутковато завывая, готовилась нанести новый удар. Амбулас быстро отступил назад, угрожающе вода перед собой мечом, понимая, что простым

напором здесь ничего не добьешься.

В этот момент за спиной у твари сгустился мрак, и новая фигура появилась на поле боя. Раздался хруст, в сторону Амбуласа брызнуло чем-то горячим, и тело твари с невнятным рыком рухнуло на землю.

– Кар! – крикнул ворон. Молниеносной атакой с воздуха он повалил врага, а затем острым клювом начал растерзывать плоть.

Амбулас, не скрывая радости, воскликнул:

– Друг, давно тебя не видел!

А затем он сконцентрировал в руках всю свою энергию и ткнул в область шеи змеи. Вернее, попытался ткнуть. Чудовище каким-то образом смогло перекатиться с одного бока на другой, а затем земля улетела из-под ног уже у Амбуласа, и он, словно мешок, грохнулся о землю, причем рука оказалась завернутой в болезненном заломе, грозящем при малейшем движении серьезной травмой. Ворон, тяжелыми взмахами крыльев устремился обратно высоко в небо.

Амбулас быстро вскочил на ноги. Оба соперника выбились из сил, но змей первым перевёл дух. Дальше парню пришлось туго. Чудовище с высочайшей скоростью начало наносить удары с самых непредсказуемых направлений. Вертясь юлой, беспрестанно пятясь, Амбулас уходил из-под ударов, ища возможность для контратаки. Враг такого шанса не давал. За какие-то секунды боя воин оказался легко ранен в левую руку и бедро, и теперь силы покидали его тело с каж-

дой каплей крови. Вдруг змей прервался и громко зашипел – в дело вновь вступил ворон. Амбулас тут же воспользовался замешательством противника: сделав длинный шаг в сторону, он бросил цепь с левой руки в сторону башни, дождался пока крюк вцепиться в стену, и взмыл в воздух.

В момент, когда воин пролетал над головой твари, он спустил цепь, стремительно направил меч в центр головы врага, и самым кончиком лезвия чиркнул по ней. Во все стороны брызнула кровь, раздался крик. Змей пал от ранений и бессилия. А затем тело его начало сужаться и обратилось в первоначальный вид.

Амбулас сначала рванул в сторону чудовища, но решил сбавить шаг и осторожно подошел к нему. Враг тяжело дышал, из зубастой пасти лилась черная кровь, а в глазах читалось недоумение. Парень без единой капли жалости аккуратно почеркнул чужое брюхо, оставив на нем красную полосу, а затем обратным движением рассек череп надвое. Предсмертный вой огласил поражение врага.

– Кар-кар, – вскричала черная птица и покинула поле боя.

Амбулас отбросил меч в сторону, пал на колени рядом с жертвой, и руками принялся сначала разрывать плоть, а потом прошивать грудную клетку. Через череду проломанных костей, через тошнотворный запах, парень добрался до тела Аюны и вызволил ее оттуда. Девочка была бледна, но она еще дышала. Ее волосы слиплись, кожа была обтянута алой прозрачной слизью, одежда была изрядно потрепана, а

на шею свисал защитный медальон Амбуласа.

Парень, крепко сжимая в руках тело Аюны, отодвинулся подальше от поверженной твари. Он прижал девочку к своей груди, и зарыдал в голос, пошатнувшиеся нервы дали о себе знать. Со всех сторон трещал огонь, Амбулас оглядывался на каждый шум, опасаясь нападения очередного противника, но всё было относительно спокойно.

Амбулас перебрасывал взгляд с девочки на разлагающиеся останки поверженного чудовища, и наоборот. Он и вообразить не мог, что ему предстоит столкнуться с подобным. Все кошмары, что были до этого, и их враждебность к воину, это спонтанная защита, тяга к выживанию. Данное проклятие – паразит, способный управлять разумом носителя. Но в сознании Аюны произошло нечто совсем невообразимое. Тут не было тех самых обыденных миров, построенные злом, и его скудоумных защитников. В этом кошмаре поселился самый настоящий демон, который мог мыслить, общаться, готовить испытания, ставить ловушки. И самое ужасное: у этого демона был создатель. Мурашки пробежали по всему телу, перехватывало дыхание только от той мысли, на что тогда способен этот «большой ум». Хотелось поскорее убраться отсюда.

Амбулас вновь посмотрел на девочку. Она почти не дышала. Жестоко было предпринять попытку ее разбудить: Аюна очень слаба и не сможет очнуться. А это значит, что либо они здесь навечно будут заперты вдвоем, либо суждено спа-

стись только Амбуласу, благодаря только тому, что амулет защиты уцелел.

Неожиданно с неба спустился клубок света. При соприкосновении с землей, прогремела вспышка и ослепила парня. Затухло пламя, крупный дождь полился ручьями и один за другим раскатились удары грома. «Нависла новая угроза», – сделал вывод Амбулас.

Он смиренно закрыл глаза, тяжело вздохнул, осторожно положил девочку на землю, схватил меч и нелегко встал на ноги. Очередное сражение могло закончиться плачевно для воина. Амбулас продолжал стоять с закрытыми глазами, он втягивать воздух, который становился с каждым вздохом все прохладнее. Сил осталось не так много, но он был готов потратить их с умом, дабы сделать всё возможное, чтобы продлить существование Аюны и своё собственное. Воин вытянул руку с мечем вперед, стал в боевую стойку и резко открыл глаза.

Душа пала на колени, когда Амбулас увидел перед собой не врага, а призрачный голубоватый сгусток свечения в виде лося. Этот образ у него ассоциировался только с одним: спутник-талисман Каны. Но как такое могло произойти?

Амбулас, словно увидел родную мать после долгого расставания, потянулся к талисману, но резко попятился назад, когда вспомнил про Аюну. Тогда лось подошел сам. Тело животного растянулось в круг и внезапно закрутилось в небольшой ураган. И вновь взбесились раскаты грома. Вокруг Ам-

буласа и девочки все засверкало, зажужжало, сильно слепило глаза. Окончательно завершило всё одна вспышка, послужившая концом кошмара.

Пробуждение после тягостного, болезненного забытья всегда мучительно, но если при этом тебя немилосердно трясет, вокруг слышны озабоченные голоса, а ноздри щекочет запах крови, то к плохому самочувствию добавляется еще мерзкий привкус паники.

Сознание Амбуласа возвращалось медленно, это было похоже на плавный подъем из глубины реки, когда вожденная поверхность приближается с каждым гребком все ближе и ближе, становится ярче свет и набирают силу звуки, пока ты не вынырнешь, заглатывая воздух широко раскрытым ртом. Окружающий мир принимал парня неторопливо, шаг за шагом скармливая ему отмеренные порции старых чувств.

– Воды. Подайте воды... – Слова никак не хотели проталкиваться сквозь окаменевшие губы, язык не ворочался, а легкие, казалось, вот-вот разорвутся на части. Сердце зашло в сумасшедшей пляске.

– Девочка! Где она? – протолкнул он еще один вопрос и попытался облизать губы. Совсем рядом кто-то зашевелился, в рот упало несколько капель воды. Мало, но хоть немного уменьшилось жжение и отступила сухость!

– Смилуйтесь, дайте ему напиток! – пронесся тонкий го-

лосок. – Прошу вас. Ему очень плохо.

– Этого достаточно. – Прервало панику девушки мужское шипение. – Обильное количество воды вызовет рвотный рефлекс. Пожалуйста, покиньте комнату. Я вас позову.

– Элиан, не переживай ты так. Амбус очнулся, а это уже важный знак, – раздался третий женский голос.

Послышался девичий плач и следом кто-то хлопнул дверью. Стало тише.

– Амбулас, вы же помните меня? Знаете, где вы находитесь? – спросил мужчина.

Амбулас пытался сосредоточиться. Свое сознание он почему-то сейчас представлял слабым огоньком свечи, кланяющимся каждому сквозняку. Разуверившись в своей способности ясно мыслить, он спросил:

– Что произошло со мной?

Мужчина немного склонился над Амбуласом и шепотом сказал:

– Вы справились, господин Интенегри. И хочу Вас обрадовать, с девочкой всё хорошо, она вполне здорова, и бодро держится на ногах. Давайте же попробуем следовать ее примеру, приходите в себя.

От собеседника пахло мылом и различными лекарственными препаратами. Уверенно можно сказать, что над парнем нависла тень лекаря Лучезарного.

– Помогите сесть, – внезапно попросил Амбулас и сморщился от боли, как только сменил позу.

Наконец он открыл глаза. Действительно, перед ним стоял знакомый доктор. Следом, он оглядел себя: вся одежда была испачкана кровью. Да что там говорить, всё вокруг Амбуласа было измазано красной густой жидкостью.

За окном стояло дождливое и ветреное утро или же день. Из-за хмурых туч сложно различить точное время суток. В обширной комнате они были одни. Вокруг стояли расправление кровати, лежали вещи, на широком столе стояло несколько тарелок с едой и пара кувшинов, был зажжен камин, хотя в помещении чувствовалась прохлада из-за сквозняков.

– Девочка точно здорова, где она? – наконец уверенно повторил свой первый вопрос Амбулас.

– Она сейчас играет в холле, – ответил лекарь. – Всё хорошо. Вокруг нее взрослые. И ваша бабушка тоже пожаловала к нам. Прекрасная женщина, я скорее бы спутал ее с вашей матерью или тетей, но никак не назвал бы ее бабушкой.

– Кана здесь! – обрадовался парень. – Когда же она успела приехать?

– Всего пару недель назад. Амбулас, вы проспали трое суток, прежде чем пришла в сознание Аюна. Через следующие тринадцать дней очнулись и вы.

Амбулас был ошарашен вышесказанным. Он вспрыгнул на ноги и снова ощутил, как судорожно затряслось его тело. Через боль он подошел к зеркалу. Он изрядно похудел, кожа приняла нездоровый тусклый оттенок, лицо заросло щети-

ной. Тело было всё в кровоподтеках и синяках.

– Господин Интенегри, пару недель без череды усердий и соблюдения определенной диеты приведут вас в порядок, – лекарь поспешил ободрить парня. – Искусственное питание организма, всегда не лучшим образом сказывается на его благополучие. Удивительно, но только посмотрите, вы уже встали с постели самостоятельно. Я думаю, что вам стоит умыться, побриться, но это уже на ваше усмотрение. Одежда вся выстирана. Вас заждались друзья, в особенности одна молодая особа.

Амбулас согласился с ним, но заспешил привести себя в порядок, а лекарь принялся отмывать комнату от крови. Спустя более получаса, Амбулас спустился вниз. Его появление не сразу было замечено. В холле была зажжена печь, на ковре возле нее, с куклами развлекалась Аюна. Недалеко на кожаном кресле расположился незнакомый крупный мужчина и читал книгу. Напротив печи стоял диван, на котором сидела Кана, а рядом лежала Элиан, которая положила свою голову на ее колени.

Девочка заметила Амбуласа первая. Она отбросила все игрушки и испугано спряталась за кресло. Все подняли глаза, посмотрели в сторону парня и ободрились. Вперед подбежал мужчина, схватился за ладонь и принялся ее бодро трясти.

– Господин Интенегри, я всем сердцем хочу отблагодарить вас. Меня зовут Алетт. Вы не припоминаете меня? Вы

спасли мою жизнь, когда меня подкосила болезнь. Спасибо! Спасибо вам огромное. – Вдруг Амбулас разжал рукопожатие. Мужчина опомнился и немного отошел. – Ох, что же это я так грубо себя веду. Как ваше здоровье? Я так молился за ваше пробуждение. Вы что-нибудь перекусили? Вы, наверное, чертовски голодны и устали!

– Аллет, отстань же ты с расспросами, – вступила наконец Кана, осторожно подвинула мужчину и обняла Амбуласа. – Знаю, что ты этого не выносишь, Амбус, но потерпи немного, бабка изрядно соскучилась по тебе, – затем она его оглядела с ног до головы. – Ах, худоба тебе не к лицу, совсем себя загонял. Но я горжусь тобой.

– Я тоже тебя рад видеть, Кана, – улыбнулся парень. – Скажи мне, ведь это ты помогла нам выбраться?

– Амбус, сбавь хватку. Об этом мы поговорим с тобой потом. А сейчас с тобой хочет очень познакомиться эта малютка.

Кана подозвала рукой к себе девочку, которая с любопытством выглядывала из-за кресла. Аюна тихонько подбежала и теперь уже спряталась за спиной Каны. Женщина засмеялась.

– Ой, ну и трусишка эта Аюна. Все уши прожужжала со своими расспросами. «А когда он проснется?», «А почему он так долго спит?», «Я хочу с ним побыстрее познакомиться», – Кана снова рассмеялась.

Амбулас присел на корточки и улыбнулся девочке:

– На самом деле ты очень смелая и сильная, Аюна. Мы с тобой многое прошли. Ты большая молодец, страх тебе не почем.

– Она еще много рисунков сделала, на которых изображены ты, – наконец вступила и Элиан. Всё это время она сидела на диване и смущенно смотрела в сторону Амбуласа. На щеках ее пылал румянец, а глаза сияли ослепительным блеском.

– Обязательно их посмотрим. Рад слышать твой голос, Элиан. – Кивнул парень, отчего щеки девушки загорелись еще ярче. – Я обязательно посвящу свое время каждому. Но сейчас я хочу встретиться с Губернатором. Следует выяснить на какой земле стоит Лучезарный. У меня к нему немало вопросов. Есть еще больные? Я много времени упустил. Конечно же, эти люди есть, о чем это я!

Амбулас, миленький, сейчас... – тихо беспокойно бросила Элиан и встала на ноги, но ее прервала Кана.

– Амбус. Сейчас ты пока ничем не сможешь помочь.

– Что? Что ты этим хочешь сказать? – Парень занервничал и каждому посмотрел в глаза в поисках ответа.

– Амбус. Урбэм спит. Все в этом городе спят!

Конец первой части.